

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

Толмачев Вячеслав Владимирович

**ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УСТАНОВЛЕНИЯ И
РЕАЛИЗАЦИИ ЗАПРЕТОВ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ
(ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

12.00.01. – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Научный руководитель:
Сенякин И.Н.,
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный юрист РФ

Саратов — 2014

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Общая характеристика юридических запретов: теоретико-правовой анализ.....	18
Глава 2. Законодательная техника установления запретов в российском праве.....	46
Глава 3. Правоприменительная техника в сфере реализации правовых запретов.....	89
Глава 4. Унификация запретов в российском и международном праве.....	118
Заключение.....	150
Библиографический список.....	154

Введение

Актуальность темы исследования. В общей теории права проблема техники закрепления нормативно-правовых запретов не имеет надлежащего решения, по-прежнему требует к себе повышенного внимания. В действующем российском законодательстве не получили своего официального закрепления дефиниции понятий «правовой запрет», «система запретов в праве», «правоприменительный запрет», «запрещающее предписание», что, с одной стороны, выступает своеобразным понятийным пробелом в нормативно-правовом материале, а, с другой стороны, служит побудительным сигналом к активизации действий по дополнительной научно-теоретической проработке данного вопроса.

Одной из наиболее актуальных задач юриспруденции выступает необходимость установления технико-юридических принципов и критериев институционально-иерархической согласованности, сбалансированности запретов, обязываний и дозволений в праве. Нерешенность данной задачи снижает эффективность использования указанных средств в механизме правового регулирования. По настоящий момент законодатель не придерживается четких ориентиров в установлении логических пределов должного, запрещенного и дозволенного вариантов поведения для субъектов правоотношений. В российском законодательстве дисбаланс рассматриваемых инструментов приводит к возникновению нормативно-правовых «узлов», нарушающих системность его построения. Нормативно-правовой материал не свободен от различного рода вертикальных и горизонтальных рассогласованностей запретов и дозволений. К примеру, нормативно-правовой акт одного уровня устанавливает запрет определенных действий, а законодательный акт другого уровня предусматривает прямо противоположный в отношении одного и того же варианта поведения.

Так же имеет место избыточное установление правовых запретов в отдельных отраслях законодательства. В последние годы наметилась

негативная тенденция неоправданного увеличения числа запретов не только в области публичного, но и частноправового регулирования. Не соблюдение технико-юридических требований в установлении юридических запретов нивелирует положительный потенциал, закладываемый в нормативно-правовые предписания, создает целый ряд трудностей в правоприменительном процессе, а в итоге тормозит развитие регулируемых правом общественных отношений. Логико-модальная «путаница» действующего законодательства дестабилизирует всю российскую правовую систему, снижает авторитет права, содействует укреплению правового нигилизма в общественном сознании, а избыточность юридических запретов и дефекты их технико-правового установления и вовсе потенциально способны превратить механизм правового регулирования в реакционную «клетку» по сдерживанию социального прогресса.

Об опасности подобного обращения с запретами имеется немало убедительных предупреждений со стороны научного юридического сообщества. «Ненужные запретительные пути разрушают нормальную деонтическую интервалику в системе нормативно-правовых регуляторов, что приводит к гипертрофии принудительного фактора в поддержании общественного порядка, подрывает нравственный авторитет государства, его управленческих акций»¹.

По настоящий момент техника оформления правовых запретов не имеет единых общемировых и внутринациональных стандартов.

В ходе закрепления запретов, немаловажное значение имеют лингвистические правила и приемы их технико-юридического оформления. В законодательстве порой «молчаливый запрет» технически оформляется посредством установления целого ряда избыточных обязанностей (как например, имеет место в правовом механизме реализации прав граждан на митинги, шествия и демонстрации). Здесь наблюдается не пробел в праве, а,

¹. Чернобель Г.Т. Техника закрепления нормативно-правовых модусов // Нормотворческая юридическая техника / Под ред. Н.А. Власенко. М.: Юстицинформ, 2011. С. 130.

наоборот, запредельная правовая регламентация общественных отношений, граничащая с юридическим запрещением на их фактическую реализацию. Следовательно, средства юридической техники позволяют не только содействовать более эффективному закреплению запретов в законодательстве, но и кардинальным образом изменять их предназначение и социальную ценность, что лишний раз свидетельствует о важности и актуальности научного осмысления именно технической стороны оформления запретительных инструментов в праве.

Кроме того, в российском обществе остаются актуальными задачи укрепления дисциплины государственных служащих, борьбы с коррупцией, минимизации уровня преступности в целом.

Для эффективной реализации указанных и иных задач, безусловно, необходимо установление и использование единой целостной системы запретов в праве. С точки зрения юридической технологии запреты в правовой системе имеют полифункциональную природу. Надлежащее, полное и всестороннее исследование технико-юридических правил, средств и приемов использования правовых запретов — одна из наиболее важных и актуальных в научно-практическом плане задач современной отечественной юридической науки.

Степень научной разработанности темы. Избранная тема исследования не получила глубокой теоретической и практической разработки. Самостоятельное монографическое исследование, посвященное рассмотрению именно специфики технико-юридического закрепления и применения запретов в праве, отсутствует в юридической литературе.

Не теряет актуальности во многом утверждение С.С. Алексеева о том, что юридические запреты представляют собой сложные образования, еще мало изученные правовой наукой.

Далеко не все грани полифункциональной сущности запрета привлекли внимание представителей науки общей теории государства и права. В частности, вовсе не изученным является в рамках общетеоретического подхода вопросы о

правоприменительной технике претворения юридического запрета в жизнь, техники унификации запретов в российском и международном праве, специфика средств толкования и конкретизации запрещающих правовых предписаний. Не раскрывается в общей теории права и сущность запрета как особого вида правового наказания, как способа защиты права в частноправовой сфере, как средства обеспечения в процессуальном праве, как инструмента индивидуально-договорного регулирования, как правоприменительного предписания.

Преимущественно исследователи сосредоточили свое внимание на вопросах понимания запрета как особого вида норм права, его классификации и отдельных моментах отраслевой специфики.

На уровне общей теории права запрет стал объектом и предметом исследования следующих авторов: С. С. Алексеева, Н. Г. Александрова, А. Г. Братко, А. А. Бобровой, З.Д. Ивановой, В. Н. Кудрявцева, О. Э. Лейста, А. С. Пиголкина, Т. Н. Радько, Ю. С. Решетова, Н.Н. Рыбушкина, М.М. Султыгова, Ф. Н. Фаткуллина и др. Отдельного упоминания заслуживают монографии: С.С. Алексеева «Общие дозволения и общие запреты в советском праве», вышедшая в свет в 1989 году, А. Г. Братко «Запреты в советском праве» 1979 года издания и Н.Н. Рыбушкина «Запрещающие нормы в советском праве», опубликованная в 1990 году. Наиболее поздней работой комплексного характера по рассматриваемой тематике является диссертация М.М. Султыгова «Запрет как метод правового регулирования», выполненная и представленная на защиту в 1996 году.

Большинство фундаментальных работ по общетеоретическому осмыслению сущности и содержательных характеристик правового запрета были выполнены более 20 лет назад, опирались на анализ законодательства еще советского периода. Следовательно, имеет место настоятельная потребность в обобщении отраслевого материала по правовым запретам, выраженным в новейших законодательных актах России. За прошедшее время изменилось не только содержание большинства юридических запретов, но и претерпели

существенную модернизацию технико-правовые правила их законодательного установления и практического применения.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в области законодательного установления и практической реализации правовых запретов, технико-юридические средства и правила их закрепления в нормативно-правовых актах, инструменты толкования и конкретизации запрещающих нормативно-правовых предписаний, приемы и результаты международно-правовой и внутригосударственной унификации юридических запретов.

Предмет исследования составляют: наиболее общие закономерности техники нормативного установления и применения правовых запретов; понятия, признаки и классификация запретов в праве; их системно-функциональная характеристика, а также основы теоретической модели техники унификации запретов в российском праве.

Цели и задачи диссертационного исследования. Цель диссертационного исследования заключается в формировании комплексных общетеоретических основ единой концепции технико-юридических средств и правил закрепления и применения правовых запретов, в уточнении их сущности, многофункциональной природы, а также в выявлении типичных технико-юридических ошибок законодательного оформления запретов и дефектов процесса их применения в правовой системе России.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- уточнить понятие, признаки и классификацию правовых запретов, дополнить теоретические знания о полифункциональном предназначении запретов в правовой системе;
- исследовать специфику правил и приемов технико-юридического оформления запретов в российском законодательстве;
- определить типичные законодательные ошибки в процессе установления запретов;

- раскрыть особенности правоприменительной техники в отношении процесса реализации правовых запретов;
- выявить наиболее типичные случаи нарушения техники применения юридических запретов;
- проанализировать практику унификации запретов в российском и международном праве.

Методологическую основу исследования составил материалистический диалектический подход к изучению как самих правовых запретов, так и техники их законодательного установления и применения на практике, что позволило видеть их в развитии, взаимодействии и противоречии. Исследование проводилось также с опорой на такие научные принципы познания, как историзм, объективность, системность и комплексность.

В диссертации использовались современные общенаучные и специальные методы познания, в частности: логический, структурно-функциональный, формально-юридический и сравнительно-правовой. Приемы логического метода позволили уточнить в исследовании дефиниции правового запрета, классификацию его видов, произвести обобщение отраслевых особенностей техники оформления и применения запрещающих предписаний в праве. Формально-юридический и системный метод легли в основу уяснения содержания законодательных запретов, их системного изложения. В дополнение к этому функциональный подход содействовал уточнению полифункциональной природы запрета, поиску новых знаний о сущности запрета как способа защиты и обеспечения права, как средства наказания и особого вида правоприменительного акта. Кроме того, структурно-функциональный анализ предоставил дополнительные возможности по более полному отражению межотраслевых связей запретов в российском праве, по уточнению теоретической структуры и элементному составу правового запрета.

Теоретической основой исследования являются общетеоретические и специально-отраслевые работы, посвященные понятию, сущности и классификации правовых запретов, юридической технике, особенностям законодательного оформления и применения запретов, взаимодействия запретов с иными средствами правового регулирования. Диссертант также опирался на труды по конституционному, уголовному, административному, налоговому, гражданскому, трудовому праву.

Эмпирической базой исследования послужили международно-правовые акты; Конституция РФ 1993 г.; федеральное законодательство. Также анализу были подвергнуты материалы правоприменительной практики Европейского суда по правам человека и высших судебных инстанций в России: Конституционного Суда РФ; Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

Научная новизна диссертационной работы обусловлена системным общетеоретическим исследованием наиболее общих закономерностей техники законодательного установления и применения на практике правовых запретов, их многофункционального назначения в правовой системе, а также типичных ошибок и дефектов в их использовании в юридической практике, что выразилось в частности, в следующем:

- уточнена общетеоретическая дефиниция правовых запретов и основания их классификации, дополнены знания об отдельных видах запретов в праве, их межотраслевых связях;
- представлен авторский взгляд на полифункциональную природу правового запрета;
- дополнены общетеоретические знания положениями о запрете как способе защиты и обеспечения права, как особого вида наказания, о запрещающих предписаниях правоприменительного характера;
- пересмотрены общетеоретические положения о структуре правового запрета и его нормативно-логическом содержании;

- выявлена специфика технико-юридических средств и правил законодательного оформления правового запрета, требований, предъявляемых к данному процессу;

- в ходе обобщения отраслевого знания выявлены наиболее типичные законодательные ошибки в нормативном установлении правовых запретов;

- проанализированы особенности техники применения запретов в юридической практике, уточнена роль судебных правоположений в процессе толкования и конкретизации правовых запретов;

- установлены в ходе отраслевого обобщения, наиболее часто встречающиеся дефекты правоприменительной практики запрещающих нормативных предписаний;

- уточнены и дополнены общетеоретические знания о процессе унификации запретов в российском и международном праве.

Результатом проведенного исследования являются следующие **положения, обладающие научной новизной и выносимые на защиту:**

1. Предлагается и обосновывается уточненное определение правовых запретов как сложного комплексного способа правового регулирования, представляющего собой единство общих и специальных запрещающих нормативно-правовых предписаний, устанавливаемых с целью недопущения совершения наиболее общественно вредных вариантов поведения субъектов права и обеспечиваемых возможностью применения мер юридической ответственности за их нарушение, а также выполняющих в определенных случаях функцию защиты и обеспечения права или наказания.

Представляется, что разорвать в понимании правового запрета его содержательную, формальную и функциональную составляющую в теории достаточно сложно и методологически неоправданно. На практике же все формы проявления запрета образуют единый комплекс нормативных предписаний, закрепленных в законодательстве, элементы которого имеют различную функциональную нагрузку. В связи с этим доказывается большая точность и продуктивность единого системного подхода к пониманию

сущности правового запрета. Многофункциональность запрета в системе права не должна служить основой для его излишне искусственного теоретического подразделения на три самостоятельные научные конструкции – запрещающая норма, запрет как способ правового регулирования и запрет-принцип в праве.

2. Аргументируется, что запрещающее нормативное предписание как единицу текста, как особый юридико-технический прием, не следует смешивать с охранительной нормой права, частью которой оно является. Более логичным и оправданным представляется с технико-юридической точки зрения понимание запрета как относительно самостоятельной текстуальной единицы нормативно-правового акта, которая функционально может выражать принцип правового регулирования, наказание-запрет, гипотезу охранительной нормы, способ обеспечения исковых требований и др.

3. Обобщая ранее высказанные точки зрения, уточняется классификация запретов в российском праве по следующим наиболее значимым основаниям: по содержанию; по форме нормативного установления; по отраслевой принадлежности; по функциональной роли; в зависимости от специфики технико-юридического выражения; по объекту воздействия; по вызываемым последствиям; по юридической природе; по методу формирования; по форме и способу установления.

4. Уточняя характерные признаки правовых запретов, выделяются следующие из них: в отличие от обязывания и дозволения ориентируют субъектов права на пассивный вариант поведения – воздержание от совершения определенного действия; за их нарушение устанавливаются меры юридической ответственности; выступают наиболее жестким способом правового регулирования, являясь важнейшим элементом разрешительного типа правового регулирования; в системе охраны права могут выполнять функцию способа защиты прав, обеспечения процессуальных действия (запрет отчуждать вещь на время спора) или могут выступать в качестве отдельного вида наказания (запрет на осуществление определенной

деятельности); обладают спецификой технико-юридического оформления в законодательстве, находя свое выражение в виде общего принципа или в виде отдельного нормативно-правового предписания, запрещающего определенный вариант поведения напрямую, а также требуют использования особых юридических конструкций и соблюдения специальных правил юридической техники при их установлении; являются одной из гарантий установления режима законности и правопорядка в обществе; в определенном сочетании с обязываниями и дозволениями определяют специфику того или иного метода правового регулирования; имеют системный характер, пронизывают всю систему права, входя в структурное содержание ее основных отраслей – конституционного права, гражданского права, административного и уголовного права.

5. Обобщая отраслевые знания, доказываемая целесообразность подразделения совокупности требований (принципов) технико-юридического оформления запретов в законодательстве на две группы: *требования, обусловленные общесоциальными закономерностями* действия запретов, и *специально-юридические требования*, предопределяемые закономерностями функционирования правовой системы.

В числе *общесоциальных принципов (требований)* следует назвать:

- установление правовых запретов лишь в отношении деяний, создающих потенциальную либо реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям (требование социальной обоснованности запрета);

- наличие определенной степени устойчивости и повторяемости запрещаемого типа деяния (требование устойчивости – запрет, как правило, не следует устанавливать в отношении возможных единичных деяний, вероятность осуществления которых близка к нулю);

- необходимость учета положительных и отрицательных моментов установления нового запрета в праве, ибо всякий запрет есть некое

неизбежное «зло», ограничивающее социальную активность участников общественных отношений;

- адекватность запрета по отношению к деянию им запрещаемому (не всегда выбор запрета для ограничения нежелательной активности субъектов оправдан, порой можно воспользоваться мерами профилактического характера, средствами стимулирования совершения иных социально-ценных вариантов поведения – «мягкое» правовое регулирование и ограничение нежелательных поступков).

Специально-юридический характер имеют следующие требования: соответствие конституционным принципам и нормам, общеправовым принципам; беспробельности нормативного установления запретов; процессуальной обеспеченности механизма реализации запрещающего предписания; системной непротиворечивости устанавливаемого запрета с иными запрещающими нормами; неизбыточности запрета (нежелательно неоправданное дублирование запрещающих предписаний, излишнее их установление и т.д.); определенности и единства терминологии; полноты состава запрещаемого деяния; соразмерности санкции и запрещаемого деяния.

6. В ходе анализа российского законодательства выделяются следующие *варианты возможного технико-юридического закрепления запретов в праве:* в виде общеотраслевых и отраслевых принципов права; в виде дополнительного сигнала-предупреждения; как средство позитивного регулирования общественных отношений; в виде своеобразного технического приема по установлению общедозволительного режима; в качестве нормы-изъятия из более общего правила; как запрещающее нормативное предписание изложенное бланкетным способом; в виде особого способа защиты права; в процессуальных отраслях права как инструмент обеспечительного свойства; посредством использования термина «запрет» в названии нормативно-правового акта.

7. В результате использования логико-нормативного подхода, обосновывается необходимость общетеоретического рассмотрения запрета не только как нормативного предписания, способа правового регулирования, но и как логической, технико-юридической конструкции. Подобный подход предоставляет возможность с позиции юридической техники усовершенствовать процесс законодательной фиксации правового запрета, посредством установления масштаба и цели предполагаемого правового воздействия. Представляется, что *структура правового запрета* включает в себя следующие элементы: субъект; объект; предмет охраны; цель. Подобный подход встречается в науке конституционного права, уголовного права, административного права, что требует обобщения и распространения в теории государства и права.

8. Обобщая отраслевые данные о терминологическом оформлении запретов в праве в систематизированном виде представлены соответствующие специфические правила и средства юридической техники. Раскрываются основные особенности языковой формы выражения запретов в праве посредством анализа как универсальных, так и специально-юридических текстовых единиц. Выделяются обязательные требования к дефинициям понятий, используемых в запрещающих предписаниях.

9. Определяются наиболее повторяющиеся *правотворческие ошибки* в области юридического запрещения: избыточность и дублирование правовых запретов; терминологическая коллизийность; неоправданное использование оценочных понятий и признаков; оперирование чрезмерно сложными юридическими конструкциями; нарушение системных межотраслевых связей между отдельными правовыми запретами; избыточная конкуренция специальных запрещающих предписаний (например, в уголовном законодательстве).

10. Устанавливается, что бланкетный характер значительного числа юридических запретов требует их соответствующей конкретизации в ходе правоприменительной деятельности. Детализация межотраслевого характера

является неотъемлемой частью правоприменительного процесса, сопряженного с квалификацией деяний, нарушающих запреты, изложенные в праве бланкетным способом. Следовательно, речь идет об усложненной технике толкования и применения запрещающих правовых предписаний, имеющих бланкетный способ закрепления в законодательстве. Кроме того, применение запрещающих предписаний может быть осложнено и наличием в них оценочных признаков и понятий, что также создает дополнительные трудности на практике.

11. В качестве общетеоретического обобщения предлагается выделение следующих *техничко-юридических требований (принципов) к процессу применения правовых запретов*: соблюдения приоритета основных прав и свобод человека; недопустимости введения новых или расширения сферы действия уже установленных законом запретов посредством правоприменительной деятельности; системности толкования и конкретизации правового запрета; материальной и процессуальной обеспеченности и гарантированности реализации запрета; неотвратимости применения запрещающего предписания в случае совершения правонарушения; действия презумпции невиновности; разрешения коллизии запрещающих нормативных предписаний в пользу нормативно-правового акта, обладающего большей юридической силой; соблюдения правила – закон, устанавливающий запрет, обратной силы не имеет; недопустимости подмены судебными правовоположениями запрещающих предписаний закона; обеспечения права лица на обжалование акта применения в отношении него правового запрета; обеспеченности реализации правового запрета средствами государственного принуждения; ориентации на принципы справедливости, разумности и добросовестности при применении запретов в частном праве. соблюдения правила разрешения конкуренции запретов – «специальный запрет отменяет действие общего».

12. Отстаивается тезис, согласно которому технико-юридические аспекты темы подлежат раскрытию не только в отношении применения

нормативных запрещающих предписаний, но и по отношению к судебным запретам, запретам обеспечительного характера, а также к использованию запретов-наказаний.

В качестве основных технико-правовых недостатков процесса применения запретов в праве выделяются: отсутствие надлежащего механизма по привлечению к ответственности за нарушение правового запрета; игнорирование правила «специальный закон отменяет действие общего» (при этом данная правоприменительная ошибка является типичной и при реализации запретов в уголовном, административном и других отраслях права); неверное преодоление конкуренции запрещающих правовых предписаний; игнорирование такого принципа юридической техники, как недопустимость расширительного толкования юридического запрета.

Научное и практическое значение диссертационной работы. Содержащиеся в исследовании обобщения и выводы призваны способствовать дальнейшему совершенствованию практики законодательного установления и применения запретов в российской правовой системе. Сформулированные положения дополняют и развивают разделы общей теории права, посвященные способам правового регулирования, юридической технике, правотворчеству, правоприменительной практике.

Выводы, полученные в результате проведенной работы, сформулированные предложения могут применяться в дальнейшей научной разработке таких разделов теории государства и права, как: юридическая техника; нормы права; механизм правового регулирования; унификация законодательства. Результаты исследования можно использовать в учебном процессе при преподавании курса теории государства и права, в частности, при подготовке лекций, проведении семинарских занятий, написании научных работ по данной проблематике.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертации докладывались и обсуждались на

заседаниях кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», методологических семинарах в Саратовском филиале Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт государства и права РАН. Наиболее значимые теоретические выводы и предложения изложены автором в опубликованных работах.

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка использованной литературы.

Глава 1. Общая характеристика юридических запретов: теоретико-правовой анализ

Запрет является одним из древнейших средств правового регулирования. На первоначальном этапе своего развития право сплошь состояло из запретов. В современных условиях запрещающие нормативно-правовые предписания также не утрачивают своей значимости, выступая одной из основных составляющих охранительной подсистемы права. По настоящий момент правовые запреты являются одним из важнейших инструментов определения границ должного поведения участников общественных отношений.

Актуальность и значимость исследования обозначенной проблемы всячески подчеркивается в новейшей юридической литературе, а также на проводимых в настоящий момент научных мероприятиях. Так, в 2013 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ под руководством А.Ф. Ноздрачева был проведен проблемный семинар на тему «Изучение доктринальных подходов к понятию административно-правовых запретов», в ходе которого был сделан вывод об особой ценности правовых запретов в сфере государственного управления. При этом руководитель семинара, указывая на исторически корни запретов в религиозно-обрядовой сфере, подчеркнул, что они и в настоящий момент играют особую роль в регламентации поведения людей, выступают источником современных норм нравственности, являются синонимом долга¹.

А.В. Малько в ходе анализа запретов в праве как средств юридического ограничения и особого инструмента правовой политики удачно подмечает иную грань актуальности их изучения. Автор справедливо указывает, что с учетом необходимости инновационного развития экономики важно не превращать правовые запреты в административные и иные препятствия на

¹ См. подробнее: *Едкова Т.А.* Обсуждение доктрины запретов в административном праве // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 137 – 144.

этом пути. С одной стороны, правовая политика в области запретов и ограничений не должна тормозить экономического развития, сдерживать предпринимательскую активность, а, с другой, - недопустимо использование запретов в праве в качестве средства удовлетворения интересов только одной группы лиц, находящейся у власти, как средства лоббирования и решения узкокорпоративных задач¹.

В юридической литературе верно отмечается, что "правовые запреты приобретают важнейшее значение в системе законодательства. Внешне запрет может казаться недемократической формой регулирования, в действительности же является правовым средством осуществления свободы поведения, поскольку представляет полную и равную для всех свободу за пределами запрета"².

С.С. Алексеев, анализируя природу правовых запретов, писал о том, что правовые запреты есть неотъемлемый элемент обеспечения правопорядка, посредством которого обеспечивается закрепление общественных отношений, определяются важнейшие стороны государственной и гражданской дисциплины, непреложный минимум нравственных требований, границы дозволенного и недозволенного в поведении граждан, действиях государственных органов³.

При этом исследование запретов в праве возможно в различных аспектах:

- с позиций информационно-психологического подхода они предстают в качестве одного из видов правового ограничения;
- в механизме правового регулирования выступают одним из трех основополагающих способов воздействия на общественные отношения наряду с обязываниями и дозволениями;

¹ См.: *Малько А.В.* Запреты как средства правовой политики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. Вып. № 1. 2012. С. 3.

² *Малеин Н.С.* Современные проблемы юридической ответственности // Государство и право. 1994. № 6. С. 23.

³ См.: *Алексеев С.С.* Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. 1973. № 5. С. 43.

- в разрезе системного строения права являются особой разновидностью норм (нормативных предписаний);

- в системе защиты и охраны права предстают в качестве отдельного вида наказания (например, запрет заниматься определенной деятельностью) или специального способа защиты прав (например, в гражданском праве запрет отчуждения вещи в случае наличия спора по поводу нее);

- в рамках разрешительного типа правового играют роль общего принципа, исходного начала «запрещено все, за исключением прямо разрешенного». Определяя сущность разрешительной системы, Д. Н. Бахрах выделяет как первичный элемент – «наличие относительного запрета»¹;

- в юридической технике термины «запрещается», «запрещено», «не допускается» имеют особое смысловое и специально-правовое значение;

- в отношении правопорядка и режима законности являются одной из необходимых гарантий их установления и реализации.

Сложная природа рассматриваемого юридического феномена предопределяет и различие в его понимании учеными. Так, в литературе имеются трактовки правовых запретов как: способа правового регулирования²; метода правового регулирования³; элемента правового режима⁴; средства правового ограничения⁵; инструмента охраны права⁶; особой разновидности норм права¹; правового института² и др.

¹ Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник для вузов. М, 2000. С. 375.

² См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 64.; Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 17; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 57; Камышанский В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. Элиста, 1999. С. 133; Радько Т.Н. О роли запретов в правовом регулировании. Труды ВСШМ Вып.1. Волгоград, 1969 и др.

³ См.: Султыгов М.М. Запрет как метод правового регулирования. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.

⁴ Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник для вузов. М, 2000. С. 375.

⁵ См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Монография. М., 2003. С. 89-90.

⁶ См.: Пиголкин А.С. Реформа законодательства: косметический или капитальный ремонт? // Советское законодательство: пути перестройки. М., 1989. С. 74; Слепченко Ю.Н. Запреты в административном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002; Явич

Представляется, что запрет в праве есть сложное комплексное явление, сущность которого может быть раскрыта лишь в единстве обозначенных аспектов. При этом в литературе имеется и прямо противоположная точка зрения. Так, Н.Н. Рыбушкин, напротив, акцентирует внимание на том обстоятельстве, что трактовка правового запрета как комплексного явления существенно затрудняет его понимание. Свою позицию автор аргументирует необходимостью различения запрета в виде нормы, нормативного предписания и особого средства в структуре механизма правового регулирования. По мнению исследователя, речь необходимо вести именно о трех самостоятельных, но взаимосвязанных феноменах³.

Представляется, что разорвать в понимании правового запрета его содержательную, формальную и функциональную составляющую в теории достаточно сложно и вряд ли методологически оправданно. На практике же все формы проявления запрета образуют единый комплекс нормативных предписаний, закрепленных в законодательстве, элементы которого имеют различную функциональную нагрузку. В связи с этим полагаем, что все же правы сторонники единого системного подхода к пониманию сущности правового запрета. Многофункциональность запрета в системе права не должна служить основой для его излишне искусственного теоретического подразделения на три самостоятельные научные конструкции. Поэтому

Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 26.; Он же: Сущность права. Л., 1985. С. 17.

¹ См.: *Александров Н.Г.* Правовые отношения в социалистическом обществе. Лекция, прочитанная на юридическом факультете МГУ. М., 1959. С. 11, 194; Он же: Сущность права. М., 1950. С. 32; *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие в России (1991-2001): Очерки теории и практики. М., 2001. С. 104; *Иоффе О.С.* Юридические нормы и человеческие поступки. М., 1964. С. 26; *Иванова З.Д.* Запрещающие нормы в механизме правового регулирования // Советское государство и право. 1975. № 1; *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990; Он же. Реализация запрещающих норм советского общенародного права. Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1986.

² См.: *Трегубова Е.В., Марьян А.В., Кривоносов Д.А.* Административно-правовое регулирование института правового запрета в системе государственной службы // Административное и муниципальное право. 2010. № 8. С. 7 - 16.

³ См.: *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве. Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. С. 8.

утверждение Н.Н. Рыбушкина о том, что термин «запрет» имеет прописку в разных понятийных рядах правовых категорий верно лишь отчасти. В теории допустимо при соответствующих оговорках единое правовое явление описывать посредством нескольких категорий, но не следует при этом в угоду анализу упускать из поля зрения изначальное единство исследуемого сложного феномена, коим и выступает правовой запрет. Последнее слово должно быть все же за синтезом накопленного знания в результате предварительно проведенной работы по расчленению и анализу отдельных моментов юридического запрета.

Наряду с этим в литературе было высказано предложение и о трактовке запрета в праве в широком и узком смысле. В первом значении, по мнению А.Г. Братко, запрет содержится во всякой правовой норме, ибо она обеспечивается возможностью применения санкции за ее нарушение. В узком понимании запрет есть именно специализированная запрещающая норма. Рассуждая далее, автор указал, что в иных нормах права запрет отодвигается на второй план, и по своей функциональной нагрузке он призван лишь определять границы правомерного поведения¹.

При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что в случае широкого понимания запрета в праве, то он превращается во всепоглощающее средство юридического регулирования. Подобное суждение вполне обоснованно критикуется Н.Н. Рыбушкиным: «Трудно согласиться и с тем, что любая правовая норма необходимо предполагает обязанность воздерживаться от нарушения содержащихся в ней требований. Становится, например, неясным, от каких нарушений мы должны воздерживаться в общественных отношениях, упорядочиваемых поощрительными или закрепительными нормами права. Кроме того, при строгом подходе нужно признать, что в самой норме права содержится не

¹ См.: *Братко А.Г.* Запреты в советском праве: Вопросы теории: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1979. С. 5-6.

сам запрет, а идеальная модель (форма) вытесняемого общественного отношения»¹.

С позиции широкого понимания запрета становится неразличима разница между запретом и обязанностью, они фактически сливаются, а самостоятельность запрета как особого средства правового регулирования и вовсе исключается. Вряд ли теория права станет ближе к пониманию истины в отношении юридических запретов в случае приравнивания их к любой обязанности.

Особую сложность в общей теории права и отраслевых юридических науках вызывает вопрос о структуре и содержании запрещающих норм. Попытки представить запрет в виде логической цепи «если – то - иначе» встречаются на своем пути ряд трудностей, которые совершенно противоположным образом преодолеваются исследователями.

К примеру, заслуживает внимания предлагаемая Н.Н. Рыбушкиным позиция, согласно которой особенностью диспозиции запрещающей нормы является то, что она имеет предмет своего регулирования лишь общественные отношения, выраженные в виде отграничения субъектов от вытесняемого варианта противоправного поведения².

Однако, на наш взгляд, данная позиция уязвима для критики. Наличие логически целостных запрещающих норм вызывает ряд сомнений и возражений. По классической формуле «гипотеза – диспозиция - санкция» выделить особый вид запрещающих норм права в стройном виде и логически непротиворечиво не представляется возможным. Запрет имеет место преимущественно либо в самой гипотезе охранительной нормы права (запрет совершения какого-либо действия), либо содержится в диспозиции в качестве субъективного права правоприменителя использовать в отношении правонарушителя такую меру наказания как запрет осуществлять какую-либо деятельность. Также распространенными являются случаи использования запрета в качестве юридико-технического приема,

¹ См.: Рыбушкин Н.Н. Указ. соч. С. 12.

² См.: Рыбушкин Н.Н. Указ. соч. С. 19.

усиливающего регулятивное предписание и не имеющего самостоятельного значения (например, в трудовом праве), или качестве способа защиты прав (в гражданском законодательстве), или в качестве меры обеспечения (в административном праве и правоприменительном процессе).

Кроме того, Н.Н. Рыбушкин предлагает различать запрещающую норму в единстве трех элементов и отдельно взятое нормативно-правовое предписание запрещающего характера в тексте нормативного правового акта¹, что еще больше осложняет суть дела.

В данном случае трудно согласиться с утверждением автора. Представляется, что дело, как раз, обстоит прямо наоборот. Большинство запретов в законодательстве являются именно нормативными предписаниями в тексте закона, обладающими определенной завершенностью, выступающими относительно самостоятельной текстуальной единицей, но не нормой права с классической трехзвенной структурой.

Попытка А.Г. Братко, разрешить данную проблему посредством выделения у запрещающих норм четырех элементов, также не вполне убедительна. Автор приходит к выводу о том, что логическая структура запрещающей нормы состоит не из трех, а из четырех элементов. Ее гипотеза предусматривает не только однородные, но и разнородные условия применения правила. Поэтому гипотезу можно расчленить на два элемента — гипотезу диспозиции (в нашем случае — гипотезу запрета) и гипотезу санкции. С содержательной стороны логическая структура запрещающей нормы выглядит так: условия применения запрета — запрет — условия применения санкции — санкция. Фактически за четырехзвенной конструкцией скрываются два относительно самостоятельных нормативных предписания².

Н.Н. Рыбушкин справедливо подчеркивает факт того, что запрещающие предписания как текстуальные единицы выступают частью норм права. Однако, по

¹ См.: Там же. С. 13.

² См.: Братко А.Г. Указ. соч. С. 6.

нашему мнению, это не означает существования особых запрещающих норм-правил поведения. Запрещающее предписание может быть содержанием нормы-принципа (при этом принцип как норма не имеет трехзвенной структуры, является результатом унификации права в целях формирования единства и системности отрасли или права в целом). Запрещающее предписание чаще всего является частью какой-либо охранительной нормы, например, нормы уголовного права. Выделение самостоятельных запрещающих норм неоправданно, усложняет и запутывает ситуацию с пониманием сущности и содержания охранительных норм, в структуре которых запрет содержится в их гипотезе, а за его нарушение закон предусматривает соответствующие санкции. Выделение, например, в особенной части Уголовного кодекса РФ отдельно запрещающих норм от охранительных представляется весьма затруднительным и нецелесообразным. Модель нарушения запрета, т.е. модель состава правонарушения, в классическом понимании структуры нормы права, выступает центральным элементом гипотезы охранительной нормы. Другими словами, запрет без указания на действия, совершение которых недопустимо с правовой точки зрения, не имеет смысла.

Следовательно, запрет совершения противоправных деяний есть именно гипотеза охранительной нормы, а не самостоятельная какая-либо запрещающая норма. Запрещающее нормативное предписание как единицу текста, как особый юридико-технический прием, не следует смешивать с охранительной нормой права, частью которой оно является. Вывод, о наличии запрещающих норм права с трех- или четырехзвенной структурой не имеет достаточных обоснований и не подтверждается реальным содержанием и структурой российского права. Позиция Н.Н. Рыбушкина представляется верной лишь отчасти. Ученый прав, что запрещающие предписания это часть норм права. Однако из этого не следует, что существуют особые отличные от охранительных еще и запрещающие нормы, имеющие собственный предмет регулирования и самостоятельное назначение. Исключение составляют лишь принципы-запреты, но они лишены трехзвенной структуры. Более логичным и оправданным представляется с технико-юридической точки зрения понимание запрета как относительно самостоятельной текстуальной единицы нормативно-правового акта,

которая функционально может выражать принцип правового регулирования, наказание-запрет, гипотезу охранительной нормы, способ обеспечения исковых требований и др.

При этом, не смотря на противоречивость позиции, Н.Н. Рыбушкин делает весьма важное замечание в понимании сущности и природы правовых запретов: «Думается, что было бы правильным относиться к запрещающим нормативным предписаниям как к строительному материалу, из которого создаются запрещающие правовые нормы»¹. На наш взгляд, напрашивается лишь уточнение о том, что запрещающие нормативные предписания в тексте закона есть строительный материал для создания не особых запрещающих классических по строению норм права, а для оформления в праве выше нами обозначенных вариантов использования запрета, как многофункционального комплексного юридического феномена, который не сводим лишь к особому виду норм права.

Проблемой другого рода в общей теории права выступает трактовка запрета в объективном и субъективном смысле. А.Г. Братко в свое время предложил различать запрет как норму права и запрет как элемент правоотношения². И в данном случае однозначного решения научная проблема, на наш взгляд не имеет. Поясним собственную позицию.

Согласимся отчасти с высказанным теоретическим положением. Существование запрета как элемента правоотношения возможно, но лишь, когда он реализуется в виде наказания (например, запрета заниматься какой-либо деятельностью или занимать определенные должности) или в виде меры пресечения (или обеспечения) – временный запрет совершения чего-либо. В этих случаях запрет выступает действительно элементом правоохранительных отношений. Так, субъективное право на запрет возникает у судьи в ходе охранительных правоотношений, точнее в

¹ См.: Рыбушкин Н.Н. Указ. соч. С. 21.

² См.: Братко А.Г. Указ. соч. С. 7.

соответствии с законом суд наделяется правом применения наказания в виде запрета к виновному лицу.

Однако далеко не все нормативно-правовые предписания, содержащие запрет, могут продуцировать соответствующее субъективное право на его применение. Многие запрещающие правовые предписания выполняют иные функции. Принцип запрещения принудительного труда не имеет своей целью возникновения каких-либо субъективных прав на запрет. Его основные функции – это обеспечение системного построения норм трудового законодательства, информационно-сигнализирующая, превентивно-охранительная. Если же исходить из концепции признания абсолютных правоотношений, по-видимому, этим объясняется более широкое понимание запрета в правоотношениях А.Г. Братко, то в таком случае реализация запрета возможна и в рамках данных правоотношений.

Целью настоящего исследования не является решение столь дискуссионной проблемы в понимании природы и видов правоотношений, но все же реальное существование абсолютных правоотношений вызывает больше вопросов в теории и на практике, нежели дает ответов на них. Признание существования абсолютных правоотношений влечет за собой утверждение о том, что все субъекты права постоянно находятся в поле действия права, а число абсолютных правоотношений у каждого субъекта в любой момент времени просто огромно. Более близкой к интересам практики видится точка зрения, согласно которой абсолютные правоотношения, по своей сути, есть лишь теоретические конструкции, а не реальные общественные отношения. Следовательно, реализация запрета в виде субъективного права в рамках правоотношения возможна не для всех нормативно-правовых предписаний, его содержащих.

Предположение А.Г. Братко о возможном сокращении в будущем общего числа правовых запретов, исходя из возрастания случаев добровольного и сознательного их соблюдения на основе твердого

убеждения в необходимости правомерного поведения¹, к сожалению, не оправдало себя в полной мере.

Юридический опыт последних лет показывает, что утверждение А.Г. Братко, высказанное еще в советский период государственно-правового строительства, требует корректировки. Число запретов в российском праве в настоящий момент не имеет выраженной тенденции к сокращению, а порой – даже напротив, характеризуется их увеличением в отдельных отраслях законодательства.

Общее количество запретов в российском законодательстве достаточно велико, что требует их надлежащей научной классификации. Так, О.С. Иоффе предлагал следующую классификацию правовых запретов: "... по своему содержанию запреты бывают всеобщими и специальными. Всеобщий запрет подлежит соблюдению при всех условиях. Специальный запрет рассчитан на конкретную ситуацию и подлежит соблюдению в строго определенных условиях"². Ряд авторов подразделяют запреты на абсолютные и относительные запреты³. С.С. Алексеев особое значение придавал выделению общих запретов как принципов и отдельных запрещающих нормативных предписаний⁴.

А.Г. Братко указывал, что правовые запреты, будучи сложными явления, характеризуются большим количеством различных свойств, среди которых можно выделить как основные, так и второстепенные. При этом автор классифицировал запреты по социологическим и юридическим основаниям. По функциональному значению он выделял правовые запреты предупредительные и пресекательные, по степени определенности – абсолютные и относительные, по сферам общественной жизни – социально-

¹ См.: Там же.

² *Иоффе О.С.* Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права. М., 1964. С. 16.

³ См.: *Султыгов М.М.* Запрет как метод правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 62; *Попова А.А.* Запреты в современном российском праве // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Тольятти, 2007. С. 137.

⁴ См.: *Алексеев С.С.* Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. 1973. № 5. С. 43-51.

экономические, политические и личные, а также делил их по характеру и объему правового материала на информативные и элементарные¹.

В литературе также высказано предложение о подразделении правовых запретов на условные и безусловные (строго категоричные)². Последние представляют собой такие запрещающие предписания, из которых не допускаются какие-либо исключения (например, подобный запрет установлен в п. 3 ст. 99 Гражданского кодекса РФ). Условные запреты, напротив, допускают определенные изъятия для отдельных случаев и категорий субъектов (например, п. 3 ст. 264 Гражданского кодекса РФ).

Классификация запретов в праве на абсолютные и относительные отчасти дублирует выше рассмотренное подразделение. Под абсолютным запретом понимают такое запрещающее предписание, которое охраняет от нарушения абсолютное субъективное право (право на жизнь, право частной собственности и др.), адресовано всем третьим лицам. Относительный же запрет обеспечивает реализацию относительного субъективного права. Его установление возможно как законом, так и соглашением сторон. Так, в договоре по согласованию сторон может быть установлен запрет на обращение в суд за разрешением спора без предварительного претензионного порядка его урегулирования. Однако подобное деление запретов достаточно условно. Абсолютные запреты также могут допускать исключения. Это касается и запрета посягательства на жизнь, на частную собственность. При определенных обстоятельствах (например, при необходимой обороне, крайней необходимости и др.) обозначенные запреты могут быть нарушены.

Классификация же по форме и способу установления правового запрета представляет определенный интерес. На основе этого критерия запреты можно подразделить на следующие группы: запреты, установленные международным договором или иным нормативным соглашением; запреты,

¹ См.: *Братко А.Г.* Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 31-35.

² См.: *Комарова Т.Е.* Функции запретов в механизме гражданско-правового регулирования. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 20-21.

содержащиеся в нормативно-правовых актах; запреты, исторически сложившиеся и получившие оформление в обычаях, санкционированных законом; запреты, установленные по согласованию сторон в индивидуальных правовых договорах; запреты, получившие закрепление в судебной практике и др.

Кроме того, всю совокупность юридических запретов по методу действия возможно классифицировать на императивно установленные в одностороннем порядке властными органами и на диспозитивно предусмотренные соглашением равноправных сторон. Если первые характерны преимущественно для публичного права, то вторая группа запретов достаточно часто встречается в отраслях частного права. В отраслях публичного характера конституционного, уголовного, административного, финансового права запреты имеют строго категоричный характер, содержат властное одностороннее запрещение определенных деяний (например, запрет убийства, запрет воспрепятствования правосудию, запрет совершения кражи, запрет нарушения правил дорожного движения и т.д.). В качестве примеров правовых запретов диспозитивного свойства можно назвать: гражданско-правовое запрещение гаранту отзываться банковскую гарантию, если в ней не предусмотрено иное (ст. 371 Гражданского кодекса РФ); запрет отзыва полученной адресатом оферты в течение срока, установленного для ее акцепта, если иное не оговорено в самой оферте либо не вытекает из существа предложения или обстановки, в которой оно было сделано (ст. 436 Гражданского кодекса РФ); запрещение хранителю без согласия поклажедателя передавать вещь на хранение третьему лицу, за исключением случаев, когда он вынужден к этому силою обстоятельств в интересах поклажедателя и лишен возможности получить его согласие, если договором хранения не предусмотрено иное (п. 1 ст. 895 Гражданского кодекса РФ). При этом значительная часть запретов в частном праве в диспозитивном порядке может быть изменена или отменена соглашением.

Если следовать концепции четко разграничения мер защиты и мер ответственности в праве, то все юридические запреты можно подразделить по последствиям на два вида: 1) запреты, вызывающие за их нарушение привлечение к юридической ответственности; 2) запреты, за нарушение которых следует применение мер защиты (например, возмещение ущерба, восстановление нарушенного права и т.д.).

Т.Е. Комарова в особую группу предлагает выделять так называемые судебные запреты. На наш взгляд, судебный запрет в отличие от запрещающих нормативных предписаний имеет иную юридическую природу, выступает правоприменительным инструментом, используемым в отношении персонифицированных участников общественных отношений. Данный инструмент применяется судом преимущественно как обеспечительная мера. Наряду с судебным запретом отдельную группу составляют и запреты-наказания (например, запрет заниматься определенной деятельностью и занимать определенные должности).

В юридической литературе встречаются и иные варианты классификации юридических запретов: по степени устойчивости к изменяющимся обстоятельствам они подразделяются на статические и динамические; в зависимости от круга адресатов, на который они распространяются – на общие, индивидуальные и специальные; по форме закрепления в нормах права – на прямые и косвенные¹ и др.

Обобщая ранее высказанные точки зрения, представляется возможным проводить классификацию запретов в российском праве по следующим наиболее значимым основаниям:

- по содержанию – на общие и специальные;
- по форме нормативного установления – запреты-принципы и запреты в виде отдельных нормативных предписаний;

¹ См.: *Нурмагамбетов Р.Г.* Запреты и ограничения в конституционном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2006. С. 9.

- по отраслевой принадлежности – на конституционные, уголовно-правовые; гражданско-правовые; административно-правовые и т.д.;
- по функциональной роли – на предупредительные и пресекательные;
- в зависимости от специфики технико-юридического выражения – запреты, прямо выраженные в тексте нормативно-правового акта, и запреты, подразумеваемые исходя из общего смысла закона;
- по объекту воздействия – запреты имущественного, личного, организационного, деятельностного свойства;
- по вызываемым последствиям – запреты, нарушение которых влечет привлечение к юридической ответственности и запреты, за нарушение которых предусматривается применение мер защиты;
- по юридической природе – нормативные запрещающие предписания и запреты, устанавливаемые посредством правоприменительной деятельности (например, судебные запреты);
- по методу формирования – на императивно установленные в одностороннем порядке властными органами и на диспозитивно предусмотренные соглашением равноправным сторонам;
- по форме и способу установления – на запреты, установленные международным договором или иным нормативным соглашением; запреты, содержащиеся в нормативно-правовых актах; запреты, исторически сложившиеся и получившие оформление в обычаях, санкционированных законом; запреты, установленные по согласованию сторон в индивидуальных правовых договорах; запреты, получившие закрепление в судебной практике.

При характеристике сущности правовых запретов следует остановиться и на рассмотрении их специфических свойств, позволяющих выделить запреты в ряду других юридических явлений.

Так, Т.Н. Радько, анализируя природу правовых запретов, обозначил у них ряд характерных черт:

- запреты в отличие от массы норм, предписывающих позитивный вариант поведения, проявляют себя как категорическое осуждение государством возможного правонарушения;

- запреты можно рассматривать и как определенные юридические обязанности участников, регулируемые правом общественных отношений, поскольку участники обязаны воздерживаться от совершения антиобщественных поступков;

- запрет дает возможность предусмотреть большое число индивидуальных вариантов поведения, нежелательных обществу и государству¹.

На наш взгляд, отмеченные автором признаки достаточно верно характеризуют природу рассматриваемого феномена, но для более точного отражения сущности запрета в праве требуется выделение и иных его специфических свойств.

Правовые запреты, будучи особым инструментом механизма правового регулирования, обладают такими свойствами, как:

1) в отличие от обязывания и дозволения ориентируют субъектов права на пассивный вариант поведения – воздержание от совершения определенного действия;

2) за их нарушение устанавливаются меры юридической ответственности;

3) выступают наиболее жестким способом правового регулирования, являясь важнейшим элементом разрешительного типа правового регулирования;

4) в системе охраны права могут выполнять функцию способа защиты прав, обеспечения процессуальных действия (запрет отчуждать вещь на время спора) или могут выступать в качестве отдельного вида наказания (запрет на осуществление определенной деятельности);

¹ См.: *Радько Т.Н.* О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград, 1969. С. 87.

5) обладают спецификой технико-юридического оформления в законодательстве, находя свое выражение в виде общего принципа или в виде отдельного нормативно-правового предписания, запрещающего определенный вариант поведения напрямую, а также требуют использования особых юридических конструкций и соблюдения специальных правил юридической техники при их установлении;

б) являются одной из гарантий установления режима законности и правопорядка в обществе;

7) в определенном сочетании с обязываниями и дозволениями определяют специфику того или иного метода правового регулирования;

8) имеют системный характер, пронизывают всю систему права, входя в структурное содержание ее основных отраслей – конституционного права, гражданского права, административного и уголовного права.

С учетом названных признаков, запреты в праве следует определять как сложный комплексный способ правового регулирования, представляющий собой единство общих и специальных запрещающих нормативно-правовых предписаний, устанавливаемых с целью недопущения совершения наиболее общественно вредных вариантов поведения субъектов права и обеспечиваемых возможностью применения мер юридической ответственности за их нарушение, а также выполняющих в определенных случаях функцию защиты права или наказания.

Завершить общетеоретическую характеристику запретов в праве представляется целесообразным посредством рассмотрения их функциональной направленности в механизме правового регулирования.

Вопросу о функциях запретов в юридической литературе не уделяется достаточного внимания. В виде своеобразного исключения можно выделить работу Т.Е. Комаровой, в которой автор специально раскрывает проблему функций запретов в механизме правового регулирования. В других исследованиях обозначенный вопрос рассматривается лишь попутно.

Т.Е. Комарова, понимая под функциями запретов в механизме гражданско-правового регулирования основные направления их воздействия на регулируемые общественные отношения, в которых раскрываются их сущность, а также достигаются цели гражданско-правового регулирования, предлагает их следующую классификацию¹. По мнению автора, важнейшими функциями гражданско-правовых запретов являются системообразующие функции: 1) интегрирование и синхронизация механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений; 2) обеспечение стабильности гражданско-правовых отношений, а также их упрощение; 3) обеспечение эквивалентно-возмездных отношений; 4) недопущение обхода императивных норм гражданского законодательства; 5) защита диспозитивности, обеспечение односторонней диспозитивности, ограничение диспозитивности, исключение диспозитивности; 6) формирование нормативно-логических объемов содержания гражданско-правовых категорий и понятий; 7) выражение условий договора; 8) обеспечение целостности институтов гражданского права; 9) формирование содержания исключительных прав.

Кроме того, продолжает исследователь, определенная группа функций запретов отражает специфику гражданского права, среди которых можно выделить функции: установления границ (юридической меры) субъективного гражданского права, определенных законом в виде дозволительного типа поведения, установления общих и применительно к конкретным случаям пределов осуществления субъективных гражданских прав; установления пределов осуществления гражданской правоспособности; определения правового положения участников гражданских правоотношений; обеспечения дополнительной защиты прав и интересов участников гражданских правоотношений; стимулирования надлежащего исполнения обязательств стороной гражданского правоотношения и др.

¹ См.: Комарова Т.Е. Функции запретов в механизме гражданско-правового регулирования. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8-9.

Попытка выделения столь внушительного числа функций у правовых запретов имеет отдельные недостатки. Часть из них фактически дублируют друг друга, отличаясь лишь нюансами в наименовании. Некоторые же функции и вовсе не могут выполняться запретами. К числу последних следует отнести функцию стимулирования, которая не свойственна запретам как особой разновидности юридического ограничения, а выполняется лишь посредством правостимулирующих средств – дозволения, льгот, поощрения и др. В противном случае, нивелируется разница между правовым ограничением и правовым стимулированием, их диалектическое взаимодействие не должно служить основанием для ошибочного отождествления.

Особый интерес вызывает выделение Т.Е. Комаровой такой функции у гражданско-правового запрета как приема юридической техники. Автор разъясняет содержание отмеченной функции посредством указания на следующие моменты. Во-первых, при помощи запретов определяется круг отношений, который регулирует тот или иной нормативно-правовой акт в гражданском праве. Во-вторых, гражданско-правовые запреты, выполняющие данную функцию, исключают применение отдельных норм ГК РФ по отношению к определенным субъектам. В-третьих, запреты, установленные в законодательстве, не применяются, если в соглашении, заключенном между сторонами, содержатся иные положения, не противоречащие законодательству. В-четвертых, запреты исключают применение норм гражданского законодательства в отношении различных объектов имущественного оборота. В-пятых, запреты указывают на неприменение отдельных положений ГК РФ к договорам, заключаемым между субъектами правоотношений.

Системообразующая функция правового запрета у Т.Е. Комаровой вполне оправданно получает конкретизацию через указание на тот факт, что многие запреты в гражданском праве выступают в виде отправных начал, принципов построения гражданско-правового законодательства. К примеру,

принцип-запрет произвольного вмешательства кого-либо в частные дела является одним из наиболее важных принципов и характеризует гражданское право как частное право. Функция данного принципа-запрета состоит в том, чтобы обеспечить равноправие и независимость субъектов - участников регулируемых гражданским правом общественных отношений, которые не находятся в состоянии административной или иной властной подчиненности. На основании анализа нормы статьи 10 Гражданского кодекса РФ можно утверждать, что принципы-запреты имеют также и санкции, то есть те неблагоприятные последствия, которые наступают при нарушении принципа-запрета.

Давая обзор отраслевым достижениям в области познания функциональной характеристики правовых запретов необходимо упомянуть и работу Р.Г. Нурмагамбетова, в которой автор в качестве одного из вопросов раскрывает проблему функций конституционно-правовых запретов¹. Однако фактически исследователь отождествляет функции запретов и функции права в целом, исходя из утверждения, что основные функции конституционно-правовых запретов выступают конкретным проявлением функций конституционного права. При этом автор называет общеправовые функции: политическую, мотивационную, организаторскую, функцию социального контроля, коммуникативную, воспитательную, регулятивную, охранительную, стабилизирующую, гарантирующую. С точки зрения системного подхода представляется неверным приписывание функций, присущих всей системе права, ее отдельным элементам. Запреты как элемент системы права не в состоянии выполнить всю ее функциональную нагрузку. К примеру, регулятивную функцию в системе права выполняют не запрещающие, а иные предписания – устанавливающие права и обязанности участников общественных отношений. Кроме того, Р.Г. Нурмагамбетов

¹ См.: *Нурмагамбетов Р.Г.* Запреты и ограничения в конституционном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 8-9 и др.

оставляет без ответа вопрос о том, какие же специфические функции выполняют запреты в сравнении с иными правовыми средствами.

В науке административного права с учетом отраслевой специфики функциональное исследование запретов содержится в работах Е.В. Трегубовой и Ю.Н. Слепченко, в которых авторы обозначают охранительную, регулятивную и информационную функции рассматриваемых явлений¹.

В общей теории права к вопросу о функциональной характеристике правовых запретов обращался Н.Н. Рыбушкин в своем исследовании их в качестве особого вида норм права². Под функциями запрещающих норм права ученый предложил понимать основные направления их воздействия на социальные отношения, которые предопределяются их сущностью и назначением в обществе. Вполне очевидно, что данное определение производно от широко распространенной в литературе общей дефиниции функций права в целом.

Н.Н. Рыбушкин выделил следующие основные функции в механизме действия запрещающих правовых норм: модульно-информационную³;

¹ См.: *Слепченко Ю.Н.* Запреты в административном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 22; *Трегубова Е.В.* Административный механизм реализации правового запрета: понятие, признаки, система. Часть 1 // *Административное и муниципальное право.* № 5. 2010.

² См.: *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. С. 39-45.

³ В качестве обоснования выделения отмеченной функции ученый сослался на мнения *А.Г. Братко* и *Т.Н. Радько*. «Запрет,— как справедливо указывает Т. Н. Радько,— это своего рода сигнал, предупреждающий об опасности», «действие запрета выражается не только и не столько в том, что вследствие его нарушения должен последовать тот или иной вид принуждения, но прежде всего в том, что их наличие в советском праве дает возможность знать о дозволенном поведении». Схожую позицию занял и А. Г. Братко, подчеркивая, что правовые запреты являются особым каналом юридической информации для субъектов общественных отношений, предупреждающим их о негативных последствиях определенных вариантов поведения. По его мнению, «... очень часто лицо заинтересовано в том, чтобы получить такую информацию, ибо она предостерегает его об опасности. Так, водители транспортных средств, соблюдающие правила движения, постоянно нуждаются в информации, которая доводится до них через запрещающие знаки, светофоры и т. д. В этих случаях недостаток информации в личном опыте компенсируется внешней информацией. В отличие от запретов уголовного права, которые в большинстве случаев общеизвестны, здесь запрет должен получить выражение в словесной формулировке закона».

регулятивную, проявляющую себя во властном вытеснении запрещаемых вредных общественных отношений; воспитательную; идеологическую и оценочную. На наш взгляд, вытеснение общественно-вредных отношений, по своей сути, есть содержание охранительной, а не регулятивной функции правовых запретов. При этом указанные функции все же не передают всего своеобразия и комплексности такого способа правового регулирования, как запрет.

Запреты, будучи сложным комплексным способом правового регулирования, выполняют целый ряд взаимосвязанных функций. Достаточно отчетливо себя обнаруживают следующие функции правовых запретов:

- охранительная – запреты являются одним из важнейших средств охраны права наряду с санкциями, юридической ответственностью и наказанием;

- системной организации права и его отдельных частей – запреты, выраженные в общих принципах отраслевого или общеправового значения, выполняют роль оснований, идей построения нормативного материала;

- оценочная – посредством запретов дается негативная оценка определенным моделям поведения субъектов со стороны права и государства;

- психологического принуждения в рамках воспитательного действия запрещающих предписаний;

- информационно-сигнализирующая – запреты сообщают информацию адресатам об опасности тех или иных вариантов деяний как для лица их совершающего, так и для субъектов против которых они направлены;

- в качестве средства наказания запрет выполняет карательную функцию;

См.: Братко А. Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 8; Радько Т.Н. О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Вып. 1. Волгоград, 1979. С. 92.

- ограничительная – в рамках правоспособности запрет ограничивает объем правоспособности или дееспособности субъектов, а также согласно информационно-психологическому аспекту действия права служит одним из средств правового ограничения социальной активности в целом;

- превентивная - запрет используется порой в качестве способа защиты или обеспечения права (например, суд использует в качестве меры обеспечения по иску запрет на совершение регистрационных действий с недвижимым имуществом);

- функция установления пределов вмешательства государства в общественную и личную жизнь граждан, в частноправовую сферу (например, запреты в конституционном праве);

- антикоррупционная – целый ряд запретов на государственной службе имеет антикоррупционную направленность (запрет занятия предпринимательской деятельностью для государственного служащего).

Н.Н. Семенюта, анализируя роль запретов и ограничений в механизме юридического регулирования трудовых отношений, пришел к выводу о том, что они также играют роль юридических фактов, оказывая прямое или опосредованное действие на объем и содержание правоспособности¹. По мнению автора, в отличие от дозволений, запреты по большей части вызывают не расширение, а сужение объема правоспособности или даже ее прекращение в определенной части. Продолжая свою мысль, Н.Н. Семенюта отмечает, что с момента своей фиксации в праве запрет влечет возникновение соответствующей юридической обязанности у определенных субъектов его соблюдать. В свою очередь, этой обязанности соответствует некоторая часть правоспособности. Увеличение количества запретов непосредственно отражается на объеме и содержании правоспособности, подытоживает исследователь.

¹ См.: *Семенюта Н.Н.* Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: Автореф. ...дисс. канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 13 и др.

Следует согласиться с выделением подобной функции у правового запрета. Правоспособность и дееспособность субъектов права действительно имеют определенные пределы и объем. С технико-юридической точки зрения правовые запреты позволяют установить границы праводееспособности участников общественных отношений в законодательстве. Однако это лишь одна сторона рассматриваемого вопроса. На уровне правоприменения, а не только законотворчества, правовые запреты также делают возможным ограничение правосубъектности только уже в индивидуальном, персонифицированном порядке. Запреты в виде особого вида наказания или меры обеспечения права, применяемые в отношении конкретного лица, существенным образом ограничивают его юридические возможности (в том числе, например, суживают круг возможной деятельности лица, ограничивают его правовые возможности по распоряжению определенным имуществом и др.).

Таким образом, запреты в праве являются своеобразным стабилизирующим средством в механизме правового регулирования. С одной стороны, они ограничивают объем прав и свобод, а, с другой, – гарантируют и обеспечивают их соблюдение в определенных законом пределах.

Отдельно внимания заслуживает вопрос о диалектической взаимосвязи запретов, обязанностей и дозволений в праве. Это достаточно обширная и значимая проблема общей теории права. Настоящее исследование не имеет в качестве своей задачи ее полного разрешения, но для установления в последующем технико-юридических правил и средств закрепления и реализации юридического запрета, представляется необходимым ее краткое освещение и уточнение собственной авторской позиции. При этом соблюдение баланса запретов и дозволений в праве является одним из основополагающих требований юридической техники.

Справедливо в юридической литературе подчеркивается то обстоятельство, что по мере развития правовой системы все более отчетливо себя проявляет закономерность взаимосвязи и взаимной обусловленности

запретов и дозволений в праве. Запрет, дозволение и обязывание образуют диалектические связки в системе права, составляют его основное нормативное содержание. Диалектика указанных средств проявляется в следующем. С одной стороны, установление запрета в праве детерминировано необходимостью обеспечения действия определенных прав и обязанностей. С другой стороны, для последующей реализации самого запрета требуется закрепление специальных дозволений и обязанностей. К примеру, в уголовном праве запрет на совершение кражи предусмотрен в целях обеспечения беспрепятственного осуществления субъектами права собственности на то или иное имущество. В свою очередь, для обеспечения действия данного запрета в уголовном и уголовно-процессуальном праве предусмотрен целый ряд прав и обязанностей, направленных на применение санкции в отношении лиц, нарушивших подобный запрет.

При этом следует согласиться с утверждением о том, что юридический запрет не есть сам по себе ценность. Запрет, в первую очередь, выполняет функцию обеспечения, гарантии реализации соответствующего дозволения, права. Верной представляется позиция, согласно которой дозволительный режим гражданско-правового регулирования не может быть построен на одних лишь запретах. По отношению к дозволению функция запрета состоит, в первую очередь, в обеспечении реализации как самого дозволения (п. 3 ст. 71, п. 1 ст. 77 Гражданского кодекса РФ), так и обязывания (например, п. 3 ст. 82 ГК РФ)¹.

Еще одним моментом проявления диалектики рассматриваемых средств является тот факт, что порой по отношению к общему дозволению устанавливаются частные запреты. И, наоборот, из общего запрета допускается ряд частных исключений в виде специальных дозволений. В связи с чем, в юридической технике используются текстуальные выражения

¹ См.: *Комарова Т.Е.* Функции запретов в механизме гражданско-правового регулирования. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 23.

следующих двух типов: «запрещается все, за исключением (кроме)...» и «разрешается все, за исключением (кроме)...».

Рассмотрение вопроса диалектики запретов и дозволений в праве может быть дополнено указанием на связку «действие – бездействие». В правовом регулировании, по справедливому мнению В.Н. Кудрявцева и Н.С. Малеина, бездействие зачастую играет не менее важную роль, чем действие. Авторы акцентировали внимание на том, что в норме права моделируется бездействие не «само по себе», а через указание на действие, которое не было совершено лицом. Другими словами, в тексте права определяются признаки определенного действия и последствия отказа от его совершения. В результате чего исследователями, делался следующий вывод: «Поэтому говорить, что право «регулирует» бездействие, можно лишь с большой степенью условности. Оно заключается в одном из двух: или право запрещает вредное бездействие (т.е. предписывает полезное действие) или же поощряет полезное бездействие (т.е. запрещает вредное действие). Бездействие есть «зеркальное отражение» действия, и правовое поведение в форме действия либо бездействия отражает не разную социальную направленность поведения, а только разную физическую ситуацию и различную степень активности субъекта»¹. В данном случае мы наблюдаем взаимные переходы дозволение бездействия и запрета на действие, а также запрета бездействия в обязывание действовать определенным образом.

Особую функциональную нагрузку несет запрет в виде правового наказания. К примеру, в уголовном праве запрет в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью выполняет функцию дополнительного наказания.

В рамках действия специализированного, например, чрезвычайного, правового режима запрет также может иметь особую функциональную нагрузку. В содержании режима чрезвычайного положения или военного

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С. Правовое поведение, его субъекты и пределы // Правоведение. 1980. № 3. С. 32.

положения значительное место отводится специализированным юридическим запретам, которые представляют собой чрезвычайные меры правового регулирования, недопустимые в обычных условиях, но жизненно необходимые в условиях возникновения экстремальных ситуаций, создающих угрозу безопасности значительного числа граждан, обществу и государству в целом.

Рассматриваемая категория запретов установлена в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом»¹. В соответствии с данным законом предусматривается в зоне проведения контртеррористической операции для лиц, проводящих указанную операцию, следующие полномочия:

- принятия мер по временному ограничению или запрещению движения транспортных средств и пешеходов на улицах и дорогах, по недопущению транспортных средств на отдельные участки местности и объекты;

- введения ограничений свободы передвижения граждан на отдельных участках местности и объектах либо по удалению граждан с отдельных участков местности и объектов и ряд других ограничений.

Данная группа запретов позволяет функционально дифференцировать особые виды правовых режимов. Условно их можно обозначить термином «специализированные правовые режимы». К их числу также можно отнести и правовой режим особо охраняемой природной территории². Его основу составляют специальные запреты на любую деятельность, противоречащую задачам охраны особой природной территории. Соответствующие запреты выражаются в виде:

- недопущения присутствия граждан без специального разрешения;
- запрет на строительство объектов производственного, социально-бытового и иного назначения;
- запрет на оборудование стоянок автотранспорта;

¹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3808; 2000. № 33.

² СЗ РФ. 1995. № 9. Ст. 713.

- запрещение разведения открытого огня;
- недопустимость проведения иных работ, за исключением противопожарных мероприятий и др.

В завершении общетеоретической характеристики правовых запретов можно привести слова известного немецкого мыслителя и политического деятеля прошлого В. Гумбольдта: «Для того, чтобы охранять безопасность граждан, государство должно запрещать или ограничивать те имеющие непосредственное отношение к действующему лицу действия, последствия которых приносят ущерб правам других лиц и без или против воли этих лиц уменьшают их свободу или достояние, или же такие действия, от которых этого с вероятностью можно опасаться, причем всегда одновременно должно принимать во внимание как объем грозящего вреда, так и важность вытекающего из запретительного закона ограничения свободы. Всякое же дальнейшее или на других основаниях установленное ограничение частной свободы лежит вне границ государственной деятельности»¹.

В приведенной цитате весьма точно отражается социальная ценность юридических запретов в качестве средства государственного управления и одновременно совершенно справедливо подчеркивается необходимость соблюдения в процессе их установления таких требований, как: обоснованность установления запрета и соблюдение границ вмешательства государства в частную жизнь общества и индивида. При этом следует отметить, что социальная ценность правового запрета во многом зависит также и от степени технико-юридического совершенства его законодательного закрепления, качества его применения в повседневной практике, обеспеченности его надлежащими юридическими, материальными и политическими гарантиями реализации.

¹ Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. М., 2009. С. 144.

Глава 2. Законодательная техника установления запретов в российском праве

Вопросы языкового и специально-юридического выражения запретов достаточно обстоятельно раскрываются в различных источниках отраслевой правовой литературы. Наибольшего внимания в этом плане удостоиваются уголовно-правовые запреты. Однако общетеоретического обобщения технико-юридические правила, приемы и средства законодательного установления запретов по настоящий момент не производилось. В теории государства и права исследователи концентрировали свое внимание на юридической природе запрещающих норм, их структуре, классификации и взаимосвязи с другими нормативными предписаниями.

Формы словесного выражения запрета в праве весьма разнообразны. В законодательстве используются такие словосочетания, как: «не вправе», «не может», «не допускается», «запрещается» и многие другие. В ряде случаев можно наблюдать и косвенное выражение запрета¹. При этом исследователи отмечают различную степень четкости их языковой формы. В связи с этим в литературе приводится следующий пример. В части 4 статьи 179 Уголовно-процессуального кодекса РФ содержится предписание о том, что освидетельствование лица другого пола (не совпадающего с полом следователя) производится врачом (независимо от пола врача). По сути, в законе содержится запрет присутствовать при освидетельствовании не только в отношении следователя, но и в отношении кого бы то ни было другого (например, специалиста – не врача, привлеченного в соответствии с ч. 3 ст. 179 УПК РФ).

В качестве самых общих требований к устанавливаемому запрету наукой и практикой выработаны следующие предписания: его системной

¹ *Аминев Р.Н.* Система правовых запретов в уголовном процессуальном праве // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. тр. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 163-164.

согласованности с другими правовыми положениями; четкости и однозначности формулировки; обеспеченности надлежащими гарантиями его реализации.

Однако в правотворческой практике достаточно часто встречаются случаи несоблюдения отмеченных общих правил. В качестве примера «необеспеченного» ответственностью запрета в налоговом законодательстве, выступает норма, изложенная в пунктах 1 и 7 ст. 23 Налогового кодекса РФ. Согласно данной норме налогоплательщик не должен препятствовать законной деятельности должностных лиц налоговых органов при исполнении ими своих служебных обязанностей.

Имеет место позиция, согласно которой за невыполнение указанной обязанности налогоплательщик может быть привлечен к налоговой ответственности по ст. 125 Налогового кодекса РФ «Несоблюдение порядка владения, пользования и (или) распоряжения имуществом, на которое наложен арест или в отношении которого налоговым органом приняты обеспечительные меры в виде залога» или ст. 126 того же закона «Непредставление налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля»¹.

Однако, как обоснованно полагают А.А. Тарасов и А.Р. Шарипова в рассматриваемых предписаниях установлены меры ответственности за нарушение запрета, предусмотренного в пункте 12 ст. 77 Налогового кодекса РФ («отчуждение (за исключением производимого под контролем либо с разрешения налогового или таможенного органа, применившего арест), растрата или сокрытие имущества, на которое наложен арест, не допускаются»), а также за невыполнение обязанности налогоплательщика предоставить требуемые для проверки документы в соответствии со ст. 93 Налогового кодекса РФ².

¹ См.: Назаров В.Н. Конституционные основы защиты прав налогоплательщика // Финансовое право. 2007. № 9. С. 22–26.

² См.: Тарасов А.А., Шарипова А.Р. О нормативном выражении некоторых правовых запретов в отраслевом законодательстве (на примере налогового

Именно надлежащая научно-теоретическая разработка единого комплекса правил, приемов и средств законодательного оформления запрета может способствовать предупреждению подобных правотворческих ошибок в будущем. На наш взгляд, техническая сторона использования запрета в праве нуждается в особом повышенном внимании со стороны общей теории права.

Так, уже имеющийся начальный опыт использования модальной логики в раскрытии техники закрепления запретов в праве позволяет проанализировать ряд дополнительных моментов. В юридической литературе модальный аспект нормативных предписаний рассматривается сквозь призму трех модусов – «разрешено», «требуется» и «запрещено»¹. Запреты совместно с обязываниями и дозволениями формируют деонтическое ядро всей системы российского законодательства, что требует учета специфических технических приемов их закрепления и использования на практике. К форме изложения модусов предъявляются три наиболее общих и основных требования: четкой смысловой направленности; логической взаимосогласованности; иерархической соподчиненности.

Как справедливо отмечает Г.Т. Чернобель, в общей теории права проблема техники закрепления нормативно-правовых модусов не имеет надлежащего решения, по-прежнему требует к себе повышенного внимания. В юридической науке и законодательстве отсутствуют дефиниции понятий «правовое разрешение», «правовое требование» и «правовое запрещение»². Одной из наиболее актуальных задач юриспруденции выступает необходимость установления технико-юридических принципов и критериев институционально-иерархической согласованности, сбалансированности запретов, обязываний и дозволений в праве. Нерешенность данной задачи

законодательства) // вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1(11). С. 31-36.

¹ См.: Чернобель Г.Т. Техника закрепления нормативно-правовых модусов // Нормотворческая юридическая техника / Под ред. Н.А. Власенко. М.: Юстицинформ, 2011. С. 123.

² См.: Там же. С. 125.

снижает эффективность использования указанных средств в механизме правового регулирования. По настоящий момент законодатель не придерживается четких ориентиров в установлении логических пределов должного, запрещенного и дозволенного вариантов поведения для субъектов правоотношений.

В российском законодательстве дисбаланс рассматриваемых инструментов приводит к возникновению нормативно-правовых «узлов», нарушающих системность его построения. Нормативно-правовой материал не свободен от различного рода вертикальных и горизонтальных несогласованностей модусов. К примеру, нормативно-правовой акт одного уровня устанавливает запрещающий модус, а законодательный акт другого уровня предусматривает прямо противоположный в отношении одного и того же варианта поведения. Так же имеет место избыточное установление правовых модусов в отдельных отраслях законодательства.

В последние годы наметилась негативная тенденция неоправданного увеличения числа запретов не только в области публичного, но и частноправового регулирования. Не соблюдение технико-юридических требований в установлении юридических модусов нивелирует положительный потенциал, закладываемый в нормативно-правовые предписания, создает целый ряд трудностей в правоприменительном процессе, а в итоге тормозит развитие регулируемых правом общественных отношений. Логико-модальная «путаница» действующего законодательства дестабилизирует всю российскую правовую систему, снижает авторитет права, содействует укреплению правового нигилизма в общественном сознании, а избыточность юридических запретов и дефекты их технико-правового установления и вовсе потенциально способны превратить механизм правового регулирования в реакционную «клетку» по сдерживанию социального прогресса. Об опасности подобного обращения с запретами имеется немало убедительных предупреждений со стороны научного юридического сообщества. «Ненужные запретительные пути

разрушают нормальную деонтическую интервалику в системе нормативно-правовых регуляторов, что приводит к гипертрофии принудительного фактора в поддержании общественного порядка, подрывает нравственный авторитет государства, его управленческих акций»¹.

Техника оформления правовых модусов не имеет единых общемировых стандартов. Так, при установлении общих прав и обязанностей в конституциях одних государств они размещаются совместно в одной главе (или разделе), в других же – отдельно, чем подчеркивается особое значение определенных модусов (например, совместно – Конституция Итальянской республики, Конституция Португальской республики, а отдельно – Конституция Румынии).

В ходе закрепления правовых модусов, и в частности их особой разновидности – запретов, немаловажное значение имеют лингвистические правила и приемы их технико-юридического оформления. Как уже отмечалось ранее, запрет в праве может принимать разнообразные терминологические оболочки – «не допускается», «запрещено», «исключается», «не может» и т.д. Следует согласиться с утверждением о том, что запреты должны быть выражены точно, ясно и логически непротиворечиво. Недопустимо использование технико-юридических приемов для завуалирования запретов, для закрепления так называемых «молчаливых запретов». Иногда подобные случаи характеризуют как пробелы в праве, что представляется не всегда верным.

В законодательстве порой «молчаливый запрет» технически оформляется посредством установления целого ряда избыточных обязанностей (как например, имеет место в правовом механизме реализации прав граждан на митинги, шествия и демонстрации). Здесь наблюдается не пробел в праве, а, наоборот, запредельная правовая регламентация

¹ Чернобель Г.Т. Техника закрепления нормативно-правовых модусов // Нормотворческая юридическая техника / Под ред. Н.А. Власенко. М.: Юстицинформ, 2011. С. 130.

общественных отношений, граничащая с юридическим запрещением на их фактическую реализацию. Следовательно, средства юридической техники позволяют не только содействовать более эффективному закреплению запретов в законодательстве, но и кардинальным образом изменять их предназначение и социальную ценность, что лишний раз свидетельствует о важности и актуальности научного осмысления именно технической стороны оформления запретительных инструментов в праве.

Актуальность исследования обозначенной темы обусловлена во многом и тем, что в законодательной практике нередки случаи необоснованного установления и снятия запретов. Так, показателен пример с исключением, а затем через короткий промежуток времени повторным восстановлением уголовного наказания за клевету. При первом решении парламентарии сослались на необходимость декриминализации деяний с небольшой степенью общественной опасности, а во втором – на актуализацию потребности в усилении правового механизма защиты чести и достоинства граждан¹.

При этом зачастую игнорируются одни из важнейших требований юридической техники – научной обоснованности нормативно-правовых нововведений и их соответствия уровню социально-экономического развития страны. Порой неоправданно высокий темп законодательных преобразований вызывает установление массы излишних, нецелесообразных и некачественно технически оформленных запретов в российском праве.

Кроме того, наряду с проблемой установления новых запретов в праве перед наукой стоит задача исследования и обратного процесса – их снятия и отмены наказания за их нарушение. Следует согласиться с утверждением о том, что законодатель каждый раз должен тщательно изучить общественное мнение и просчитать возможные последствия перед введением или снятием

¹ См.: Дуюнов В.К. Реформирование уголовного законодательства должно быть обоснованным // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1(11). С. 15.

запрета в праве¹. При этом необоснованно установленные запреты в законодательстве не только сдерживают социальное развитие, но и влекут за собой массовое их нарушение, правовой нигилизм и коррупцию.

Вопросам технико-юридического оформления запретов в отраслевом законодательстве посвящено немало работ, что требует определенного общетеоретического обобщения и анализа.

В литературе предлагается выделять следующие технико-юридические требования оформления запретов в законодательстве:

- 1) при установлении запрета необходимо учитывать системные свойства строения права в целом и его отдельной отрасли, а также следует ориентироваться на специфику предмета правового регулирования;
- 2) запрет должен иметь четкую словесную форму выражения, жестко определять пределы усмотрения в ходе реализации властных полномочий для органов государственной власти, а для граждан точно очерчивать рамки недозволенного поведения;
- 3) устанавливаемый запрет необходимо обеспечивать мерами юридической ответственности за его нарушение².

В.Н. Кудрявцев, исследуя в свое время проблему криминализации деяний целью, которой выступает построение единой системы уголовных запретов, вывел несколько иные технико-юридические требования к данному процессу:

- определение потребности в установлении запрета посредством оценки предполагаемого вреда, распространенности запрещаемого варианта поведения, а также невозможности его предотвращения иными средствами;

¹ См.: Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 20.

² См.: Тарасов А.А., Шарипова А.Р. О нормативном выражении некоторых запретов в отраслевом законодательстве (на примере налогового законодательства) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1(11). С. 33.

- установление допустимости запрета с точки зрения экономики, политики, морали, права и международного сотрудничества;
- оценка практической возможности реализации правового запрета через определение надлежащего правоохранительного механизма, включающего институты расследования и привлечения к ответственности за его нарушение, а также средства исполнения наказания;
- выяснение целесообразности запрета в наличных социально-экономических условиях с учетом возможных побочных последствий, психологического воздействия¹.

Подобный алгоритм технико-юридического оформления запретов в праве надлежит использовать в законотворческой работе с особой тщательностью в виду повышенной значимости устанавливаемого правового средства, которое может существенным образом ограничивать права и свободы участников общественных отношений. Запреты следует устанавливать, соблюдая требование об их максимально экономичном использовании в целях недопущения излишних юридических препятствий для функционирования и развития социальных связей.

Слепченко Ю.Н. выступает с предложением ориентироваться на схожие принципы техники закрепления правовых запретов, указывая в качестве таковых: обоснованность; определенность; целесообразность; обеспеченность².

Одним из важнейших правил юридической техники в отношении всякого вновь устанавливаемого правового запрета для граждан должно выступать требование, согласно которому запрещающая норма подлежит закреплению в нормативно-правовом акте «с достаточной степенью определенности, позволяющей лицу соотносить с ней свое поведение: лицо должно иметь возможность, получив при необходимости

¹ См.: Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 218.

² См. подробнее: Слепченко Юрий Николаевич. Запреты в административном праве : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 : Воронеж, 2002.

соответствующую консультацию, предвидеть в разумных пределах и применительно к конкретным обстоятельствам те последствия, которые может повлечь за собой то или иное поведение»¹.

Обобщая отраслевые знания, представляется целесообразным подразделять совокупность требований (принципов) технико-юридического оформления запретов в законодательстве на две группы: *требования, обусловленные общесоциальными закономерностями* действия запретов, и *специально-юридические требования*, предопределяемые закономерностями функционирования правовой системы.

В числе *общесоциальных принципов (требований)* следует назвать:

- установление правовых запретов лишь в отношении деяний, создающих потенциальную либо реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям (требование социальной обоснованности запрета);

- наличие определенной степени устойчивости и повторяемости запрещаемого типа деяния (требование устойчивости – запрет, как правило, не следует устанавливать в отношении возможных единичных деяний, вероятность осуществления которых близка к нулю);

- необходимость учета положительных и отрицательных моментов установления нового запрета в праве, ибо всякий запрет есть некое неизбежное «зло», ограничивающее социальную активность участников общественных отношений;

- адекватность запрета по отношению к деянию им запрещаемому (не всегда выбор запрета для ограничения нежелательной активности субъектов оправдан, порой можно воспользоваться мерами профилактического характера, средствами стимулирования совершения иных социально-ценных

¹ Варламова Н.В. практика Европейского Суда по правам человека как выражение современных теоретических представлений о праве // Возможности адаптации зарубежного опыта: сб. науч. Ст. Серия: Право России: новые подходы. Вып. 1. Саратов, 2005. С. 31.

вариантов поведения – «мягкое» правовое регулирование и ограничение нежелательных поступков).

Специально-юридический характер имеют следующие требования:

- соответствие конституционным принципам и нормам, общеправовым принципам;
- беспробельности нормативного установления запретов;
- процессуальной обеспеченности механизма реализации запрещающего предписания;
- системной непротиворечивости устанавливаемого запрета с иными запрещающими нормами;
- неизбыточности запрета (нежелательно неоправданное дублирование запрещающих предписаний, излишнее их установление и т.д.);
- определенности и единства терминологии;
- полноты состава запрещаемого деяния;
- соразмерности санкции и запрещаемого деяния.

В рамках науки административного и уголовного права особое место занимают правила конструирования составов административных деликтов и преступлений¹. Установление какого-либо нового состава правонарушения одновременно прямо или косвенно означает формирование нового правового запрета. В рамках темы настоящего исследования особое значение приобретает обобщение отраслевых знаний по вопросу избыточности и неизбыточности правового запрета как правила конструирования составов правонарушений. Данное правило базируется на требованиях системности и непротиворечивости установления правовых запретов. Состояние избыточности последних в законодательстве характеризуется наличием излишних запрещающих предписаний, как с технико-юридической, так и с содержательной стороны дела.

¹ См., например: Иванчин А.В. Избыточность уголовно-правового запрета как правило конструирования состава преступления // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 2 (24). С. 37 – 40.

При этом возможны следующие *технические ошибки в установлении правовых запретов* в ходе конструирования составов правонарушений:

Ввод излишнего специального нормативного предписания с запретом, которое дублирует общий запрет – избыточная дифференциация запретов без надлежащей в том потребности. В.Н. Кудрявцев обоснованно указал, что установление специальной охранительной нормы наряду с общей необходимо лишь в случае, если специальное предписание содержит в себе иные меры ответственности в сравнении с общей нормой¹. Можно лишь добавить, что подобная дифференциация мер ответственности должна быть обоснована существенным отличием специальной группы запрещаемых деяний от общего их вида.

В качестве примера подобной законодательной ошибки в юридической литературе называют установление ст. 132 Уголовного кодекса РФ по отношению к ст. 131 того же закона. Другой пример – ч. 3 ст. 141 УК РФ о вмешательстве с использованием должностного или служебного положения в работу избирательной комиссии или комиссии референдума. Это деяние уже фактически было охвачено в п. «б» ч. 2 ст. 141 УК РФ – воспрепятствование работе избирательной комиссии или комиссии референдума, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. Меры ответственности в ч. 3 ст. 141 весьма схожи с санкцией ч. 2 этой же статьи. Налицо излишнее установление специального запрета в ч. 3 ст. 141 УК РФ.

Схожая ситуация наблюдается и с шестью новыми специальными составами мошенничества (ст. 159¹ – 159⁶ УК РФ) лишь ст. 159⁴ УК РФ содержит отличные меры наказания от других специальных норм, запрещающих мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Следует согласиться с А.В. Иванчиным в том, что остальные составы создают излишнее дублирование запретов. При этом возникают дополнительные сложности в виде темпоральных коллизий старой и новой

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 228.

редакции УК РФ, искусственного увеличения конкуренции специальных составов мошенничества¹.

Ряд специальных запретов порой устанавливается вне системной связи с общим запретом в праве, что приводит к необоснованному выведению из области действия запретов группы общественно вредных деяний. В итоге, вместо усиления юридического противодействия правонарушениям получаем обратный эффект. Одним из таких примеров выступает включение в УК РФ ст.ст. 285¹, 285² с целью усиления охраны бюджетных отношений. При этом в качестве одного из признаков запрещаемых данными статьями деяний было установлено условие о их совершении в крупном размере – свыше полутора миллионов рублей. В результате с момента появления указанных специальных запретов использование бюджетных средств менее обозначенной суммы перестало быть стало уголовно наказуемым. Однако до момента введения подобной законодательной новеллы существовала более выверенная позиция в судебной практике, согласно которой ст.ст. 285, 286 УК РФ применялись в случаях с намного меньшими размерами материального вреда, причиняемого бюджетным отношениями. Кроме того, рассогласование запретов сопровождается несоответствием в санкциях, применяемых за их нарушение. Согласно санкциям ст. 285¹ и 285² УК РФ нарушение соответствующих запретов карается в пределах до 6 лет лишения свободы, а максимальное наказание по ст. 285 и 286 УК РФ составляет 10 лет. Однако вполне очевидна большая степень опасности нецелевых трат бюджетных средств по сравнению со многими общими должностными преступлениями. В данном случае нарушается требование юридической техники о соответствии меры и характера наказания степени общественной вредности запрещаемого законом деяния.

Порой дублирование правовых запретов вызывает недопустимое удвоение наказания за одно и то же деяние, которое законодатель в ходе

¹ См.: Иванчин А.В. Указ. соч. С. 38.

неоправданной дифференциации предусмотрел в нескольких нормах в качестве самостоятельных составов. В настоящее время лица, являющиеся членами банд и преступных сообществ, привлекаются к ответственности по совокупности преступлений, составы которых установлены в ст.ст. 209, 210 и статьях УК РФ о конкретных преступлениях. Подобная законодательная ошибка, как полагает А.В. Иванчин, и приводит к недопустимой двойной ответственности за совершение одного и того же запрещенного уголовным законом деяния. Организованность преступников на практике учитывается дважды в ходе юридической квалификации по ст.ст. 209, 210 УК РФ и одновременно по статьям уголовного закона об иных преступлениях, например по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Ученым приводится целый ряд аргументов недопустимости закрепления в уголовном законодательстве правовых запретов в отношении «аморфной» преступной деятельности в составе криминального объединения ряда лиц. По его обоснованному мнению, запреты должны устанавливаться не в отношении самого факта существования преступного объединения, а в отношении обеспечения правового противодействия и запрещения реальной или подготовительной противоправной деятельности подобных объединений¹.

Проанализировав российское законодательство можно выделить следующие *варианты возможного технико-юридического закрепления запретов в праве.*

1. Запреты нередко формулируются в нормативно-правовых актах *в виде общеотраслевых и отраслевых принципов права.* Так, в ст. 2-4 Трудового кодекса РФ содержится отраслевой принцип запрещения принудительного труда и дискриминации в сфере труда. При этом законодатель для усиления информационно-психологического действия данного принципа использует следующую словесную форму в ст. 4 Трудового кодекса РФ – «Принудительный труд запрещен». В ст. 3 обозначенного закона предлагается иной подход к выражению запрета. В

¹ См.: Иванчин А.В. Указ. соч. С. 39.

гражданском законодательстве в качестве примера можно привести принцип запрета произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, принцип запрета злоупотребления правом и др. В налоговом праве в качестве отправных начал выступают принцип запрета установления и введения налогов, имеющих дискриминационный характер, принцип запрета установления и введения произвольных налогов (ст. 3 Налогового кодекса РФ).

2. В целях повышения эффективности механизма правового регулирования законодатель зачастую стремится специально выделить запрет на совершение каких-либо действий *в виде дополнительного сигнала-предупреждения*, дублируя уже прописанную ранее обязанность субъекта права вести себя определенным образом. Подобное обособление запрещающих предписаний позволяет также усилить информационно-психологическое воздействие на участников общественных отношений.

Ярким примером выступает содержание ст. 414 «Гарантии и правовое положение работников в связи с проведением забастовки» Трудового кодекса РФ, в первом абзаце которой установлено, что участие работника в забастовке не может рассматриваться как нарушение трудовой дисциплины и основание расторжения трудового договора, за исключением случаев обозначенных в ч. 6 ст. 413 настоящего закона. Абзац второй ст. 414 дополнительно содержит прямой запрет-сигнал применять к работникам, участвующим в забастовке указанные меры.

Схожую функцию выполняют запреты, установленные в ст.ст. 58, 60, 64, 65 и других Трудового кодекса РФ. Во всех этих случаях запрещено то, что выходит за пределы четко очерченного содержания компетенции администрации предприятия. Перечисленные запреты можно было бы не устанавливать дополнительно, «если бы сам факт их обособления и

самостоятельного существования в виде строгих запретов не способствовал обеспечению всесторонней охраны прав трудящихся»¹.

3. Законодатель для установления запрета порой использует выражение «не допускается» или термин «незаконный». К примеру, ст. 413 Трудового кодекса так и называется – «Незаконные забастовки». В ней перечисляются случаи, в которых забастовки являются незаконными и не допускаются. В гражданском праве встречаются следующие словесные формы облечения запрета: «не может» (абз 3 п 1 ст. 103, абз 3 п 3 ст 222, ст. 436 ГК РФ и др); «не допускается» (п 2 ст 90, н 4 ст 182, п 2 ст. 388 ГК РФ и др); «не признается» (абз 2 п 1 ст 572 ГК РФ); «не должно» (п 3 ст 108 ГК РФ) и др.

4. Термины «запрет», «запрещается» как технико-юридический прием может играть роль *средства позитивного регулирования общественных отношений*. Отдельные субъекты права наделяются правомочием запрещать что-либо делать другим субъектам. Иными словами, запрет технически оформляется в качестве правомочия для определенных лиц. Например, ст. 357 «Основные права государственных инспекторов труда» Трудового кодекса РФ наделяет государственных инспекторов труда правом в определенных ситуациях запрещать использование средств индивидуальной и коллективной защиты работников.

5. Термин «запрет», «не запрещено» порой выступает в *виде своеобразного технического приема по установлению общедозволительного режима*. В соответствии со ст. 352 Трудового Кодекса РФ каждый имеет право защищать свои трудовые права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Здесь запрет играет иную роль не в виде самостоятельного правового предписания, а выступая в качестве своеобразного технического приема, а также части некоего общего принципа «Разрешено все, что прямо не запрещено законом», конкретизированного в трудовом законодательстве.

¹ Алексееву С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 75.

6. Запрет выступает в определенных случаях и в качестве *нормы-исъятия* из более общего правила. Так, в ст. 348.8 «Особенности регулирования труда спортсменов в возрасте до восемнадцати лет» Трудового кодекса РФ содержится следующая оговорка-запрет. Согласно данной статье, в рамках спортивных занятий допускается превышение спортсменом, не достигшим совершеннолетия, предельно допустимых норм нагрузок, если это предусмотрено планом подготовки спортсмена к соревнованиям и данные нагрузки не запрещены ему по состоянию здоровья.

7. Порой запрещающее нормативное предписание излагается в статьях закона *с использованием бланкетного способа*. Запрещающая норма излагается сразу в нескольких нормативно-правовых актах. Например, гипотеза в одном акте, а диспозиция, имеющая бланкетный характер, отсылает к другому нормативно-правовому акту. Например, ст. 253 Трудового кодекса РФ ограничивает применение труда женщин на тяжелых и вредных работах – «Запрещается применение труда женщин на работах, связанных с подъемом и перемещением вручную тяжестей, превышающих предельно допустимые для них нормы». Перечень подобных работ, утверждается в порядке, установленном Правительством РФ.

8. При установлении запрещающих норм в законодательстве используется и такой прием как *специализация нормативных предписаний*. Запреты в большинстве случаев не носят абсолютного характера, что предполагает установление из них, как общих правил, некоторых исключений. Наглядным примером выступает ст. 113 Трудового кодекса РФ, которая содержит общее запрещение работы в выходные и нерабочие праздничные дни. Однако эта же статья устанавливает и исключительные случаи законного привлечения работников к работе в выходные и нерабочие праздничные дни.

9. Запрет может технически выполнять функцию и *особого способа защиты права*. Так, ст. 1065 Гражданского кодекса РФ в системном действии с ч.3 ст. 12 настоящего кодекса, допускает в качестве способа защиты права

пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Сопоставление данных норм позволяет сделать вывод, что запрещение деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем представляет собой один из способов защиты гражданских прав¹.

10. В процессуальных отраслях права запрет технически оформляется как *инструмент обеспечительного свойства*. К примеру, п. 2,3 ч. 1 ст. 140 Гражданского процессуального кодекса РФ предусматривают в качестве меры по обеспечению иска следующее – «запрещение ответчику совершать определённые действия», «запрещение другим лицам совершать определённые действия, касающиеся предмета спора». В административном праве Федеральным законом от 9 мая 2005 года № 45-ФЗ в КоАП РФ были введены новый вид наказания в виде административного приостановления деятельности и связанная с ним мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях — временный запрет деятельности. Временный запрет деятельности - это применяемая только в исключительных случаях мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, за совершение которых предусмотрено назначение наказания в виде административного приостановления деятельности, заключающегося в принудительном кратковременном, установленном на срок до рассмотрения дела судом, но не более чем на 5 суток, прекращении деятельности филиалов, представительств, структурных подразделений юридического лица, производственных участков, эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг. Временный запрет деятельности не преследует исключительно пресекательные цели, его применение способствует обеспечению и производства по делам об административных правонарушениях, а именно своевременному и правильному рассмотрению

¹ См. подробнее об этом: Бубон К.В. Запрет как способ защиты гражданских прав // Адвокат. № 3. 2007.

дела, и исполнения постановления об административном приостановлении деятельности.

11. В последнее время наметилась тенденция *использования термина «запрет» в названии нормативно-правового акта* в целях обозначения его основной направленности в регулировании общественных отношений, а также в целях определенной специализации нормативного материала. Так, например, соответствующие названия имеют: Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»; Федеральный закон от 20.05.2002 года № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010 года) «О временном запрете на клонирование человека»; Федеральный закон от 22.03.2003 года № 34-ФЗ «О запрете производства и оборота этилированного автомобильного бензина в Российской Федерации».

Таким образом, запреты в праве выполняют многофункциональную нагрузку и характеризуются определенной спецификой их технико-юридического оформления, что требует надлежащего осмысления не только отраслевыми юридическими науками, но и общей теорией права.

В рамках проблемы законодательной техники закрепления запретов в праве следует рассмотреть как особую юридическую конструкцию их структуру. Представляется, что *структура правового запрета* включает в себя следующие элементы: субъект; объект; предмет охраны; цель. Подобный подход встречается в науке конституционного права¹, уголовного права², административного права¹, что может получить обобщение и распространение в теории государства и права.

¹ См.: Куликова С. А. Теоретико-правовая модель конституционного запрета цензуры // Право: история, теория, практика. Материалы международной заочной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2011 года). СПб.: Реноме, 2011. С. 56-60.

² См.: Авдеева М.В. Уголовно-правовая норма и уголовно-правовой запрет // Законодательство и экономика. 2012. № 6. С. 42 - 49.

В результате этого запрет может рассматриваться не только как нормативное предписание, способ правового регулирования, логическая и технико-юридическая конструкция. Подобный подход предоставляет возможность с позиции юридической техники усовершенствовать процесс законодательной фиксации правового запрета, посредством установления масштаба и цели предполагаемого правового воздействия.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, наукой было выработано множество логических схем, в рамках которых возможно формирование технической конструкции запрета. В качестве примера приводятся нормативные логики, позволяющие рассмотреть только различия между характерами норм и различия между их предметами - это абсолютные или монадические логики. Их символический аппарат ограничен: включает лишь символы, представляющие понятия "обязательно", "разрешено", "запрещено" и т.п. Об этом мы уже отчасти упомянули в начале данной главы. В науке используются и абстрактные логики норм, которые содержат символические средства, предоставляющие возможность выражать не только различия предметов регулирования норм и различия в их характерах, но и различия условий приложения норм - это логики относительные или диадические².

Под *предметом охраны запрета* следует понимать определенный вид (группу) общественных отношений, для защиты которых он предусмотрен законом.

Объект правового запрета составляет само вытесняемое общественно вредное поведение субъектов.

Субъект запрета – это лица, которым он адресован, кому предписывается воздержаться от запрещенной правом модели поведения или

1 См.: Слепченко Ю.Н. Запреты в административном праве: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Воронеж, 2002.

² См. подробнее: Ивин А.А. Логика норм. М.: Издательство Московского университета, 1973.

кому закон предоставляется право его использования в качестве меры наказания (или средства пресечения, или способа защиты прав).

Цель запрета – не является обязательно законодательно выраженным элементом запрещающего нормативного предписания, чаще всего подразумевается и выводится из его общего смысла. Так, целью уголовно-правового запрета, установленного ст. 105 УК РФ является охрана жизни человека как высшей социально-правовой ценности.

В отраслевой литературе высказана точка зрения о необходимости включения в структуру правового запрета и такого элемента как ответственность (санкция)¹. Полагаем, что такой теоретический шаг не вполне оправдан. Юридическая ответственность представляет собой достаточно масштабное и самостоятельное средство правовой системы. При этом она выступает одной из важнейших гарантий, наряду с профилактическими мерами, реализации запретов в праве, их соблюдения участниками общественных отношений. При конструировании и законодательном закреплении правовых запретов, конечно же, следует предусматривать конкретные меры юридической ответственности за их нарушение. Однако это не является причиной, по которой мы должны включать юридическую ответственность в структуру самого запрета.

Далее рассмотрим *техничко-юридические требования, предъявляемые к изложению в законодательстве каждого из обозначенных элементов структуры запрета.*

Объект правового запрета должен быть четко и однозначно выражен в тексте нормативно-правового акта. Недопустимо использование двусмысленных выражений, допускающих различное толкование запрещающего предписания. Полнота изложения запрета предполагает формулирование в нем всех основных признаков, запрещаемого деяния. Чем выше степень общественной вредности запрещаемого деяния, тем более детальным должно быть его законодательное описание. В связи с этим в

¹ См.: Куликова С.А. Указ. соч. с. 57-58.

КоАП РФ и Уголовном кодексе РФ используются специализированные конструкции – состава правонарушения и состава преступления. Лишь при формулировании общих запретов, запретов-принципов допустимы абстрактные формулировки в целях унификации запрещающих предписаний, обеспечения системности права и законодательства. Использование оценочных понятий допустимо, но в ограниченном числе случаев, когда это действительно обосновано и целесообразно. Однозначность и четкость выражения правового запрета в качестве требования юридической техники находит свое подтверждение и в практике официального толкования высших судебных инстанций¹. Подобные правила оформления запретов позволяют минимизировать возможные негативные моменты в процессе правоприменения, повысить эффективность их действия.

Объект одного запрета не должен быть полностью тождественен объекту другого запрещающего предписания в целях недопущения дублирования нормативного материала, создания ситуаций потенциальных коллизий правовых запретов.

К предмету запрета также предъявляется ряд требований. В их числе установление запрета для охраны лишь тех общественных отношений, которые объективно подпадают под правовое регулирование, нуждаются в особом правовом режиме обеспечения их функционирования. При этом в каждом отдельном случае надлежит выяснить вопрос о целесообразности охраны такого отношения посредством именно запрета и наказания за его нарушение. В ряде случаев использование запрета лишь вредит развитию общественных отношений, является неадекватной мерой. Так, в области предпринимательской деятельности большей эффективностью обладают не

¹ Подобная позиция была высказана в особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова в связи с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. N 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

запреты и ограничения в целом, а правовой стимулировать социально-полезных, выгодных обществу и предпринимателю направлений хозяйственной деятельности. Круг общественных отношений, подлежащих особой охране со стороны права в виде запрета, должен определяться с учетом наличия реальной угрозы для их осуществления, возможности выявления и фиксации подобных нарушений.

Субъект запрета должен определяться в законодательстве не менее точно, чем другие его элементы. Исключение делается только для общих запретов, которые во многих случаях обращены ко всем субъектам права или к весьма широкой их категории, не требующей какой-либо индивидуализации и конкретизации. Однако достаточно часто такая конкретизация имеет место в дальнейшем при установлении специальных запретов в законодательстве. В случаях же с уголовно-правовыми и административно-правовыми запретами круг субъектов, к которым они обращены, как правило, достаточно детализирован в том числе посредством указания возраста субъектов, подлежащих ответственности, критериев вменяемости, а для специализированных составов посредством указания должности, особого правового статуса и т.д.

Специфика технико-юридического использования дефиниций и терминов в ходе законодательного оформления правовых запретов.

Для рассмотрения данного вопроса представляется целесообразным обратиться к наиболее развитой и сложной системе запретов в российском праве – к *технике терминологического оформления уголовно-правовых запретов.*

В науке уголовного права активно обсуждается возможность выделения в структуре Уголовного кодекса РФ целого раздела, который содержал бы унифицированные дефиниции основных понятий уголовного законодательства. При этом мнения ученых разделились в отношении того, как осуществить подобную терминологическую унификацию уголовно-правовых запретов. Одни исследователи полагают уместным ввести в

Уголовный кодекс РФ отдельную главу или раздел¹. Другие ученые предлагают дать определения понятий в специальной статье, в примечаниях к статьям или в диспозициях уголовно-правового предписания². По данному вопросу следует поддержать позицию С.А. Маркунцова, который обоснованно считает, что наиболее целесообразным и эффективным с технической точки зрения будет размещение дефиниций понятий, используемых в запрещающих предписаниях, в примечаниях к соответствующим статьям закона³, что, в свою очередь, облегчит их восприятие в увязке с конкретными правовыми запретами.

В качестве критерия для отбора понятий и терминов, требующих законодательного разъяснения при установлении правового запрета, можно предложить использовать ориентир на реальные потребности единообразного толкования и применения запрещающего предписания на практике. Так, М.Б. Кострова вносит предложение, согласно которому законодательному определению подлежат понятия, получающие различные варианты истолкования на практике, вызывающие трудности в их применении⁴. Следовательно, *дефиниция понятия, характеризующего содержание правового запрета должна быть значимой для юридической практики.*

В литературе имеется и более развернутый перечень критериев, которые должны лежать в основе отбора понятия, подлежащего законодательному определению:

¹ См., например: Кострова М.Б. К вопросу о правовой природе разъяснений понятий и терминов, включенных в УК РФ // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова 29 - 30 мая 2003 г. / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2004. С. 28.

² См., например: Рарог А.И., Грачева Ю.В. Законодательная техника как средство ограничения судебного усмотрения // Государство и право. 2002. N 11. С. 99.

³ См.: Маркунцов С.А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних / Под ред. А.Э. Жалинского. М.: Юриспруденция, 2007. С. 69-71.

⁴ См.: Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. N 12. С. 34.

- термины без дополнительного пояснения представляются недостаточно ясными;
- понятие имеет два и более значения;
- понятие является техническим или носит специально-юридический характер;
- термин употребляется в законе в более узком или существенно ином значении по сравнению с общеизвестным;
- понятие не определено в другом (равном) законе иной отрасли права (если термин определен в нормативном акте более низкого уровня, то это не является препятствием для дачи дефиниции в уголовном законе);
- понятие требует уточнения с учетом специфики данной отрасли права или в связи с потребностью в определенной более узкой специализации по отношению к регулируемому виду общественных отношений¹.

В дополнение к отмеченным критериям отбора С.А. Маркунцов предлагает учитывать и потребность адресатов запрещающих предписаний в их адекватном восприятии. Особо значимым данное обстоятельство становится для запретов, адресованных несовершеннолетним. По мнению С.А. Маркунцова, понятия, содержащиеся в запретах, действие которых распространяется на несовершеннолетних, требуют приоритетного законодательного разъяснения². Согласимся с данным утверждением. Действительно, у ряда правовых запретов адресатом выступают особые группы и категории субъектов, которые в силу своего возраста или иных факторов воспринимают и осознают нормативные предписания с определенными трудностями, что и вызывает потребность в дополнительном законодательном разъяснении для них соответствующих понятий и терминов.

¹ См. подробнее: *Устинов В.С.* Техника конструирования дефиниций в уголовном законодательстве // *Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. Т. 2. Н. Новгород, 2001.*

² См.: *Маркунцов С.А.* Указ. соч. С. 71.

В продолжение обозначенной проблемы особый интерес вызывает работа С.С. Тихоновой, посвященная пределам адаптации текста уголовного закона для облегчения его понимания адресатом¹. Автор поддерживает тезис о том, что правотворческий орган должен ориентироваться в своей деятельности на результаты прогноза усвоения в перспективе адресатом содержания запрещающих предписаний, учитывая при этом потенциальные возможности усвоения им правового текста. Однако рассматриваемое правило состоит в определенном противоречии с тем обстоятельством, что ясность и доступность языка закона не может быть абсолютной в силу специфики юридической деятельности и самого правового текста.

Языковая форма выражения запрета в праве, как и иных юридических средств, базируется на использовании *двух основных групп технических компонентов*:

- *универсальные текстовые единицы*, применяемые при создании любого документа (общеупотребительные термины и понятия, знаки пунктуации, словосочетания и предложения, союзы, предлоги и др.);

- *специально-юридические текстуальные единицы*, содержащие правовые термины и понятия, юридические конструкции, нормативные построения и т.д.

Исходя из приводимых статистических данных, в юридической литературе более 80 процентов понятий и терминов имеют общеупотребительный характер, посредством которых выражаются уголовно-правовые запреты. Остальные же понятия являются специально-юридическими или техническими, что, по всей видимости, носит объективный характер и является результатом естественного процесса развития юридической практики. Следовательно, полностью отказаться от использования специальной терминологии при изложении запретов в праве в угоду ясности и доступности юридического текста для адресата не

¹ См. подробнее: *Тихонова С.С.* Пределы демократизации языка уголовного закона // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 443-449.

представляется возможным. Однако законодательное закрепление дефиниций специально-юридических терминов в необходимых случаях может существенно облегчить задачу их восприятия адресатами.

Для уяснения специфики терминологического закрепления правового запрета представляется необходимым кратко остановиться на вопросе о видах юридической терминологии.

В зависимости от конструкции юридические термины в литературе подразделяются на *однословные (однокомпонентные, односоставные)* и *многословные (многокомпонентные, многосоставные)*. Последние именуются терминологическими сочетаниями, то есть сочетаниями двух или более слов, объединенных подчинительной связью¹. При изложении уголовно-правового запрета, как указывает С.С. Тихонова, большую часть занимают двухкомпонентные словосочетания в виде «существительное и прилагательное» («прямой умысел», «тяжкое преступление»), а также в виде «существительное и существительное в косвенном падеже» («ограничение свободы», «исковая давность»). Кроме того, запрет может быть оформлен и с использованием терминов более сложной конструкции – «невиновное причинение вреда», «легкий вред здоровью», «лицо, выполняющее управленческие функции»² и др.

В юридической науке не выработано единство позиций в отношении вопроса о том, какие же по конструкции термины являются предпочтительными в изложении запрещающих предписаний. В данном случае следует согласиться с мнением С.С. Тихоновой, которая вслед за Д.А. Керимовым, отстаивает *требование о краткости и лаконизме юридической терминологии*³.

¹ См.: Юридическая техника: курс лекций / под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. М., 2012. С. 114.

² См.: Тихонова С.С. Указ. соч. С. 444.

³ См.: Керимов Д.А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. М.: Инфра-М, 1998. 127 с.; Тихонова С.С. Указ. соч. С. 445.

Как верно отмечает С.С. Тихонова, специально-юридические термины при формулировании запретов в большинстве своем образуются благодаря сочетанию общеупотребительных терминов («обязательные + работы», «добровольная + сдача», «организованная + группа» и т.д.). Однако их общее словарное значение не совпадает с их специально-юридическим смыслом. При вхождении в специально-юридическое сочетание общеупотребительные понятия обретают иную смысловую нагрузку. С течением времени юридическая практика в силу собственной специфики вырабатывает для них иное специально-правовое значение. Таким образом, согласимся с утверждением о том, что: «Юридический смысл какого-либо понятия, выраженного при помощи терминологического сочетания, не может быть познан путем суммирования словарного значения слов-компонентов. А, значит, не требуется «наращивания» данных слов при создании юридической терминологии»¹.

Техника законодательного оформления правового запрета характеризуется и своеобразием правовой стилистики. Так, запрет зачастую выражается посредством цепочек падежных форм в виде – «умышленное лишение жизни», «тайное хищение чужого имущества» и т.д. Для юридического запрета характерно использование и *фраз-клише, стандартных оборотов и формулировок* (например, «не является преступлением», «в случае злого уклонения», «подлежит уголовной ответственности» и т.д.) Цель их употребления – минимизация рассеивания внимания адресата, а значит и уменьшение затрачиваемого им времени на обработку правовой информации, содержащейся в законодательном тексте.

Заслуживает отдельного упоминания такое технико-правовое средство оформления запрета, как *отвлеченно-обобщенные грамматические конструкции*. Они, по справедливому замечанию С.С. Тихоновой, предназначены выполнить функцию по указанию на распространяемость правового запрета на неопределенный круг лиц. С этой задачей справляются

¹ См.: Тихонова С.С. Указ. соч. С. 445.

«глагольные формы с ослабленным значением времени, лица и числа, отглагольные существительные, отыменные предлоги, отсутствие местоимений лица и наличие местоимений без конкретного предметного содержания»¹. В качестве примера приводится следующее. Для того, чтобы показать распространенность уголовно-правовых предписаний на неопределенный круг лиц, независимо от их фактической половой принадлежности, род виновного, потерпевшего и любых третьих лиц указывается в УК РФ унифицировано, за исключением случаев, когда он имеет значение – в статьях главы 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Еще одной особенностью технико-юридического оформления запретов в праве выступает использование просторечий для их фиксации. В действующем законодательстве подобные термины встречаются достаточно часто: «бродяжничество» (ст. 151 УК РФ), «мучения» (ст. 63, 111 УК РФ), «погром» (ст. 212 УК РФ), «сумка» (ст. 158 УК РФ), «цеха» (ст. 217 УК РФ), «электроток» (ст. 256 УК РФ) и т.д.

При этом зачастую законодатель использует просторечия наряду с абстрактными выражениями или с иллюстрациями последних, что справедливо расценивается в литературе как необоснованное увеличение текста УК РФ².

В этом плане показателен пример из ч. 1 ст. 231 Уголовного кодекса РФ «Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества», в которой при характеристике предмета преступления наряду с выражением «растения, содержащие наркотические вещества» даются названия некоторых из них – «конопля, мак». Ч. 2 ст. 205 Уголовного кодекса РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» наряду с самим термином «морские млекопитающие» содержит и пояснения к нему – «котики, морские бобры».

¹ См.: Там же. С. 446.

² См.: Тихонова С.С. Указ. соч. С. 447.

В Ч. 1 и 2 ст. 260 Уголовного кодекса РФ при характеристике запрещенного деяния в виде незаконной рубки лесных насаждений законодатель оперирует понятием «повреждение до степени прекращения роста» и устанавливает указание на один из вероятных его вариантов – «рубка». При этом в Лесном кодексе Российской Федерации понятие рубки охватывает собой и процесс срубания лесных насаждений, и иное отделение ствола от корня. Подобное расхождение в терминологическом сопровождении процесса законодательного оформления запретов не способствует единообразию практики их применения.

С.С. Тихонова вполне последовательно проводит мысль о том, что технико-юридическое *оформление запретов в праве должно производиться с опорой на официальный стиль изложения*. Законодатель не должен стремиться максимально упростить терминологическую оболочку запрещающего предписания за счет широкого применения просторечий. Официальный стиль запрета способствует выработке у адресата уважительного отношения к содержащемуся в нем предписанию. Также автор справедливо указывает на нежелательность использования при изложении правового запрета жаргонизмов¹.

Однако другие исследователи в отдельных случаях полагают возможным и оправданным *использование в запрещающем предписании жаргонизмов*. К примеру, термин «вербовка» в ст. 127.1 и 359 Уголовного кодекса РФ оценивается как пограничное понятие между общеупотребительной и жаргонной лексикой². Оперирование термином «притон» в ходе установления уголовно-правового запрета в ст.ст. 232 и 241 Уголовного кодекса РФ обосновывается коммуникативной целесообразностью³.

¹ Тихонова С.С. Указ. соч. С. 447.

² См.: Законодательная техника / отв.ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2000. С. 157; Юридическая техника: учебное пособие / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М., 2010. С. 80.

³ Там же.

Еще одним примером использования жаргонизмов в технико-юридическом оформлении запретов выступают ст.ст. 174 и 174-1 Уголовного кодекса РФ. В данных статьях исследователи признают допустимым применение термина «отмывание», что обосновывается его упоминанием в Страсбургской конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года)¹.

Ряд авторов ссылается на его большую распространенность в языке по сравнению с официальным понятием «легализация»². Последняя позиция критически оценивается С.С. Тихоновой, которая полагает практику замены официальных терминов на общеупотребимые в ходе закрепления уголовно-правовых запретов недопустимой, ибо это содействует понижению общего уровня правовой культуры населения³.

Заслуживает внимания и *проблема использования иностранной терминологии в технике законодательного установления правового запрета*. Уголовное законодательство оперирует такими понятиями, иностранного происхождения, как «геноцид», «документ», «контрабанда». В какой-то степени заимствование иностранных слов является объективно обусловленной тенденцией развития правовой системы России. Однако подобный процесс заимствования должен носить все же весьма ограниченный характер. Н.А. Власенко справедливо пишет по этому поводу следующее: «Избежать проникновения в отечественную правовую систему иностранной терминологии невозможно и противостоять этому бессмысленно»⁴. В данном случае необходимо соблюдать правило

¹ См.: Тагирова В.А. Уголовная ответственность за отмывание доходов от преступной деятельности и его предупреждение: вопросы теории и законодательства: автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. Казань. 2005. С. 11-12, 16.

² См.: Законодательная техника / отв.ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2000. С. 157; Юридическая техника: учебное пособие / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М., 2010. С. 82.

³ См.: Тихонова С.С. Указ. соч. С. 448.

⁴ Власенко Н.А. Язык права: монография. Иркутск, 1997. С. 90.

обоснованности использования иностранной терминологии¹. Критериев допустимости ввода иностранного термина юриспруденцией не выработано. Полагаем, что в любом случае заимствование иностранного термина должно быть обосновано либо необходимостью унификации терминологии с международным правом, либо отсутствием надлежащего аналога в национальном языке, либо уже имеющимся широким распространением данного термина в юридической практике.

В случае же ситуации «конкуренции» иностранного и русскоязычного терминов можно руководствоваться правилом, предложенным Н.А. Власенко: «...верх должно брать слово русскоязычного происхождения, за исключением ситуации, когда русский дублер стал архаизмом и в общеупотребительном лексиконе не используется»². В качестве дополнения к обозначенному технико-юридическому правилу оформления запретов необходимо учитывать и позицию С.С. Тихоновой. По ее справедливому мнению, с течением времени русские аналоги иностранных слов могут приобретать и свойства вульгаризмов (например, «открытый» по сравнению с «публичный» (ст. 129, 197, 242-1, 282 УК РФ и т.д.); «перевозка» по сравнению с «транспортировка» (ст. 247, 254 УК РФ и т.д.); «подделка» по сравнению с «фальсификация» (ст. 303 УК РФ)).

Следовательно, полагает автор, правило запрета вульгаризмов, должно доминировать над требованием обоснованного использования иностранных терминов, чтобы не понижать официального статуса текста закона³. Кроме того, замена иностранных терминов, уже использующихся в российском законодательстве, в том числе и при изложении запрещающих предписаний, на аналогии в русском языке будет оправданной лишь при выполнении

¹ См.: Юридическая техника: курс лекций / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. М., 2012. С. 130.

² Юридическая техника: учебное пособие / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М., 2010. С. 80.

³ См.: Тихонова С.С. Указ. соч. С. 448.

условия, при котором полнота и точность установленного правового запрета не пострадают от подобной технико-юридической операции.

Специфическим приемом оформления запрета в праве выступают и *эмоционально-экспрессивные языковые единицы текста*, что обеспечивает дополнительное информационно-психологическое воздействие на адресата запрещающего предписания. В качестве таких технических инструментов используются метафоры, олицетворения, эпитеты и т.п. Уголовно-правовые запреты в действующем российском законодательстве оформляются посредством эмоционально-окрашенных терминов: «гибель/массовая гибель» (ст.ст. 246, 247, 250, 259 Уголовного кодекса РФ), «жестокое обращение» (ст. ст. 110, 156 Уголовного Кодекса РФ), «душевное волнение» (ст.ст. 107, 113 Уголовного Кодекса РФ), «низменные побуждения» (ст.ст. 153, 155 Уголовного Кодекса РФ и т.д.), «садистский (метод)» (ст. 245 Уголовного кодекса РФ) и др.

Использование рассматриваемых средств в запрещающих и иных нормативных предписаниях поддерживается далеко не всеми исследователями. Так, коллектив ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ при подготовке рекомендаций по технико-юридическому оформлению законов выразил мнение о недопустимости их законодательного установления. В качестве аргумента ученые указали на то обстоятельство, что эмоционально-экспрессивные единицы правового текста могут вызывать у адресата излишние переживания, отвлекающие от основного содержания нормативных предписаний¹.

На наш взгляд, абсолютный запрет на оперирование эмоционально окрашенной терминологии в законодательстве вряд ли оправдан. В разумных пределах и именно при установлении правовых запретов указанный технико-

¹ См.: Законотворчество в Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. А.С. Пиголкин. М. 2000. С. 564-567 и др.

юридический прием допустим, содействует большей эффективности действия данного способа правового регулирования.

Обобщая приведенные выше положения и данные о *терминологическом оформлении запретов в праве можно в систематизированном виде представить правила и средства юридической техники* этого раздела в следующем виде:

- языковая форма выражения запрета в праве базируется на использовании *двух основных групп технических компонентов: универсальных текстовых единиц*, применяемых при создании любого документа (общеупотребительные термины и понятия, знаки пунктуации, словосочетания и предложения, союзы, предлоги и др.); *специально-юридических текстуальных единиц*, содержащих правовые термины и понятия, юридические конструкции, нормативные построения и т.д.;

- при установлении запретов должно соблюдаться общее *требование о краткости и лаконизме юридической терминологии*;

- дефиниции понятий, используемых в запрещающих предписаниях, следует располагать в примечаниях к соответствующим статьям закона, что, в свою очередь, облегчит их восприятие в увязке с конкретными правовыми запретами;

- дефиниция понятия, характеризующего содержание правового запрета должна быть значимой для юридической практики;

- у ряда правовых запретов адресатом выступают особые группы и категории субъектов, которые в силу своего возраста или иных факторов воспринимают и осознают нормативные предписания с определенными трудностями, что вызывает потребность в дополнительном законодательном разъяснении для них соответствующих понятий и терминов;

- при изложении содержания правового запрета, большую его часть занимают двухкомпонентные словосочетания в виде «существительное и прилагательное», а также в виде «существительное и существительное в

косвенном падеже» (это не исключает использования и терминов более сложной конструкции);

- техника законодательного оформления правового запрета характеризуется и своеобразием правовой стилистики: запрет зачастую выражается посредством цепочек падежных форм в виде – «умышленное лишение жизни», «тайное хищение чужого имущества» и т.д.; для юридического запрета характерно использование и *фраз-клише, стандартных оборотов и формулировок* (например, «не является преступлением», «в случае злого уклонения», «подлежит уголовной ответственности» и т.д.);

- оформление правового запрета производится посредством *отвлеченно-обобщенные грамматические конструкции*, которые предназначены выполнить функцию по указанию на распространяемость правового запрета на неопределенный круг лиц;

- *запрещающие предписания в ограниченном объеме могут содержать просторечия для их фиксации;*

- *техничко-юридическое закрепление запретов в праве должно производиться с опорой на официальный стиль изложения;*

- *представляется возможным и оправданным использование в запрещающем предписании жаргонизмов при соблюдении требования их обоснованности;*

- *при использовании иностранной терминологии в технике законодательного установления правового запрета необходимо соблюдать правило об их обоснованности, т.е. заимствование иностранного термина должно быть обосновано либо необходимостью унификации терминологии с международным правом, либо отсутствием надлежащего аналога в национальном языке, либо уже имеющимся широким распространением данного термина в юридической практике;*

- замена иностранных терминов, уже использующихся в российском законодательстве, в том числе и при изложении запрещающих предписаний,

на аналогии в русском языке будет оправданной лишь при выполнении условия, при котором полнота и точность установленного правового запрета не пострадают от подобной технико-юридической операции;

- специфическим приемом оформления запрета в праве выступают и *эмоционально-экспрессивные языковые единицы текста*, что обеспечивает дополнительное информационно-психологическое воздействие на адресата запрещающего предписания.

При установлении запрещающих норм в законодательстве используется такой прием как *специализация нормативных предписаний*. Запреты в большинстве случаев не носят абсолютного характера, что предполагает установление из них, как общих правил, некоторых исключений. Примером чего служит ст. 268 Трудового кодекса РФ «Запрещение направления в служебные командировки, привлечения к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни работников в возрасте до восемнадцати лет». Согласно рассматриваемой норме, запрещаются направление в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни работников в возрасте до восемнадцати лет *(за исключением творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, в соответствии с перечнями работ, профессий, должностей этих работников, утверждаемыми Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений)*.

В качестве другого примера специализации нормативных предписаний выступают положения ст. 348.8. Трудового кодекса РФ «Особенности регулирования труда спортсменов в возрасте до восемнадцати лет». В соответствии с данной статьей, во время участия в спортивных мероприятиях

допускается превышение спортсменом, не достигшим возраста восемнадцати лет, предельно допустимых норм нагрузок при подъеме и перемещении тяжестей вручную, установленных в соответствии с настоящим Кодексом, если это необходимо в соответствии с планом подготовки спортсмена к спортивным соревнованиям и применяемые нагрузки не запрещены ему по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением. Здесь имеет место запрет-оговорка к общему правилу. Наблюдается диалектика взаимосвязи запретов и дозволений в праве и особенности техники ее законодательного оформления.

Нередки случаи установления правовых ограничений в форме частного запрета по отношению к общему запрету. Их функциональное назначение, заключается в том, что они раскрывают содержание общего правила, конкретизируют его, указывают примерный перечень действий (бездействия), признаваемых социально недопустимыми, называют их отличительные признаки, характерные свойства.

Анализ действующего российского законодательства позволяет сделать вывод о существенном значении *бланкетного способа* для законодательного оформления правовых запретов. Так, ст. 253 Трудового кодекса РФ «Работы, на которых ограничивается применение труда женщин» Трудового кодекса РФ содержит запрещающее предписание ярко выраженного бланкетного характера. Согласно данной статье запрещается применение труда женщин на работах, связанных с подъемом и перемещением вручную тяжестей, превышающих предельно допустимые для них нормы. При этом перечни производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин, и предельно допустимые нормы нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную утверждаются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Подобная ситуация наблюдается и в ст. 265 Трудового кодекса РФ «Работы, на которых запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет». Статья гласит, что запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими препаратами). Также запрещаются переноска и передвижение работниками в возрасте до восемнадцати лет тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы. Сам же перечень работ, на которых запрещается применение труда работников в возрасте до восемнадцати лет, а также предельные нормы тяжестей утверждаются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Анализ специфики технико-юридического оформления правовых запретов будет неполным, если не обратиться к рассмотрению вопроса о типичных дефектах их нормативного закрепления в российском законодательстве.

В качестве наиболее повторяющихся правотворческих ошибок в области юридического запрещения можно выделить следующие:

- избыточность и дублирование правовых запретов;
- терминологическую коллизийность;
- неоправданное использование оценочных понятий и признаков;
- оперирование чрезмерно сложными юридическими конструкциями;
- нарушение системных межотраслевых связей между отдельными правовыми запретами;

- избыточная конкуренция специальных запрещающих предписаний (например, в уголовном законодательстве)¹.

В качестве типичного примера неудачного законодательного изложения запрета можно привести ст. 261 Трудового кодекса РФ «Гарантии беременным женщинам, женщинам, имеющим детей, и лицам, воспитывающим детей без матери, при расторжении трудового договора». Конституционным Судом РФ положение ч. 4 указанной статьи признано противоречащим Конституции РФ (См. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2011 года N 28-П) в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования оно, запрещая увольнение по инициативе работодателя женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и других лиц, воспитывающих детей указанного возраста без матери, исключает возможность пользоваться этой гарантией отцу, являющемуся единственным кормильцем в многодетной семье, воспитывающей малолетних детей, в том числе ребенка в возрасте до трех лет, где мать в трудовых отношениях не состоит и занимается уходом за детьми.

Таким образом, отдельные правовые запреты прописаны в законодательстве нечетко, с нарушением требований законодательной техники, что требует в последующем исправления в ходе судебной и иной правоприменительной практики.

Нередки случаи и простого дублирования запрещающих нормативно-правовых предписаний. Например, можно обратиться к запретам, установленным в ст. 17 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации". При этом имеет место дублирование ряда запретов, которые были уже установлены ранее

¹ См., например: Маркунцов С.А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних / Под ред. А.Э. Жалинского. М.: Юриспруденция, 2007. С. 29-30; Лопашенко Н.А. Недостатки законодательной техники Уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова 29 - 30 мая 2003 г. / Отв. ред. Комиссаров В.С. М., 2004. С. 39.

Федеральными законами "О статусе военнослужащих" (пункт 7 ст. 10) и "Об обороне" (пункты 1, 3 ст. 24). Как отмечает В.В. Козлов, продублирован запрет на участие на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных федеральным законом; на осуществление предпринимательской деятельности и др. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности их "повторного" распространения на военнослужащих¹.

Кроме того, новые запреты, установленные в пунктах 2, 5, 10 ч. 1 ст. 17 вышеназванного Федерального закона, не отражают специфику прохождения военной службы, в связи с чем возникает вопрос о возможности привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности за нарушение таких запретов, как:

- быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в государственном органе, в котором он замещает должность гражданской службы, если иное не предусмотрено указанным Федеральным законом и другими федеральными законами (п. 5 ч. 1 ст. 17);

- замещать должность гражданской службы в случае избрания на выборную должность в органе местного самоуправления (п. 2 ч. 1 ст. 17);

- допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа либо государственного органа, в котором гражданский служащий замещает должность гражданской службы, если это не входит в его должностные обязанности (п. 10 ч. 1 ст. 17)².

¹ См.: Козлов В.В. Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации (о некоторых проблемах правовых ограничений военнослужащих, установленных статьей 27.1 Федерального закона "О статусе военнослужащих") // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 5. С. 36 - 40.

² См.: Там же. С. 37.

Соответственно возникает вопрос о возможности досрочного увольнения военнослужащих согласно подп. "е.1" п. 2 ст. 51 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе" в связи с нарушением запретов, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных ст. 27.1 Федерального закона "О статусе военнослужащих".

Кроме того, отдельные запрещающие предписания, установленные ч. 1 ст. 17 Федерального закона "О государственной гражданской службе", образуют коллизию с с нормами военного законодательства. Например, согласно пункта 17 ч. 1 ст. 17 указанного Федерального закона государственному служащему запрещено заниматься без письменного разрешения представителя нанимателя оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации. А в соответствии с пунктом 7 ст. 10 Федерального закона "О статусе военнослужащих" военнослужащий не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, если она не препятствует исполнению обязанностей военной службы. При этом при любых обстоятельствах запрещено заниматься педагогической и иной деятельностью, если она финансируется исключительно из иностранных источников.

В итоге, как обоснованно полагает В.В. Козлов, действующая система правовых запретов в отношении военнослужащих нуждается в совершенствовании, что обусловлено наличием пробелов, противоречий и фрагментарности правового регулирования.

Законодательные ошибки иного рода допущены при изложении правового запрета в ходе принятия Федерального закона от 23 декабря 2010 № 387-ФЗ "О внесении изменений в статью 22.1 Федерального закона "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных

предпринимателей" и Трудовой кодекс Российской Федерации". В данном случае, как отмечается в юридической литературе, было нарушено требование разумной соразмерности между используемыми юридическими запретами и государственно значимыми целями¹. В результате было установлено гиперограничение свободы труда и профессиональной деятельности в сферах образования, медицинского обслуживания и оздоровления, культуры и искусства.

Изначально государство имеет право вводить запрет на профессии - с учетом части 3 статьи 55 Конституции РФ принята серия федеральных законов, предусматривающих ограничение права на занятие отдельных должностей (выполнение отдельных работ). Введение запрета на профессию в сферах, объектом которых являются отношения с участием детей, в целом согласуется с Конвенцией о правах ребенка 1989 года, согласно статье 19 которой государства-участники² принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке. Реализация данного положения Конвенции имела место в первых российских законах об образовании, а затем с формированием нового трудового законодательства была обеспечена в Трудовом кодексе РФ. Однако при реализации указанного права законодатель должен следовать целой совокупности юридических правил и принципов.

¹ Щур-Труханович Л.В., Щур Д.Л. Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оценка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий // СПС КонсультантПлюс. 2011.

² Российская Федерация - участник Конвенции с 1990 года (Постановление Верховного Совета СССР от 13.06.1990 N 1559-1 "О ратификации Конвенции о правах ребенка" // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. N 6. 1990.

Особенно интересен тот факт, что если ограничение на занятие педагогической деятельностью в образовательных учреждениях не ново, то запрет на занятие предпринимательской деятельностью физическим лицам, имеющим судимость или подвергшимся уголовному преследованию, абсолютная новелла российского законодательства¹.

В результате подобной законодательной новеллы и рядудополнительно принятых подзаконных нормативных актов лица, единожды подвергнувшиеся судимости или уголовному преследованию за преступления, никак не связанные с детьми и не свидетельствующие о склонности к насилию, будут ограничены в своем праве на работу пожизненно и в полном объеме. При этом круг таких лиц, как утверждают специалисты оказывается достаточно широким.

Данный чрезмерно масштабный по кругу лиц запрет масштабный вряд ли существенно повысит защищенность несовершеннолетних от посягательств на их нравственность, психическое и физическое здоровье, половую неприкосновенность, однако существенно и чрезмерно ограничит права единожды понесших уголовное наказание, в том числе за преступления, которые не связаны с несовершеннолетними и факт совершения которых не свидетельствует о потенциальной склонности судимых к такого рода действиям. Таким образом, налицо чрезмерность и необоснованность установления рассматриваемого юридического запрета, неадекватность его поставленным законодателем целям.

Самое существенное поражение в правах лиц с криминальным прошлым заключается в том, что в отличие от большинства федеральных законов, предусматривающих запрет на работу в связи с наличием реальной судимости, новые нормы рассматриваемого Федерального закона (впрочем, и Трудового кодекса РФ также) устанавливают запрет не только для тех, у кого на момент государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя имеется судимость, но и для:

¹ См.: Там же.

- 1) имевших судимость;
- 2) подвергающихся уголовному преследованию;
- 3) подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением тех, когда уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям).

В свете изложенного ставился вопрос об обоснованности установления запрета на работу с детьми для лиц, подвергавшихся уголовному преследованию, но не признанных судом виновными. Однако данный аргумент так же, как и предыдущий (о возникновении противоречия со статьей 86 Уголовного кодекса РФ), не был принят во внимание¹.

Завершая главу, заметим, что наряду с техникой закрепления правовых запретов не меньший теоретический и практический интерес вызывают и технико-юридические приемы их применения.

¹ См.: Там же.

Глава 3. Правоприменительная техника в сфере реализации правовых запретов

Освещение тематики данной главы следует предварить рассмотрением вопроса о понятии и содержании правоприменительной техники. Как ни странно, но специализированно в рамках общей теории права данной проблемой практически никто из исследователей не интересовался. Согласимся с А.С. Логиновым в том, что ученые, как правило, концентрируют свое внимание лишь на классификации видов юридической техники, а выделение такой ее разновидности, как правоприменительная, не сопровождаются детальным содержательным анализом¹.

Приятным исключением выступает лишь работа О.А. Красавчикова, который не только подразделял юридическую технику на правотворческую, правоприменительную и правооусуществительную, но и вывел их определения. Под правоприменительной юридической техникой он понимал «технику документов, в которых выражаются, формулируются акты по применению норм права. Такими актами, как известно, являются приговоры, решения и иные постановления суда, акты органов прокуратуры, арбитража и т.д.»².

Как верно отмечает А.С. Логинов, в таком понимании прослеживается достаточно узкий подход к содержательной стороне правоприменительной техники³. О.А. Красавчиков ограничил состав данного вида юридической техники только средствами подготовки актов-документов и обошел вниманием технику актов-действий.

¹ Логинов А.С. Роль правоприменительной техники при преподавании теории государства и права // Юридическая техника. Ежегодник. 2009. № 3 (Специальный выпуск) «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования» Н.Новгород 2009. С. 198.

² Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. – М., 2005. – Т. 1. – С. 231.

³ См.: Логинов А.С. Указ. соч. С. 198.

Представляет определенный интерес и дефиниция С.С. Тихоновой рассматриваемого понятия, которая трактует правоприменительную технику как «технику осуществления государственно-властной организующей деятельности уполномоченными государственными органами и должностными лицами по разрешению юридических дел»¹. Однако приведенное определение излишне абстрактно и не раскрывает содержания данного вида юридической техники.

Еще одним примером попытки категориального определения правоприменительной техники выступает ее трактовка в двух следующих значениях: «В широком понимании правоприменительная техника – это самостоятельная научно – практическая категория, содержащая знания о принципах, методах, правилах и средствах создания совершенных в формальном и содержательном плане актов применения права. В узком понимании правоприменительная техника – это совокупность практических рекомендаций по использованию правил и средств составления актов применения права»². На наш взгляд, внешне безупречная дефиниция опять-таки носит излишне абстрактный, отвлеченный характер.

А.С. Логинов полагает, что ключом к пониманию правоприменительной техники является ответ на вопрос о том, какова структура самого правоприменения. При этом автор в обоснование своей позиции ссылается на мнение А.В. Аверина, который полагает, что применение права есть комплекс мыслительных и фактических, организационных и юридических операций (действий) субъекта правоприменения, имеющий целью обеспечить нормальное течение процесса реализации правовых предписаний³.

¹ Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве: Курс лекций. – Н.Новгород, 2008. – С. 10.

² Илясов А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2008. – С. 82.

³ Аверин А.В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей. – Саратов, 2003. – С. 88.

В содержание правоприменительной техники А.С. Логинов в результате включает мыслительные операции, выдвигая на первый план ее когнитивные функции. Автор характеризует правоприменительную технику как «часть юридической техники, изучающую теоретико-прикладные (психологические, социологические, педагогические, лингвистические, собственно-юридические и др.) аспекты применения норм права на различных стадиях правоприменительного процесса в целях принятия справедливого решения, объективированным результатом которого является правоприменительный акт (акт-действие или акт-документ)»¹. В данном определении, на наш взгляд, исследователь частично смешивает понимание правоприменительной техники как составной части теоретического учения о юридической технике и как системы средств технической работы с правоприменительными актами. Кроме того, и данная трактовка у автора по-прежнему страдает таким недугом, как отвлеченность и излишняя абстрактность.

Далее в своих рассуждениях А.С. Логинов отчасти исправляет ситуацию, конкретизируя содержательный состав правоприменительной техники, в который включает также правовые процедуры, поведенческие установки правоприменителя, средства принятия справедливого решения по делу.

В целях настоящего исследования и в силу особой дискуссионности понятия и содержания правоприменительной техники полагаем необходимым в кратком виде определиться с собственной позицией по данному вопросу.

Представляется, что *правоприменительная техника* есть единый комплекс приемов, средств и требований (принципов) по надлежащему претворению в жизнь нормативно-правовых предписаний, переводу их в индивидуально-правовые веления, по внешнему и внутреннему оформлению правоприменительных решений, а также определенная методика выявления и

¹ См.: Логинов А.С. Указ. соч. С. 203-204.

устранения типичных правоприменительных ошибок, разрешения коллизий и конкуренции норм в правоприменении, методика и методология обобщения юридически значимого опыта в целях совершенствования правоприменительной практики.

Специфика техники применения запретов в праве напрямую связана с особенностями их законодательного оформления. Значительная часть правил и средств технической работы с запрещающими предписаниями имеет взаимосвязанный, диалектический характер. Так, достаточно широкое использование бланкетного способа и оценочных понятий законодательного закрепления запретов обуславливает соответствующую потребность в правоприменительной практике по их конкретизации, в наполнении абстрактных признаков запрещенного деяния более детальными характеристиками.

Большинство правовых запретов требует конкретизации в ходе их применения. При этом возможны ситуации одновременного обращения к нормативным предписаниям целого ряда отраслей российского права. *Бланкетный характер юридических запретов требует их соответствующей конкретизации в ходе правоприменительной деятельности,* что, в свою очередь, сопряжено с обращением к нормам не одной, а нескольких отраслей права. Ярким примером подобных случаев выступает применение уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности. Правоприменитель сталкивается со следующими трудностями, осуществляя квалификацию в соответствии с бланкетными предписаниями запрещающего характера: необходимостью разграничения преступлений и иных видов правонарушений; потребностью согласования норм административного, уголовного, гражданского, экологического и ряда других отраслей права; проведением конкретизации признаков запрещаемого деяния посредством обращения к понятиям другой отрасли законодательства.

Отдельные проблемы в правоприменении продуцируются самим законодателем. Так, для реализации одних запретов правотворческий орган

предусматривает другие, но не всегда это проводится обоснованно и последовательно. Вызывает нарекание законодательное нововведение в виде установления минимальной санкции (лишения свободы до двух месяцев) за мошенничество в особо крупном размере. Еще большей проблемой выступает закрепление «льготной» процессуальной нормы, предусматривающей запрет заключения под стражу лиц, совершивших подобные преступные деяния, что затрудняет их привлечение к реальной уголовной ответственности и создает дополнительные возможности для их уклонения от правосудия¹.

Взаимосвязь уголовного и гражданского права в ходе применения отдельных уголовно-правовых запретов проявляет себя в двух аспектах: 1) для конкретизации бланкетных признаков запрещаемого деяния необходимо обращение к понятиям и нормам гражданского законодательства; 2) учет специфики охраняемых уголовными запретами экономических, гражданско-правовых отношений. Как верно отмечается в юридической литературе, конкретизация бланкетных признаков уголовно-правового запрета требует не просто знания предписаний гражданского права, но и их субсидиарного применения посредством ссылки на конкретную норму гражданского законодательства, служащую инструментом требуемой детализации запрета.

Подобная детализация межотраслевого характера является неотъемлемой частью правоприменительного процесса, сопряженного с квалификацией деяний, нарушающих запреты, изложенные в праве бланкетным способом. Без надлежащей ссылки на правовые нормы экономического характера (гражданские, налоговые, финансовые и др.) применение ряда уголовно-правовых запретов становится необоснованным и не вполне законным, а юридическая квалификация незавершенной. Квалификация запрещенных деяний при бланкетном способе их закрепления

¹ См.: *Пикуров Н.И., Яхьяева С.М., Шарафетдинова Г.А. и др. Применение разноотраслевых норм права при квалификации экономических преступлений: пособие.* М.: Акад. Ген. Прокуратуры РФ, 2014. С. 7.

предусматривает выполнение двух важнейших технических операций: установление юридического содержания признаков запрещенного деяния, включая их конкретизацию посредством обращения к нормам ряда отраслей права; сопоставление установленных нормативных признаков правового запрета и совершенного конкретного противоправного деяния.

При этом действия по конкретизации запрета, выраженного в бланкетной форме, являются обязательными, что также должно сопровождаться технически ссылкой в правоприменительном акте на нормы, конкретизационного характера. В противном случае возможны правоприменительные ошибки, произвольное применение мер правовой репрессии, смешение уголовных, административных, гражданско-правовых и иных запретов. На необходимость использования технических ссылок в правоприменительных актах, сопряженных с конкретизацией бланкетных запрещающих предписаний, неоднократно указывал и Верховный Суд РФ в своих актах нормативного официального толкования¹.

Однако на практике суды допускают зачастую следующую технико-юридическую ошибку, используя взамен конкретной ссылки на ту или иную конкретизирующую норму закона шаблонное выражение «в соответствии с действующим законодательством...», «в соответствии с установленным порядком...», «согласно смыслу гражданского законодательства» и т.д.² В результате дефектный правоприменительный акт не содержит надлежащей конкретизации бланкетных признаков запрещенного законом деяния, должного обоснования и правовой оценки. В тех же случаях, когда отдельные фактические обстоятельства (например, юридическая принадлежность имущества определенному лицу, неправомерность

¹ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 года № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 года № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.

² См.: *Пикуров Н.И., Яхьяева С.М., Шарафетдинова Г.А.* и др. Указ. соч. С. 11.

заключения сделок с землей, правомерность образования юридического лица, наличие признаков состояния банкротства и др.) требуют предварительной юридической оценки, перед тем как они будут посредством конкретизации признаков запрещенного деяния включены в структуру и содержание квалификации, обязательно должна производиться ссылка на статьи нормативно-правовых актов соответствующих отраслей законодательства – гражданского, налогового и др. При этом подобная ссылка оформляется с соблюдением соответствующих правил и требования правоприменительной техники. Если же применение норм другой отрасли права, конкретизирующей бланкетный запрет уже оформлено вступившим в законную силу решением суда по гражданскому делу, то при квалификации деяния, запрещенного уголовным законом, следует делать ссылку на ранее вынесенное решение. Следовательно, можно вести речь *об усложненной технике толкования и применения запрещающих правовых предписаний, имеющих бланкетный способ закрепления в законодательстве*. Кроме того, применение запрещающих предписаний может быть осложнено и наличием в них оценочных признаков и понятий, что также создает дополнительные трудности на практике.

Ряд проблем наблюдается и при разграничении в правоприменительной практике уголовных, гражданских и административных запретов. В качестве примера выступают случаи правовой квалификации получения по договору чужого имущества без намерения исполнить взятые на себя обязательства по поставке товара, возвращению долга, оказанию услуг и т.д. Само по себе неисполнение обязательств по договору есть нарушение гражданско-правового запрета. Однако при наличии ряда дополнительных фактических обстоятельств (например, обман или злоупотребление доверием) может подпадать под признаки состава деяния, запрещенного уже уголовным законом. В действительности нередко нарушение уголовного запрета прикрывается заключением гражданско-правового договора.

Кроме того, как верно отмечает Н.И. Пикуров, применение уголовного правового запрета, выраженного в бланкетной форме и отсылающего к административно-правовому законодательству, связано с установлением действия во времени и пространстве не только уголовного запрещающего предписания, но и административного нормативно-правового акта. При этом необходимо учитывать, что административно-правовые нормы не однородны с точки зрения действия их во времени. Те из них, которые включают в себя требования технического порядка, обратной силы не имеют, поскольку они основаны на закономерностях объективной действительности. Изменения же в санкции административно-правовых норм при квалификации преступлений со смешанной противоправностью, как правило, не учитываются (исключением является применение уголовно-правовых норм с административной преюдицией)¹. Таким образом, одной из *специфических черт применения правовых запретов с так называемой «смешанной противоправностью»*, *выступает необходимость установления их межотраслевых связей, одновременный учет и толкование норм ряда отраслей права.*

Ряд уголовно-правовых запретов увязан посредством ссылки с нарушением административного запрещающего предписания. Необходимо подчеркнуть, что правильное разрешение конкуренции и коллизии норм уголовного и административного права в данном случае возможно только на основе проведения четкой границы между составом запрещенного уголовно-правовой нормой деяния и составом административного проступка.

Как отмечается в уголовно-правовой литературе, использования бланкетной формы запрета с отсылкой к административному законодательству обеспечивает гармоничное взаимодополнение основных принципов уголовного права (стабильность уголовного закона, наказуемость

¹ См.: Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве). Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1982. С. 5-6 и др.

только деяний, предусмотренных законом, и т.п.) с преимуществом подзаконных нормативных актов, имеющих большую гибкость и оперативность.

Определенной спецификой характеризуется и *техника толкования юридических запретов*.

Одним из требований техники толкования запрета выступает правило, согласно которому недопустимо использование расширительного способа толкования в отношении запрещающего нормативно-правового предписания. И как справедливо отмечает Н.Н. Рыбушкин, распространительное толкование не должно применяться и для «выведения» каких-либо «новых» запретов из иных норм права¹. Ограничительное же толкование запрета вполне допускается при наличии определенных условий, что подлежит установлению посредством логического и системного уяснения содержания правовых предписаний.

Общетеоретические вопросы особенностей толкования и применения правового запрета в рамках теории государства и права специально не рассматривались. В целом данной проблеме не уделяется должного внимания в юридической литературе. При этом в общей теории права не выработано единой модели реализации запрещающих нормативно-правовых предписаний.

Значительная часть исследователей, не углубляясь далее в существо дела, под процессом реализации запретов в праве понимает воздержание, не совершение запрещенных законом действий. С.С. Алексеев полагал, что суть реализации запретов в праве состоит в не совершении гражданами и организациями соответствующих действий. Процесс реализации запрета предстает в таком варианте, в первую очередь, в пассивной форме его соблюдения. Развивая свою точку зрения, С.С. Алексеев, указывал, что «установление общих запретов... оформляется в особых (общих)

¹ См.: Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. С. 37.

правоотношениях»¹. Схожую позицию избрал И. Сабо, отмечая тот факт, что граждане, соблюдая запреты, находятся в определенных общих правоотношениях, представляющих собой некую связь их с обществом и государством»².

Концепция реализации запретов в абсолютных правоотношениях нашла поддержку и у И.Е. Фарбера. Исследователь аргументировал свою позицию посредством доказательства от обратного. По его мнению, если исходить из постулата о возникновении правоотношения лишь в момент нарушения права, то, как следствие, имеет место ситуация, что лица, обладающие абсолютным правом (например, на честь, достоинство, доброе имя, свободу передвижения и т.д.), не защищены пассивными обязанностями других лиц в виде долженствования не препятствовать им в осуществлении данного права³.

Небезынтересна в рассматриваемом ракурсе позиция и А.Г. Братко, который писал, что общие охранительные отношения составляют содержание процесса реализации не всей запрещающей нормы, а только ее диспозиции. Санкция же данной нормы находит свою реализацию в конкретных охранительных правоотношениях⁴.

Проблема возможности реализации запрещающего предписания в рамках общих правоотношений уже была нами ранее затронута в первой главе исследования. Не вдаваясь во все детали дискуссии вокруг самой возможности существования и выделения общих правоотношений в теории права, повторим собственную позицию. На наш взгляд, реальное существование общих правоотношений вызывает больше вопросов, нежели предлагает ответов на них. Модель, согласно которой все субъекты и со всеми состоят в постоянных неких общих правоотношениях, представляется несколько утопичной и уводит исследователей от действительно реальных

¹ См.: *Алексеев С.С.* Теория социалистического права. С. 143.

² См.: *Сабо И.* Социалистическое право. М., 1964. С. 315.

³ См.: *Фарбер И.Е.* Свобода и права человека в советском государстве. С. 32–33.

⁴ См.: *Братко А.Г.* Запреты в советском праве. С. 46.

правовых связей, в которые вступают субъекты. При этом реализация запретов в виде охранительных правоотношений весьма осязаема, осуществляется в форме правоприменения и вызывает целый ряд технических и иных трудностей на практике. В связи с этим позволим себе в рамках данного исследования абстрагироваться от вопросов реализации запрета в виде общего правоотношения и сосредоточить усилия на вопросах именно применения запрещающих предписаний и их реализации в охранительных правоотношениях.

В раскрытии технических особенностей реализации правовых запретов представляется оправданным обращение вслед за Н.Н. Рыбушкиным к структурно-уровневому анализу¹. Согласно данному подходу, автор выделил два уровня реализации права:

- уровень саморегуляции (на наш взгляд, соблюдение запрета, осуществляемое на началах саморегуляции, не представляет с точки зрения юридической техники какого-либо интереса);

- уровень индивидуально-правового регулирования (речь идет собственно о правоприменительном процессе, который основан на использовании значительного числа специфических технико-юридических конструкций, средств и правил, в первую очередь, процессуального характера).

Исходя из этого, представляется вполне очевидным проявляемый нами интерес к технике реализации запрета именно в форме правоприменения. Наряду с этим, отдельного внимания заслуживает и техника договорного установления и реализации запрета. Речь идет о запретах в частном праве, в рамках которого их установление и реализация возможна не только в одностороннем властном порядке, но и в рамках договорной деятельности.

Н.Н. Рыбушкин предложил определять модель реализации запрещающих правовых предписаний как «определенную систему взаимосвязанных и идущих друг за другом в определенной

¹ См.: Рыбушкин Н.Н. Указ. соч. С. 62.

последовательности разнообразных целостных, блоков воплощения в упорядочиваемых общественных отношениях государственной воли, заключенной в каждом структурном элементе запрещающей правовой нормы. Анализ через эти блоки всех имеющихся в запрещающей норме структурных элементов помогает четче выявить структуру исследуемых правореализационных процессов»¹.

По сути, Н.Н. Рыбушкин, опираясь на традиционную концепцию правоприменительного процесса, дает краткую характеристику постадийного применения запретов. Автором выделены следующие стадии (блоки) применения запретов:

- введение их в действие;
- блок, содержащий юридическую форму отношения – обособления;
- блок индивидуально-правового регулирования, в ходе которого решается вопрос о применении санкции запрещающей правовой нормы;
- блок индивидуально-регламентированного поведения;
- надзор и контроль за реализацией запрета.

Как видим, предложенное исследователем видение процесса применения запрета повторяет традиционную общую схему правоприменительного процесса в целом. В качестве специфической черты применения правовых запретов автор выделяет простой и усложненный порядок их реализации. В простом порядке реализуются отдельные административно-правовые запреты, что выражается в «укороченности» процесса их применения. Уголовно-правовые запреты, напротив, преимущественно реализуются в усложненном порядке в целях дополнительного гарантирования законности и обоснованности их применения.

Схожую трактовку механизма реализации правового запрета можно обнаружить и в отраслевой юридической литературе. Так, механизм действия конституционно-правовых запретов определяется как процесс их

¹ См.: *Рыбушкин Н.Н.* Указ. соч. С. 64.

использования в регулировании поведения субъектов с целью упорядочения общественных отношений, осуществляемый уполномоченными на то органами государственной власти на определенной материально-организационной и финансовой основе. К основным элементам подобного механизма относят правовой порядок формирования конституционно-правовых запретов и ограничений, процедуру их толкования, процедуру реализации конституционно-правовых запретов и ограничений. В качестве стадий реализации правового запрета выделяют: применение конституционно-правовых запретов в процессуальных нормах права; реализацию конституционно-правовых запретов в организационно-правовых средствах; стадию обеспечения конституционно-правовых запретов материально-финансовыми ресурсами¹.

Ю.Н. Слепченко трактует общую модель правореализации административно-правовых запретов «как определенную систему взаимосвязанных и идущих друг за другом в определенной последовательности разнообразных целостных блоков воплощения в упорядочиваемых ими общественных отношениях возводимой в закон воли Российского государства, заключенной в каждом структурном элементе запрещающей административно-правовой нормы»².

Обзор мнений по вопросу понимания механизма реализации правовых запретов позволяет прийти к утверждению о том, что они имеют достаточно общий характер и не позволяют вывести какие-либо существенные различия в применении запрещающих, обязывающих, управомочивающих или иных предписаний. Однако в технико-юридическом аспекте применение запретов имеет все же определенную специфику.

¹ См. подробнее: *Нурмагамбетов Р.Г.* Запреты и ограничения в конституционном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.

² *Слепченко Ю.Н.* Запреты в административном праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 7.

Следует согласиться с Н.Н. Рыбушкиным в том, что правовоположения, вырабатываемые в ходе практики применения запретов судами, имеют особое значение¹. В технико-юридическом плане они представляют первостепенный интерес, ибо содержат в себе множество примеров использования технико-юридических средств по толкованию и применению правовых запретов. Кроме того, правовоположения судебной практики сами по себе являются специфическим техническим правоприменительным средством.

Именно в судебных правовоположениях находятся результаты конкретизации бланкетных моментов и оценочных понятий, содержащихся в запретах, детализация субъектного состава и других элементов запрета, официальные разъяснения высших судебных инстанций в отношении единства понимания наиболее сложных технико-юридическом отношении запретов и их применения. Судебные правовоположения выполняют весьма важную функцию поднормативного правового регулирования, в том числе и в сфере запретов.

Рассматривая роль судебных правовоположений в технике применения запрета можно привести следующий пример из практики. В пункте 10 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» установлен далеко неоднозначный с точки зрения содержания и юридической техники запрет для государственных служащих следующего характера - не допускаются публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа либо государственного органа, в котором гражданский служащий замещает должность гражданской службы, если это не входит в его должностные обязанности.

Конкретизация содержания рассматриваемого запрета нашла свое

¹ См.: Рыбушкин Н.Н. Указ. соч. С. 94-96.

выражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, при квалификации действий государственного служащего по указанной статье закона правоприменительным органам необходимо учитывать ряд значимых обстоятельств дела. Однако судебная практика применения данного запрещающего предписания далека от совершенства, а отмеченные Конституционным Судом РФ обстоятельства учитываются далеко не всегда. Следует согласиться с тем, что практика применения подобного запрета свидетельствует о его негативном значении для системы государственной службы в целом. По сути, разглашение всякой информации о дефектах работы государственной власти ставится под запрет, что снижает и без того низкий уровень доступности и прозрачности сведений о государственном управлении¹. Попытка же в рамках судебной практики частично сгладить недостаток законодательного установления указанного запрета не позволяет полностью ликвидировать его негативные последствия.

Судебные правоположения зачастую служат средством устранения законодательного дефекта установления правового запрета, выступая с технико-юридической точки зрения вспомогательным поднормативным инструментом устранения нечеткости формулировки запрещенного деяния, неудачного закрепления субъектного состава запрета и других погрешностей.

Так, законодательные недостатки оформления административно-правовых запретов в отношении судей, за нарушение которых предусматривается дисциплинарная ответственность, были отмечены самим судебским сообществом. Вызывает серьезные нарекания нормативная формулировка запрещаемого поведения в виду излишней абстрактности². Имеет место отсутствие надлежащей характеристики состава поведения,

¹ См. подробнее: Едкова Т.А. Обсуждение запретов в административном праве // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 137–144.

² См.: Там же.

несовместимого со званием судьи или не соответствующего его статусу.

Использование в Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодексе судейской этики данной словесной формы выражения запрета потребовало соответствующего разъяснения со стороны высших судебных инстанций. К примеру, понятие «дисциплинарный проступок судьи, влекущий дисциплинарное взыскание» конкретизировано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности»; основания для привлечения к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи раскрываются в Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П. Однако в данном случае негативные последствия законодательных ошибок ни только не устранены судебной практикой, но и получили свое дальнейшее отрицательное развитие. При этом соблюдение техники установления и применения запретов в праве особенно важно ввиду их потенциальной способности к существенному ограничению прав и возможностей субъектов. Фактически Конституционный Суд РФ выработал правовоположение, которое расширяет число запретов для судей, что является грубым нарушением и законодательной, и правоприменительной техники.

В качестве общетеоретического обобщения можно предложить выделение следующих *техничко-юридических требований (принципов) к процессу применения правовых запретов*:

- соблюдения приоритета основных прав и свобод человека в процессе применения юридических запретов;
- недопустимости введения новых или расширения сферы действия уже установленных законом запретов посредством правоприменительной деятельности;
- системности толкования и конкретизации правового запрета;

- материальной и процессуальной обеспеченности и гарантированности реализации запрета;
- неотвратимости применения запрещающего предписания в случае совершения правонарушения;
- действия презумпции невиновности;
- разрешения коллизии запрещающих нормативных предписаний в пользу нормативно-правового акта, обладающего большей юридической силой;
- соблюдения правила – закон, устанавливающий запрет, обратной силы не имеет;
- недопустимости подмены судебными правовыми положениями запрещающих предписаний закона;
- обеспечения права лица на обжалование акта применения в отношении него правового запрета;
- обеспеченности реализации правового запрета средствами государственного принуждения;
- ориентации на принципы справедливости, разумности и добросовестности при применении запретов в частном праве.
- соблюдения правила разрешения конкуренции запретов – «специальный запрет отменяет действие общего».

В рамках данной главы *техничко-юридические аспекты темы подлежат раскрытию не только в отношении применения нормативных запрещающих предписаний, но и по отношению к судебным запретам, запретам обеспечительного характера, а также к использованию запретов-наказаний.* Другими словами, запрет сам по себе выступает в определенном качестве как правоприменительное средство, что, к сожалению, в общей теории права пока не привлекло внимания исследователей.

Вызывает интерес, практика применения такой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как

временный запрет деятельности. Изучение временного запрета деятельности, как справедливо отмечает О.В. Левченко, представляется необходимым как ввиду новизны терминологии (в свете внесения дополнений в КоАП РФ), так и существенности ограничений, претерпеваемых лицами, к которым применяется данная мера¹.

Действующее законодательство не связывает возобновление деятельности, приостановленной на основании временного запрета деятельности, с устранением обстоятельств, приведших к ее приостановлению, что на практике может проявляться в двух негативных аспектах повлечь существенные убытки бездействующего хозяйствующего субъекта, а также «развязать руки» так называемым рейдерам, действующим, как правило, оперативно с использованием ресурсов правоохранительной системы, позволяющих приостановить работу компании или эксплуатацию наиболее ценных его активов.

В связи с этим на практике технически необходимо обеспечить суду возможность до рассмотрения дела по существу отменять временный запрет деятельности в случае, если суду очевидна необоснованность (отсутствие необходимости) его применения, и прекращать действие временного запрета деятельности по ходатайству лица, подвергнутого временному запрету деятельности в случае, когда обстоятельства, послужившие основанием для применения временного запрета деятельности, устранены².

Также в ходе применения новой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях возникают трудности по процедуре вручения протокола. Так, неразрешимой является ситуация, когда представитель юридического лица отказывается принять протокол о временном запрете деятельности либо уклоняется от встречи с должностным лицом пожарного надзора. В этом случае обязанность должностного лица по

¹ См.: Левченко О.В. Временный запрет деятельности как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: вопросы теории и практики. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 4-5.

² См.: Там же.

вручению протокола не может быть выполнена¹. Наряду с этим в материалах дела должен быть четко отражен факт доведения до сведения соответствующих лиц о применении меры обеспечения производства – временного запрета деятельности.

В данном примере использования запрета как правоприменительного средства налицо технико-юридическая ошибка в виде неполноты процессуального механизма его действия (отсутствуют процессуально регламентированный институт отмены временного запрета деятельности, институт порядка обжалования применения временного запрета деятельности и регламентирующие процедуры рассмотрения таких жалоб).

Еще одной проблемой техники применения правового запрета выступает излишнее судебское усмотрение. *В области юридического запрещения судебное усмотрение должно носить весьма ограниченный характер.*

В частноправовой сфере наибольшие трудности вызывает практика применения запрета злоупотребления правом² (ст. 10 Гражданского кодекса РФ). При этом суды достаточно широко трактуют данный принцип-запрет, распространяя его действие и на процессуальные права, на содержание гражданской правоспособности, на осуществление действий в сфере публичного права. При этом по вопросу правовой природы злоупотребления правом в судебной практике отсутствует единообразное понимание. Кроме того, как обоснованно замечает С.В. Мусарский, излишняя широта судебного усмотрения при применении положений ст. 10 Гражданского кодекса РФ о запрете злоупотребления правом может приводить к необоснованному отказу

¹ См.: *Майоров В.И.* Временный запрет деятельности: проблемы правоприменения // Современное право. 2006. № 4.

² См. подробнее: *Мусарский С.В.* Обзор судебной практики применения норм о запрете злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) (полный анализ всей судебной практики за 1995 - 2011 годы) // СПС Консультант плюс.

в предоставлении судебной защиты прав, что само по себе является конституционно-правовым нарушением¹.

В целом же норма, содержащая запрет злоупотребления правом, не устанавливает четких критериев и условий ее применения, основана на оценочных понятиях. Логическим следствием такой неопределенности закона являются существенные, принципиальные расхождения в его понимании, имеющие место в правоприменительной практике. Согласно новой редакции п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса «не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)»².

В настоящее время в литературе к условиям квалификации поведения субъекта по ст. 10 ГК РФ относят: 1) наличие субъективного права; 2) осуществление субъективного права с целью или способом, недопустимыми с точки зрения существующего правопорядка; 3) отсутствие специальной нормы, регулирующей соответствующее отношение³.

По справедливому замечанию Сазановой И.В., злоупотребление правом согласно ст. 10 ГК РФ предполагает наличие у лица в качестве средства злоупотребления субъективного права, которое он использует для достижения незаконной цели⁴.

Судебная же практика накопила значительное количество примеров игнорирования наличия субъективного права как необходимого условия

¹ См.: Там же.

² Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

³ См.: Волков А.В. Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами». Волгоград, 2007; Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.

⁴ См.: Сазанова И.В. Об условиях применения запрета злоупотребления гражданским правом // Гражданское право. 2013. № 2.

применения ст. 10 ГК РФ¹. Такая практика порождает негативные последствия двоякого рода. Во-первых, в качестве злоупотребления правом квалифицируется попытка введения третьих лиц в заблуждение путем создания видимости правомерного поведения. Подобный подход неправомерен и вызван отождествлением злоупотребления правом с любым нечестным поступком. С другой стороны, имеется достаточно примеров, когда судебные органы делают вывод о злоупотреблении правом в случае совершения субъектом действий, прямо запрещенных законом, т.е. не связанных с осуществлением субъективного права. Соответствующая практика является следствием смешения таких понятий, как «злоупотребление правом» и «пределы права», нарушение которых следует квалифицировать как обычное правонарушение. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 2 Обзора практики применения арбитражными судами ст. 10 ГК РФ также обращает внимание на неправомерность такого рода судебных решений, указывая, что злоупотребление правом не имеет места в случае отсутствия у лица соответствующего права². С этой точки зрения авторы Закона обоснованно уточнили действующую формулировку ст. 10 ГК РФ, согласно которой «не допускаются действия...», заменив ее на «не допускается осуществление гражданских прав...».

Однако одновременно включение в содержание ст. 10 Гражданского кодекса РФ запрета действий в обход закона ломает логику нормы и служит санкционированию сомнительной практики. Лицо, имеющее намерение обойти предписание закона, не имеет субъективного права. Анализ судебной практики употребления термина «обход закона» позволяет заключить

¹ Постановление ФАС Уральского округа от 5 марта 2007 г. № Ф09-399/07-С2 по делу № А71-2585/06; Постановление ФАС Уральского округа от 13 ноября 2007 г. № Ф09-9256/07-С2 по делу № А60-1108/07; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 26 ноября 2007 г. № Ф03-А51/07-1/5028 по делу № А51-1796/2007-2-108; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 23 января 2009 г. по делу № А43-28409/2007-15-726 // СПС «КонсультантПлюс».

² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2. С. 156–171.

следующее. Во-первых, как обход закона оценивается намерение участников правоотношений устранить действие закона, подлежащего применению, либо, напротив, применение закона, не подлежащего применению, путем создания видимости наличия субъективного права. Во-вторых, под обходом закона понимают обход законодательно установленного запрета или, что встречается несколько реже, неисполнение обязывающей нормы¹. Соответственно, обход закона должен оцениваться как правонарушение и обсуждать следует нарушение обходимого закона. Противоправные действия, связанные с обходом закона, отличаются от иных правонарушений тем, что их незаконность не очевидна, а тщательно замаскирована. В этом случае особая роль отводится суду, который с учетом конкретных обстоятельств дела должен выявить симуляцию в действиях нарушителя.

Таким образом, в юридической литературе делается убедительный вывод о том, что новая редакция ст. 10 Гражданского кодекса РФ санкционирует сложившуюся судебную практику применения запрета злоупотребления правом. Соответственно, причинение вреда другим субъектам как признак злоупотребления правом и наличие субъективного права как условие применения ст. 10 Гражданского кодекса РФ утрачивают универсальное значение для квалификации поведения как злоупотребления субъективным правом. Редакция, установленная Законом, *еще более размывает критерии злоупотребления гражданским правом и создает возможность для судебского произвола*².

Еще один момент, который должен быть учтен при квалификации

¹ См.: Постановления ФАС Уральского округа от 2 сентября 2004 г. по делу № Ф09-2864/04-ГК; от 16 июня 2005 г. по делу № Ф09-2864/04-ГК; от 16 июня 2005 г. по делу № Ф09-1688/05-С3; Постановление Президиума ВАС РФ от 23 января 1996 г. по делу № 7770/95; Постановления ФАС Восточно-Сибирского округа от 24 июня 1999 г. по делу № А78-18/4-Ф02-935/99-С2; от 6 марта 2001 г. по делу № А33-5813/00-С1-Ф02-81/01-С2; от 9 августа 2004 г. по делу № А33-52/97-С3-К2-Ф02-2980/04-С2, Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 11 апреля 2005 № Ф04-1952/2005(10171-А03-31); Постановление ФАС Уральского округа от 16 июня 2005 г. по делу № Ф09-16/02-ГК; Постановление Президиума ВАС РФ от 18 января 2005 г. по делу № 11119/04 // СПС «Консультант Плюс».

² См.: Сазанова И.В. Указ. соч. С. 25.

поведения управомоченного лица в качестве злоупотребления правом: наличие специальной нормы отменяет действие ст. 10 Гражданского кодекса РФ. Как подчеркнул Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, положения данной статьи могут применяться только в тех случаях, когда нет других норм, регулирующих соответствующее гражданское правоотношение¹. Данное замечание является существенным, так как подчас судебные органы применяют ст. 10 ГК РФ при наличии специальной нормы, регулирующей спорную ситуацию.

Соответствующая практика не может быть признана допустимой. С формальной точки зрения она противоречит общеизвестному правилу *lex specialis derogat generalis* («специальный закон отменяет (вытесняет) общий (закон)»). На непозволительность подобного применения нормы, запрещающей злоупотребление правом, в свое время указывали С.Н. Братусь, В.А. Рясенцев, М.И. Бару и другие, отмечавшие, что запрет злоупотребления правом не следует распространять на те права, содержание и назначение которых определены конкретными институтами и нормами гражданского права².

Обобщая изложенное, напрашивается вывод о том, что в ходе применения запретов одним из типичных нарушений юридической техники выступает игнорирование правила «специальный закон отменяет действие общего». При этом данная правоприменительная ошибка является типичной и при реализации запретов в уголовном, административном и других отраслях права.

Продолжая анализ правил технико-юридического характера, подлежащих выполнению в процессе применения правового запрета и

¹ См.: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2. С. 156–171.

² См.: Бару М.И. О статье 1 ГК // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 117–120; Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 79–86; Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. 1962. № 9. С. 7–10.

типичных ошибок их нарушения, представляется необходимым кратко остановиться и на такой проблеме, как *отсутствие надлежащего механизма по привлечению к ответственности за нарушение правового запрета*.

Особенно ярко указанная проблемная ситуация проявляет себя в практике реализации значительного числа запретов в трудовом праве. Фактически не функционируют юридические механизмы по привлечению к ответственности работодателя за нарушение следующих запрещающих предписаний: запрета требовать выполнения работы, не обусловленной трудовым договором (ст. 60 Трудового кодекса РФ); запрета необоснованного отказа в заключении трудового договора (ст. 64 данного закона) и др.

В связи с этим в юридической литературе выдвинуто обоснованное предложение о необходимости совершенствования практики установления и реализации запретов в трудовом праве посредством следующих мер:

- дополнением главы 62 Трудового кодекса РФ статьями об основаниях, и видах ответственности работодателя за нарушение конкретных трудовых норм. Каждая норма права должна иметь свой механизм правового регулирования, если нет ответственности работодателя за совершение тех или иных неправомерных действий, следовательно, работодатель данную норму не будет выполнять;

- обеспечить действие юридического механизма по принуждению работодателей к выполнению обязанности привести локальные нормативные акты (ухудшающие положение работников), включая индивидуальные трудовые договоры в соответствие со ст. 8 Трудового кодекса Российской Федерации¹.

Говоря о правоприменительной технике претворения в жизнь запрещающих правовых предписаний, следует упомянуть и *специфические правоприменительные акты-запреты*. Речь идет не только о судебных

¹ См.: Деменева Н.А. Проблемы запрещения дискриминации в сфере наемного труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2013. № 1.

запретах. К примеру, в административном праве данный инструмент имеет достаточно широкое использование. М.Е. Труфанов характеризует его следующим образом: «... особенность запретительных актов не в положительной реализации права, а в запрете его реализации, который сугубо индивидуален. Указанные акты могут быть вынесены при уведомительном порядке реализации прав, когда физическое или юридическое лицо, желающее использовать конкретную правовую возможность, ставит в известность об этом компетентный орган или должностное лицо. Если же по определенным причинам осуществление права в сложившейся конкретной ситуации признано нежелательным, то принимается решение, запрещающее использование права, т.е. выносится запрещающий акт»¹.

Примером вынесения запрещающего акта может служить административное решение о нежелательном пребывании на территории нашей страны иностранного гражданина или лица без гражданства. Так, Федеральный закон от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ»² определяет, что в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, незаконно находящихся на территории РФ, либо лица, которому не разрешен въезд в РФ, а также в случае если пребывание (проживание) иностранного гражданина или лица без гражданства, законно находящихся в РФ, создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного

¹ См.: Труфанов М.Е. Акты применения норм административного права в сфере реализации права граждан // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. Ставрополь, 2005. С. 48.

² См.: Собрание законодательства РФ. 1996. N 34. Ст. 4029.

гражданина или лица без гражданства в РФ (ст. 25.10)¹.

Велика в правоприменительной практике и роль судебных запретов. В частности, согласно статье 44 соглашения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), судебный орган имеет право издать судебный приказ, предписывающий любой стороне воздержаться от правонарушения, в том числе чтобы предотвратить поступление в каналы движения товаров, находящиеся под их юрисдикцией, импортируемых товаров, которые приводят к нарушению права интеллектуальной собственности, непосредственно после таможенной очистки таких товаров.

Речь идет о применении различного рода санкций к нарушителям исключительных прав, которые Соглашение ТРИПС допускает разрабатывать на усмотрение национального законодателя².

С общетеоретической и технико-юридической точки зрения судебные запреты можно классифицировать следующим образом:

- *по характеру запрещения* они делятся на *чисто запретительные* (содержат запрет совершать действия, приносящие вред истцу или создающие опасность причинения подобного вреда – например, запрет совершения регистрационных действий в отношении спорного имущества) и *компенсационно-обеспечительные* (суд своим решением обязывает ответчика выполнить определенные действия, которые позволили бы загладить последствия нарушения прав истца – запрет как обеспечение, временный запрет деятельности и др.);

- *в зависимости от процессуальной роли и срока действия* они подразделяются на *промежуточные* (выдается судом на досудебной стадии предварительного разбирательства заявления, выдается на короткий и четко

¹ См.: *Трегубова Е.В.* Проблемы реализации актов применения запрещающих норм административного права // Административное и муниципальное право. 2009. № 2.

² См. подробнее: *Пирогова В.В.* Судебные запреты (соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности - СТ. 44 ТРИПС) // СПС «Консультант плюс».

определенный период – до заседания суда) и *бессрочные* (выдается уже в ходе процесса, когда истец доказал свою правоту и суд признал его доводы убедительными; срок действия этого приказа-запрета не связан с началом судебного заседания по данному делу – именно поэтому он именуется бессрочным).

Особой спецификой с технико-юридической стороны характеризуется использование запрета в качестве способа защиты прав в частноправовой сфере. Для частных отраслей права прямой нормативный запрет характерен значительно в меньшей степени. Для гражданского права в большей степени привычны диспозитивные нормы, это вытекает из самой сущности гражданско-правового регулирования. Кроме того, причинение вреда и нарушение гражданских прав не всегда образуют состав преступления или состав административного проступка. Поэтому, строго говоря, такие действия чаще всего не могут быть прямо запрещены на нормативном уровне¹.

Запрет как способ защиты прав предусмотрен ст.ст. 12 и 1065 Гражданского кодекса РФ. Ст. 12 Гражданского кодекса РФ содержит часть 3, которая даёт суду возможность «восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения». В соответствии с п. 1 ст. 1065, опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность. Наряду с этим имеются ещё и ранее нами упоминавшиеся административные правоприменительные акты (предписания) о запрете определённой деятельности, она может быть приостановлена в административном порядке. Однако между административным запретом и запретом гражданско-правовым есть существенное различие. Запрет в административном порядке возможен, как правило, в случае нарушения запрещающих нормативно-правовых предписаний. *Частноправовой запрет*, на основании статьи 1065

¹ См.: Бубон К.В. Запрет как способ защиты гражданских прав // Адвокат. 2007. №3.

ГК РФ возможен в случае, если истец докажет, что причинение вреда возможно в будущем¹.

Однако запрещение в гражданском процессе направлено вовсе не на защиту нарушенного права и не на предотвращение его нарушения впредь, а на «замораживание» и фиксацию ситуации в том виде, в котором она сложилась на момент начала судебного разбирательства. Именно по этой причине процессуальные запрещения, предусмотренные ГПК РФ, носят временный характер и не распространяются на правоотношения, формирующиеся за пределами данного конкретного гражданского процесса.

Таким образом, основные функции запрета в частном праве с технико-юридической точки зрения – это предупреждение вреда в будущем, превентивная и обеспечительная функции. Именно в таком качестве институт запрета в российском частном праве необходимо развивать, чего в нашей стране пока не наблюдается. Характерными чертами, выделяющими этот способ защиты, являются его направленность на ограждение прав гражданина от посягательств в будущем и относительная свобода использования запрета, связанная не с нормативным запретом, а с договорной формой правового регулирования.

В ходе правоприменительной практике встречаются случаи принятия мер по установлению незаконных запретов со стороны различных органов государственной власти и должностных лиц. В основном *нарушается такой принцип юридической техники, как недопустимость расширительного толкования юридического запрета*, установленного нормативным правовым актом. К примеру, значительная часть адвокатов постоянно сталкивается с проблемами при посещении следственных изоляторов и мест лишения свободы, которые проявляются, в том числе, в запрете должностных лиц на проход адвоката в соответствующие учреждения с портфелями (сумками, пакетами и т. п.), содержащими документы, непосредственно связанные с

¹ См.: Там же.

оказанием им квалифицированной юридической помощи¹. Нередко адвокатам запрещают проносить на территорию соответствующих учреждений технические средства, предназначенные для фиксации информации, и средства связи (ноутбуки, фотоаппараты).

Однако в последнее время в судебной практике появились прецеденты по признанию подобных запретов незаконными².

На основании изложенного, представляется возможным сделать вывод о том, что технико-юридическая сторона процесса применения запретов в праве имеет целый ряд особенностей, специфических приемов и требований. В настоящей главе предпринята лишь начальная попытка общетеоретического осмысления правоприменительной техники юридического запрещения, намечены основные направления построения в перспективе общей модели принципов реализации правового запрета, понятия и технических особенностей правоприменительного запрета как средства обеспечения, превенции, защиты права. В кратком виде нами была предпринята попытка выявления наиболее типичных ошибок в применении запрещающих нормативных предписаний.

¹ Рагулин А.В. Проблемные вопросы реализации адвокатом права на свидание с подзащитным // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2008: Материалы X международной научно-практической конференции, 3–4 апреля 2008 г. – Челябинск, 2008. – Ч. III. – С. 248–250.

² См.: Лопухов В.И., Рагулин А.В. Суд признал нарушением профессиональных прав адвоката запрет на проход на территорию исправительного учреждения с портфелем и мобильным телефоном // Евразийская адвокатура. № 3(4). 2013. С. 102–106; Рагулин А.В. Ноутбуки под запретом // Адвокатские вести. 2011. № 5–6 (127–128). С. 41–43.

Глава 4. Унификация запретов в российском и международном праве

Конституционно установленный примат общепризнанных норм международного права и ратифицированных международно-правовых договоров Российской Федерацией перед нормами внутринационального права распространяет свое действие и на практику установления и реализации правовых запретов. Это, в свою очередь, актуализирует вопросы надлежащей унификации запретов российского права по отношению к международно-правовым запрещающим предписаниям.

Значительное число зарубежных государств уделяет повышенное внимание разработке комплекса запретов административно-правового характера в целях обеспечения надлежащего уровня законности и правопорядка в области государственного управления¹. В том числе приняты специальные законы, содержащие соответствующие нормы. Такие законодательные акты называют этическими кодексами поведения публичных служащих.

Анализ накопленного опыта установления правовых запретов в системе государственного управления приводит к выводу о том, что он может и должен быть учтен в ходе реформы и развития системы государственной службы Российской Федерации. В ряде зарубежных государств административные запреты, связанные с режимом государственной службы, распространяются и на близких родственников служащего. Данный опыт заслуживает самого пристального внимания. В настоящее время в Российской Федерации складывается такая ситуация, когда близкие родственники государственного служащего осуществляют предпринимательскую деятельность в режиме его должностной

¹ См. подробнее: *Кривоносов Д.А.* Административные запреты в системе государственной службы Российской Федерации. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2009.

компетенции. Подобная ситуация порождает конфликт интересов, снижает уровень конкуренции на товарных и финансовых рынках, а также способствует коррупционным проявлениям в системе государственного управления в России.

А.Ф. Ноздрачев отмечает, что в Федеративной Республике Германии государственный служащий не вправе осуществлять какую-либо предпринимательскую деятельности, как лично, так и через доверенных лиц¹.

Схожая практика наблюдается и в отношении государственных служащих Японии, которым запрещается совмещение должностей и совместительство в коммерческих организациях. Однако государственный служащий вправе выступать акционером таких организаций².

Ряд запретов на государственной службе установлен в США Принципами этического поведения правительственных чиновников и служащих 1990 г. и Законом об этике в правительственных учреждениях от 1978 г.

Административно-правовые запреты в Великобритании для государственных служащих предусмотрены Статусом гражданской службы, Кодексом условий службы и оплаты чиновников, а также Общими принципами поведения государственных служащих. В юридической литературе отмечается тот факт, что в Англии система государственного управления основывается на чрезвычайно жестких ограничительных правилах в отношении поведения чиновников по сравнению с другими государствами³.

Аналогичная ситуация наблюдается и в США, где государственные служащие осуществляют свою деятельность с учетом жестких

¹ См.: Ноздрачев А.Ф. Государственная служба (законодательный опыт Германии) // Советская юстиция. 1993. № 16. С. 21.

² См.: Гудошников Л.М. Система государственной службы в Японии // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 131.

³ См.: Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Политическая нейтральность государственных служащих в Англии // Государство и право. 1992. № 9. С. 117.

запретительно-правовых мер¹. Данное положение, по мнению Ю.К. Абрамова, связано с тем, что на начальном этапе государственная служба Соединенных Штатов Америки строилась с учетом накопленного правового опыта в этой сфере в Великобритании².

К примеру, в Кодексе гражданской службы установлены следующие правовые запреты:

- запрещается разглашение конфиденциальной информации;
- не допускается участие в политических дискуссиях;
- воспрещается обсуждение распоряжений министра;
- деятельность государственного служащего не должна наносить вред репутации государственной службы, а также не должна противоречить ее интересам³.

В системе германского законодательства запреты содержатся в следующих законах: «О государственных служащих»; «О дисциплинарном режиме государственной службы», «О федеральных кадрах».

В правовой системе Франции запреты на государственной службе преимущественно установлены в Генеральном статусе государственной службы⁴. В соответствии с данным актом чиновнику запрещается осуществление предпринимательской деятельности во время прохождения государственной службы. При этом разрешается занятие научной, литературной, артистической деятельностью, если они не являются доминирующими⁵.

¹ См.: Березовская С.Г. Регулирование "гражданской службы" в США // Советское государство и право. 1969. № 5. С. 116.

² См.: Абрамов Ю.К. Эволюция концепции государственной службы в США // США и Канада: экономика, политика, идеология. 1997. № 1. С. 33.

³ См.: Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Указ. соч. С. 117.

⁴ См.: Коломийцев В.Ф. Подготовка государственных служащих во Франции // Государство и право. 1993. № 11. С. 95; Оболонский А.В. Государственная служба во Франции // Государство и право. 2000. № 11. С. 60.

⁵ См.: Государственная служба и государственные служащие во Франции. М., 1994. С. 50.

В законодательстве упомянутых зарубежных государств особо отмечается престиж государственной службы и выделяется ответственность чиновников перед обществом¹.

Система правовых запретов в отношении системы государственного управления Российской Федерации во многом идентична запрещающим предписаниям, установленным в законодательстве о государственной службе ведущих зарубежных государств. Связано это с тем, что основные законы функционирования чиновничьего аппарата во многом носят универсальный характер².

В отличие от административно-правовой сферы определенные трудности на практике вызывает процесс унификации уголовно-правовых запретов. Например, Всеобщая декларация прав человека содержит ряд следующих запретов уголовно-процессуальной направленности: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию» (ст. 5); «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или наказанию» (ст. 9); «Никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву». Не может также назначаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть назначено в то время, когда преступление было совершено (ст. 11); «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию...» (ст. 12) и др.

Указанные запрещающие предписания фактически продублированы в нормах Конституции России (ст. 19, 21, 22, 24, 25, 35, 47, 49, 50, 54), а те, в

¹ См.: Волженкин Б.В. Коррупция. СПб., 1998. С. 17.

² См.: Куракин А.В. Административно-правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 79.

свою очередь, конкретизированы в положениях Уголовно-процессуального кодекса РФ. Однако в последнем установлены и иные запреты, имеющие отличное содержание. В целом же число запретов в уголовно-процессуальном законодательстве России достаточно велико¹.

Так, в качестве подтверждения их многообразия следует привести ряд примеров: запрет применения закона, противоречащего Уголовно-процессуальному кодексу РФ (ст. 7); презумпция невиновности, запрет лишения права подсудимого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено Уголовно-процессуальным кодексом РФ (ст. 8); запрещение возлагать одновременно функции обвинения, защиты, разрешения уголовного дела на один и тот же государственный орган (ст. 15); запрет спора о подсудности (ст. 36); запрет отказа адвоката от защиты подозреваемого, обвиняемого (ст. 49); запрет участия в процессе лиц, подлежащих отводу (ст. 62); запрет использования доказательств, полученных с нарушением УПК РФ (ст. 75); недопустимость продления срока содержания под стражей свыше 18 месяцев (ст. 109); недопустимость проведения следственных действий в ночное время (ст. 164); запрет составления приговора на предположениях (ст. 302) и т.д.

При этом подчеркнем, что требует дальнейшей унификации уголовно-правовой запрет на пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

При формальном конституционном запрещении пыток они до сих пор применяются в России, в том числе и сотрудниками правоохранительных органов. В определенной мере это связано с недостаточностью (неразработанностью) уголовно-правовых запретов и санкций. Несмотря на конституционное закрепление и уголовно-правовые запреты, нарушения прав личности в РФ продолжают продолжаться. Ситуация существенно не изменилась в

¹ См.: *Аминев Р.Н.* Система правовых запретов в уголовном процессе // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа: РИО БашГУ, 2003.

течение ряда лет, прошедших с момента ратификации Российской Федерацией 5 мая 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.). Законодательное закрепление конституционных гарантий и санкций за их нарушение в Уголовном кодексе РФ должно преследовать две цели: превентивную и репрессивную. При этом необходимо учитывать практику международного запрета пыток и бесчеловечного обращения, в том числе изложенную в решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

За более чем 50-летний период деятельности ЕСПЧ творчески развил и конкретизировал основные идеи и положения Конвенции, принципы и нормы международного права, существенно обогатил систему гарантий прав и свобод. Гарантии, прямо не сформулированные в тексте Конвенции и Протоколов, получили закрепление в решениях данного суда, ставших прецедентами.

По мнению самого ЕСПЧ, его постановления обеспечивают не только рассмотрение конкретных дел, но и решают более общую задачу: разъяснение, охрану и развитие права, закрепленного Конвенцией, и тем самым способствуют соблюдению государствами обязательств, принятых ими в качестве договаривающихся сторон¹. При решении конкретного вопроса в рамках рассматриваемого дела ЕСПЧ исходит в своей оценке не столько из буквального толкования норм Конвенции, сколько из тех конкретизирующих норм, которые были ранее выработаны и сформулированы данным судом.

Примером расширения правовой защиты личности может быть гарантия, содержащаяся в ст. 3 Конвенции: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». На наш взгляд эта гарантия состоит из двух частей: 1)

¹ Ирландия против Соединенного Королевства. Решение от 18 января 1978 г. (п. 167). Серия А.Т. 25. С. 66. Цит. по: Кучин М.В. Прецедентное право Европейского суда по правам человека. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 2004. С. 70–71.

запрет определенных видов неправомерного поведения и 2) обязательства государства делать этот запрет реальным и эффективным путем обязательного проведения расследования и наказания виновных.

Нормы, аналогичные ст. 3 Конвенции, имеются в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Однако эта норма не содержит понятия «бесчеловечное обращение или наказание». Соответственно, это понятие не включается в нормы федеральных законов, конкретизирующих запрет ст. 21 Конституции РФ: УК, УПК, УИК, ФЗ «О содержании под стражей...» и др.

С учетом развития российского уголовного права, направленного на охрану прав личности, в частности введения в УК РФ статей 127.1 («Торговля людьми») и 127.2 («Использование рабского труда»), следует признать оправданным дополнение Уголовного кодекса РФ нормой об ответственности за содержание в подневольном состоянии. Однако эти нормы Уголовного кодекса РФ не охватывают всего спектра возможных нарушений прав и свобод, связанных с лишением свободы и принудительным трудом.

При формальном конституционном запрещении пыток они до сих пор применяются в России, в том числе и сотрудниками правоохранительных органов. На наш взгляд, в определенной мере это связано с недостаточностью (неразработанностью) уголовно-правовых запретов и санкций. Как отягчающее обстоятельство применение пыток указано всего в двух нормах российского УК: п. «д» ч. 2 ст. 117 и ч. 2 ст. 302. Согласимся с тем, что необходимо дополнить УК РФ нормой о запрете бесчеловечного обращения и наказания, поскольку ст. 117 и 302 УК РФ не в полной мере предоставляют защиту потерпевшему от такого обращения или наказания. Исследование вопроса о запрете пыток как гарантии права личности, на наш взгляд, необходимо проводить с учетом российской конституционной нормы и норм международного права.

В качестве примера спорного отношения к понятиям «пытки и бесчеловечное обращение» может быть дело Калашников против Российской Федерации¹. Заявитель жаловался на условия его содержания в Магаданском следственном изоляторе ИЗ-47/1 (СИЗО-1), рассматривая эти условия как пытки и проявления бесчеловечного обращения.

По существу жалобы Правительство РФ признавало, что «условия содержания в следственных тюрьмах в России неудовлетворительны и не отвечают требованиям, предъявляемым к тюремным заведениям в других странах Совета Европы. Вместе с тем Правительство РФ утверждало, что условия содержания заявителя в предварительном заключении не могут рассматриваться ни как пытки, ни как бесчеловечное или унижительное обращение...». В пункте 95 Постановления ЕСПЧ от 15 июля 2002 г. по этому делу содержится позиция согласно которой, суд полагает «бесчеловечным» в ситуации преднамеренного обращения, если оно длилось в течение нескольких часов непрерывно и если в его итоге был нанесен физический вред пострадавшему либо ему были причинены глубокие психические или физические страдания. ЕСПЧ полагает, что под обращением «унижающим достоинство» следует признавать случаи, когда оно вызывает в пострадавших чувства страха, неполноценности и страдания, что в результате заставляет жертву ощущать себя униженной и неполноценной. Анализируя проблему формы обращения с личностью, которая выступает «унижающей достоинство» в соответствии со статьей 3 Конвенции, ЕСПЧ полагает необходимым при решении подобного дела давать ответ на вопросы: являлось ли целью обращения унижение и попраение достоинства личности; в отношении последствий такого обращения – отразились ли они на этом жертве в форме, несовместимой со ст. 3 Конвенции. При этом следует заметить, что отсутствие обозначенной цели не всегда исключает

¹ Калашников против Российской Федерации. Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: Постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / Отв. ред. Ю.Ю. Берестнев. М.: Норма, 2005. С. 8–39.

возможность того, что ЕСПЧ подтвердит в обжалуемом деянии нарушение статьи 3 рассматриваемой Конвенции. Степень страданий и унижений в качестве важнейшей характеристики понятия «унижающее достоинство обращение» должна быть существенно выше степени страданий и унижений в случае правомерных действий или наказания, наложенного в соответствии с законом.

При этом органы государственной власти обязаны обеспечить такие условия содержания лица под стражей, которые позволяют гарантировать уважение к человеческому достоинству. Сами же формы и методы исполнения данной меры пресечения не должны причинять лицу каких-либо страданий и лишений в степени большей, чем уровень, который является неизбежным при ограничении свободы, а здоровье и благополучие лица должны быть соответствующим образом гарантированы с учетом требований режима содержания под стражей¹.

Рассматривая данное дело, ЕСПЧ признал нарушение ст. 3 Конвенции, обозначив в п. 101–103 следующие доводы. Суд посчитал, что режим содержания под стражей, которому подвергся заявитель в течение 4 лет и 10 месяцев, должен был причинить ему физические страдания, а также унижение его человеческого достоинства, что, в свою очередь, должно было породить в нем чувства унижения и попраiania личности. В пункте 102 ЕСПЧ постановил, такие условия содержания заявителя под стражей, как антисанитарная обстановка в камере, ее чрезмерная переполненность, вредные для здоровья заявителя последствия этого режима содержания под стражей, в сочетании с длительностью срока заключения в данных условиях следует приравнять к унижающему достоинство обращению².

¹ См.: Калашников против Российской Федерации... С. 22 - 23.

² См.: Калашников против Российской Федерации... С. 26. С учетом общепризнанных международных норм и положения, сформулированного в ст. 21 Конституции РФ, принимая во внимание прецеденты Европейского суда по правам человека, на наш взгляд, необходимо дополнить главу 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» нормами, запрещающими пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство человека обращение.

Российское законодательство в области запретов и ограничений для военнослужащих по ряду параметров унифицировано в достаточной степени с международным правом.

Правовой статус военнослужащих содержит с ряд ограничений и запретов. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Данные ограничения могут быть введены как в отношении всего населения страны, так и по отношению к отдельным категориям субъектов, например в отношении военнослужащих.

Правовые ограничения военнослужащих, касающиеся отдельных прав и свобод, обусловлены спецификой военной службы, и необходимы для полноценной реализации конституционной обязанности защите Отечества. Тем самым обеспечивается защита основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства. Подобные ограничения и запреты для военнослужащих установлены Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и иными нормативно-правовыми актами Российской Федерации. Существо проблемы ограничения прав и свобод военнослужащих состоит в установлении правотворческим органом в соответствии с нормами Конституции РФ границ действия прав и свобод. В юридической литературе высказана точка зрения, согласно которой рассматриваемые ограничения прав и свобод должны соответствовать принципам и общепризнанным нормам международного права, а также Конституции РФ. Исходя из смысла положения ч. 3 ст. 55

Конституции РФ можно сделать вывод о соответствии международному праву и допустимости в демократическом обществе подобных ограничений¹.

Нарушение военнослужащими рассматриваемых ограничений может выступать основанием для возложения на них мер дисциплинарной ответственности, в случае наличия состава преступления – для привлечения к уголовной ответственности.

В ст. 29 Всеобщей декларации прав человека и Международных пактах о правах человека предусмотрен ряд оснований и условий для возможных ограничений. Во-первых, они должны вводиться исключительно только на основании закона. В соответствии с Конституцией РФ – на основании только федерального закона. Во-вторых, ограничения применяются исключительно для обеспечения и защиты прав и свобод других лиц и поскольку это совместимо с природой самих прав. По Конституции Российской Федерации – в целях защиты прав и законных интересов других лиц. В-третьих, ограничения вводятся исключительно в интересах удовлетворения требований норм нравственности, для обеспечения государственной безопасности и общественного благосостояния. В соответствии с Конституцией РФ – в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что специфика военной службы предопределяет необходимость и допустимость ограничения отдельных прав и свобод военнослужащих, предусмотренных Конституцией РФ. Указанные запреты и ограничения распространяются на все категории военнослужащих. Они вводятся исключительно законом и должны быть соразмерны охраняемому интересу, а также должны учитывать принцип запрета чрезмерных ограничений прав и свобод.

¹ См.: *Чиков П.В.* Военные санкции в международном праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук Казань, 2003. С. 7-9 и др.

Федеральным законом «О статусе военнослужащих» в п. 7 ст. 10 предусмотрены запреты в целях учета специфики прохождения военной службы. Данные запреты соответствуют ограничениям, установленным для государственных служащих Законом «Об основах государственной службы Российской Федерации». Основное назначение рассматриваемых запретов состоит в обеспечении надлежащего прохождения военной службы, а также в установлении препятствий возможным злоупотреблениям со стороны военнослужащих. И наконец, они преследуют цель создания условий для независимости служебной деятельности от влияния кого-либо.

Запреты и ограничения, действующие в отношении военнослужащих, классифицируются в зависимости от сферы действия по следующим четырем группам:

- в политической сфере;
- в экономической сфере;
- ограничения свободы слова и печати;
- запреты, обусловленные особым характером военной службы.

Дальнейшей унификации с международным правом требуют запреты, установленные в трудовом законодательстве Российской Федерации.

Понятие принудительного труда, сформулировано в международных правовых актах. Например, в Конвенции МОТ № 29 от 1930 г, содержится определение понятия «принудительный или обязательный труд» как всякой работы или службы, требуемой от кого-либо под угрозой наказания, в отношении которой данное лицо не изъявило на добровольных началах своих услуг.

Указанная Конвенция создала фундаментальную основу последующим международным актам и развитию национальных законодательств. При этом, как верно подчеркивается в юридической литературе, на настоящий момент ее основное содержание, регламентирующее использование принудительного труда в колониях, не состоятельно. С учетом действия абсолютного запрета принудительного труда положения Конвенции,

безусловно, требуют внесения изменений. В частности, надлежит закрепить в ней абсолютный запрет принудительно труда, четко сформулировав признаки, по которым правоприменитель сможет четко идентифицировать рассматриваемое явление¹.

В развитие института запрета принудительного труда Конвенция МОТ № 105 от 1957 г вышла за рамки трудовых отношений и закрепила абсолютный характер запрет принудительного труда в независимости от сферы деятельности.

Следует согласиться с мнением о том, что несмотря на ратификацию Конвенции № 29 СССР еще в 1956 году, национальное законодательство в тот период кардинально не изменилось. Так, только в начале 90-х годов XX века в России вопрос запрета принудительного труда стал актуальным в связи с провозглашением на конституционном уровне принципа свободы труда. Ныне действующий Трудовой кодекс РФ впервые закрепил понятие принудительного труда и определил формы его проявления. В соответствии со ст. 2 Закона под принудительным трудом понимается выполнение работы под угрозой применения наказания или насильственного воздействия. Подчеркнем, что данная законодательная дефиниция является усеченной в сравнении с определением, установленным в Конвенции № 29. Это обусловлено тем, что Трудовой кодекс РФ определяет принудительный труд всего лишь через один элемент, а именно через работу под угрозой наказания, вынося за рамки дефиниции второй существенный признак в виде отсутствия добровольности согласия лица на выполнение такой работы. В данном случае налицо расхождение между нормой российского трудового законодательства и нормой международного права.

В первоначальной редакции ст. 4 Трудового кодекса РФ, расширенное понятие принудительного труда, включавшее в себя и работы в условиях

¹ См.: Глухова Н.В. Принцип запрета принудительного труда в системе средств правового регулирования трудовых отношений. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Спб., 2007. С. 8.

невыплаты заработной платы, а также необеспечения работника средствами индивидуальной защиты или здоровью и жизни работника была нежизнеспособной и противоречащей другим положениям трудового законодательства.

Федеральный закон № 90-ФЗ от 30 июня 2006 года устранил отмеченный выше недостаток. Однако законодательная дефиниция принудительного труда осталась в прежнем варианте, что требует соответствующей унификации с нормами международного права. В действующей редакции ст. 4 Трудового кодекса РФ страдает еще одним недостатком. В числе видов работ, не относящихся к принудительному труду, обозначены следующие:

- работа в условиях введения чрезвычайного или военного положения;
- работа в условиях чрезвычайной обстановки.

При этом чрезвычайные обстоятельства, обозначенные в абзаце 4 ч 4 ст. 4 Трудового кодекса РФ, одновременно и являются основанием для введения чрезвычайного или военного положения. Следовательно, их повторное воспроизведение является излишним. Другая же трактовка исключений будет приводить к противоречию с международными актами.

Особо отметим то обстоятельство, что предписания специального законодательства в основном соответствуют международным актам о запрете принудительного труда. Однако понимание данных норм затруднено отчасти отсутствием общей терминологии. С учетом этого в юридической литературе высказано предложение о введении в законодательство понятия «общественно необходимые работы».

Согласимся с позицией, согласно которой в целях защиты трудовых прав граждан, привлекаемых к общественно необходимым работам в рамках чрезвычайного или военного положения, надлежит детально закрепить порядок привлечения лиц к подобным работам, посредством принятия дополнений в федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации».

Следующей сферой правового регулирования, требующей особо тщательной унификации с международным правом, выступают антимонопольные правовые запреты и ограничения¹.

Ядром антимонопольного законодательства выступает запрет антиконкурентных соглашений и согласованных действий. В данной области должны соблюдаться следующие принципы и выполняться соответствующие действия:

- подобный запрет требует явного введения в национальное антимонопольное законодательство деления соглашений и согласованных действий в зависимости от их влияния на состояние конкуренции;

- необходимо установление неопровержимой презумпции ограничения конкуренции соглашениями и согласованными действиями с однозначным определением в законе путем указания их четких признаков;

- следует установить запрет соглашений и согласованных действий, в отношении которых действует неопровержимая презумпция ограничения ими конкуренции. При этом вред общественным интересам, благосостоянию всего общества от попадающих под запрет соглашений и согласованных действий столь значителен, что исключений из такого запрет быть не должно;

- по отношению к соглашениям и согласованным действиям, которые не попадают под запрет *per se*, законодателем устанавливается запрет, если будет доказано их негативное воздействие на конкуренцию, т.е. ограничение ими конкуренции, ее недопущение или устранение.

Однако если из запрета *per se* исключений не предусматривается, то запрет соглашений и согласованных действий, в отношении которых законом не установлена неопровержимая презумпция ограничения конкуренции,

¹ См.: Сушкевич А.Г. Антиконтурентные соглашения: запреты, исключения из запретов и их пределы в новом Федеральном законе «О защите конкуренции» // Законы России: опыт, анализ, практика». 2007. № 6.

может дополняться правилами, по которым такие соглашения признаются допустимыми, даже если они ограничивают конкуренцию (так называемое правило разумности), а также указанием легкообнаруживаемых на практике признаков соглашений и согласованных действий, которые превращают их в допустимые, даже если будет доказано их негативное воздействие на конкуренцию.

Установление в антимонопольном законодательстве запретов на ограничивающие конкуренцию соглашения и согласованные действия, введение правила разумности и иных исключений позволяют законодателю впоследствии установить административную и уголовную ответственность за нарушение таких запретов.

Определяющим моментом запрета анти конкурентных соглашений и согласованных действий выступают пределы его действия. Антимонопольное законодательство базируется преимущественно на принципе экстерриториальности. Другими словами, оно применяется и к действиям, совершенным за пределами территории государства, что составляет часть доктрины права и в Евросоюзе, и в США. Принцип экстерриториальности национального антимонопольного законодательства позволяет распространять регулирование на весь спектр отношений, которые непосредственно оказывают влияние на состояние конкуренции национального рынка, но осуществляются они за пределами территории данного государства. Так, закрепленный в национальном законодательстве запрет монополистической деятельности в силу экстерриториального действия распространяется и на международные картельные соглашения, и на случаи злоупотребления доминирующим положением транснациональными корпорациями.

В качестве примера можно указать, что Еврокомиссия, начиная с дела 1985 г. в отношении участников ценового картеля на рынке древесины, применяет ст. 81 (1) Договора о Европейском сообществе, содержащую запрет на соглашения, ограничивающие конкуренцию по отношению к

иностранным юридическим лицам, и налагает на субъектов международных картелей штрафы на основании норм европейского антимонопольного законодательства.

В дальнейшем рассмотрение судом ЕС заявлений об обжаловании решения Еврокомиссии по данному делу подтвердило законность и обоснованность применения Еврокомиссией ст. 81 (1) рассматриваемого Договора в отношении иностранных компаний, участников картельного соглашения. В правовой системе США на практике имел место случай применения Закона Шермана к иностранному лицу, действия которого ограничивали конкуренцию в США. Так, в 1945 году суд, рассматривая дело о международном картеле производителей алюминия, применил норму указанного национального закон в отношении канадской компании, которая была участницей такого картеля.

В рамках обозначенной тенденции российское законодательство, а именно Закон от 22 марта 1991 года № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» находил свое применение по отношению к действиям или соглашениям, совершаемым или заключаемым за пределами территории России, в случае если подобные действия или соглашения приводили (или могли привести) к ограничению конкуренции в России или же вызывали иные негативные последствия на российском внутреннем рынке.

С учетом определения экономической концентрации, закрепленным в пункте 21 статьи 4 Закона о защите конкуренции, в виде сделки, иных действий, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции, и положений главы 7 анализируемого закона, содержащей четкие критерии определения подобных сделок, можно прийти к выводу о том, что законодатель обязал российских и иностранных предпринимателей соблюдать нормы государственного контроля в отношении экономической концентрации, предусмотренные антимонопольным законодательством.

Однако такое излишне узкое определение случаев экстерриториального действия закона о защите конкуренции, конечно же, упрощает задачу его применения для органов государственной власти, но одновременно оставляет вне зоны действия запрета на антиконкурентные соглашения международные картели.

Соглашения и действия подлежат запрету, в случае если они влечут к любому из последствий, обозначенных в ч. 1 ст. 11 Закона (например, если они приводят либо могут привести к «установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат), наценок, повышению, снижению или поддержанию цен на торгах, разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков)», а также к иным указанным в ч. 1 ст. 11 последствиям).

Законодатель, давая определение, в качестве признаков для квалификации подпадающих под запрет соглашений и действий указал на реальные или возможные последствия соглашения. При этом установить соответствие либо несоответствие отдельного соглашения антимонопольному законодательству представляется возможным лишь после изучения результатов воздействия соглашения на дальнейшее поведение его сторон.

Отдельного внимания заслуживают вопросы унификации российского законодательства о запрете рабства и работорговли по отношению к международным актам.

Постоянная трансформация российской правовой системы, ее интеграция в международное юридическое пространство, участие России в деятельности Совета Европы и реализация ею принятых на себя обязательств с необходимостью актуализирует вопрос о действенности шагов Российской Федерации в деле строительства подлинного правового государства.

Институт прав и свобод человека уже давно перешагнул рамки национального правового пространства, приобрел всеобщий, универсальный

характер, а приоритет прав человека в системе общесоциальных ценностей провозглашен в универсальных и европейских актах¹. В их числе Всеобщая Декларация прав человека 1948 года², принятая в 1950 г. и вступившую в силу в 1953 г. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод³.

В соответствии с положениями ст. 4 Всеобщей декларации прав человека никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии, рабство и работорговля запрещаются во всех их видах⁴.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод продублировала важнейшие положения Всеобщей декларации прав человека, в том числе и принципы, направленные на обеспечение политических, гражданских, социально-экономических, культурных прав человека. Кроме того, Европейская конвенция закрепляет обязательства государств-участников по обеспечению основных гражданских и политических прав:

- процессуальные права, раскрывающие принципы судебного разбирательства (ст. 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность», ст. 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» и др.), а также и материальные права (например, ст. 1 «Обязательство соблюдать права человека» и ст. 2 «Право на жизнь» и др.)⁵.

Рассматриваемый международный акт зафиксировал правосубъектность личности и в международно-правовых отношениях. Конвенция признает за всеми гражданами европейских государств установленные в ней основные права и свободы человека. Европейская конвенция имеет статус прямого действия и обязательна для соблюдения и исполнения государствами-участниками после соответствующего ими подписания и ратификации. Вступление России в Совет Европы означает

¹ См.: Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М., 2001. С. 5.

² См.: Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 2000. С. 39 - 43.

³ См.: Там же. С. 539 - 551.

⁴ См.: Там же. С. 40.

⁵ См.: Горшкова С.А. Указ. раб. С. 17.

автоматически необходимость выполнения более трех десятков требований Европейского сообщества. Парламент России ратифицировал Европейскую конвенцию и соответствующие протоколы к ней (кроме Протокола № 6) еще в 1998 г.

Согласно статье 4 данной конвенции никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии, а также не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду. Перед нами запрет всякого подневольного труда. В своем содержании Европейская конвенция не раскрывает дефиниций категорий «рабство», «подневольное состояние». Однако в ряде других документов под ними понимаются определенные формы контроля над свободой личности, а также условия угнетения, при которых человек не может их изменить или которых он не может избежать¹.

В настоящий момент рабство подвергаются всеобщему осуждению.

Первым действительно всемирным договором о правах человека явилась Конвенция о рабстве 1926 г.². В указанном документе рабство трактуется как состояние или положение лица, в отношении которого реализуются элементы права собственности, а работорговля понимается как акт захвата, приобретения человека, распоряжения им в целях обращения его в рабство, а также любой акт, сопряженный с приобретением раба в целях его продажи или обмена или акт по продаже или обмену человека, приобретенного с этой целью, равно как и вообще всякий акт по торговле или перевозке рабов.

Конвенция о рабстве 1926 г. впервые обратила внимание на опасность принудительного или обязательного труда, который может привести к созданию положения, аналогичного рабству.

Принятая в 1956 г. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством³, направлена на

¹ См.: Горшкова С.А. Указ. раб. С. 151.

² См.: Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 2000. С. 504 - 507.

³ См.: Там же. С. 510 - 514.

интенсификацию национальных и международных усилий в этой области. В соответствии с ней каждое государство-участник обязуется принять все возможные и необходимые законодательные и иные меры к тому, чтобы осуществить постепенно и по возможности в кратчайший срок полную отмену или упразднение институтов и обычаев, независимо от того, охватываются ли они определением рабства, содержащимся в Конвенции о рабстве 1926 г.

Обращение другого лица в рабство или склонение другого лица в рабство, склонение другого лица к отдаче себя или лица, зависимо от этого другого лица, в подневольное состояние, являющееся результатом институтов или обычаев, сходных с рабством, или покушение на совершение таких действий, или соучастие в них, или участие в тайном сговоре для совершения любого из этих действий считается уголовным преступлением, наказуемым по законам государств - участников Конвенции.

Конвенция 1956 года еще раз закрепила определение рабства и работорговли, установила дефиниции понятий раба и лица, находящегося в подневольном состоянии. Согласно данному акту, под рабом следует понимать лицо, находящееся в положении или состоянии рабства. Лицо, находящееся в подневольном состоянии трактуется как человек, находящийся в состоянии или положении, создавшемся в результате институтов или обычаев, сходных с рабством¹.

Дополнительная Конвенция 1956 года содержит весьма существенные дополнения к Конвенции 1926 года. Первая значительно большее внимание уделяет институтам и обычаям, сходным с рабством.

В их числе:

- долговая кабала как положение или состояние, возникшее вследствие заклада должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимо от него лица, при условии, что надлежало определяемая

¹ См.: Там же. С. 512.

ценность выполняемой работы не зачитывается в погашение долга или продолжительность этой работы не ограничена, а ее характер не определен;

- крепостное состояние, определяемое как пользование землей, в ходе которого пользователь обязан в соответствии с законом, обычаем или соглашением работать на земле, принадлежащей другому лицу, а также выполнять определенную работу для другого лица за вознаграждение или без такового, при условии невозможности изменения подобного состояния;

- какой-либо институт или обычай, в силу которых: женщину обещают выдать или в действительности выдают замуж, при отсутствии ее права отказа; муж женщины, его семья имеет право передать ее иному лицу за плату или иным образом; лицо женского пола после смерти мужа передается по наследству другим;

- институт и обычай, в силу которого несовершеннолетний передается своими родителями (или опекуном) другим лицам за плату или без таковой с целью последующей эксплуатации данного ребенка или его труда¹.

Абсолютный запрет рабства и работорговли продублирован и в Международном пакте «О гражданских и политических правах» 1966 года, согласно ст. 8 которого никто не должен содержаться в рабстве, а оно запрещается во всех его видах, никто не должен содержаться в подневольном состоянии².

В Конституции РФ и действующем национальном законодательстве не содержится аналогичных международным документам положений. При этом Конституция Чеченской Республики в ст. 19 закрепляет, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность и никто не может содержаться в рабстве.

Установление в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ положения о включении общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров в состав правовой системы России,

¹ См.: Там же. С. 511.

² См.: Там же. С. 55.

автоматически означает, Российская Федерация распространила действие ст. 8 Международного пакта «О гражданских и политических правах», ст. 4 Всеобщей декларации прав человека, ст. 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе и в части запрета рабства и работорговли на свою территорию.

В России по-прежнему нередки случаи торговли людьми и обращения в рабство. В качестве вопиющего примера можно привести случай, когда в апреле 2003 г ФСБ освободила в Урус-Мартановском районе гражданина В. Калинкина, который провел в общей сложности в рабстве девять лет. До этого еще более длительное время с 1989 года пребывал в рабстве В. Епишин¹.

Работорговля осуществляется преимущественно в форме принудительно-трудовой или сексуальной эксплуатации. Согласно позиции криминалистов, подобные деяния следует оценивать как вовлечение людей в формы и институты, сходные с рабством². В качестве форм принудительно-трудовой эксплуатации можно выделить: рабство, домашнее рабство, торговлю людьми, батрачество, вербовку людей для целей принудительно-трудовой эксплуатации, гладиаторские бои, криминальную манипуляцию в области трудового законодательства, детский труд и т.п.³.

Нормы международного уголовного права о борьбе с рабством и работорговлей ранее не получали своего закрепления в национальном уголовном законодательстве⁴. Отдельные категории из вышеуказанных названных деяний подпадали под действие ст. 125.2 Уголовного кодекса РСФСР.

¹ См.: Татарченков О. Рабы не мы // Российская газета. 2003. 6 августа.

² См.: Шамков С.В. Совершенствование законодательства по противодействию торговле людьми // Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Омск, 2001. С. 36.

³ См.: Шамков С.В. Проблемы транснациональной торговли людьми и связанная с этим криминальная ситуация в Омской области / Организованный терроризм и организованная преступность. М., 2002. С. 209.

⁴ См.: Егорова Л.Ю. Международные акты и российское законодательство о запрете рабства и работорговли // Международное публичное и частное право. 2005. № 6.

Уголовный кодекс РФ воспроизвел эту норму в ст. 152, в которой была предусмотрена ответственность за торговлю несовершеннолетними, а также действий в отношении несовершеннолетнего в виде его передачи и завладения им. Кроме того, данная статья предусматривала уголовную ответственность за действия в отношении несовершеннолетних не только с целью отдачи их в рабство, но и вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений, изъятия у него органов или тканей для трансплантации. При этом все статья не устанавливала мер ответственности за торговлю лицами, достигшими совершеннолетнего возраста.

Только лишь в феврале 2003 г. Комитет по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации провел парламентские слушания, в ходе которых рассматривались вопросы противодействия торговле людьми, а также обсуждалась концепция проекта закона «О противодействии торговле людьми».

Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вступившим в силу 11 декабря 2003 г.¹ были внесены дополнения в Уголовный кодекс РФ в виде ст.ст. 127.1 «Торговля людьми», 127.2 «Использование рабского труда», а ст. 152 была признана утратившей силу.

В ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ установлена ответственность за торговлю людьми в виде купли-продажи, его вербовки, перевозке, передачи, укрывательства или получения, совершенные в целях его эксплуатации.

В качестве квалифицированных видов данной категории преступлений указаны:

- совершение этого же деяния в отношении двух и более лиц;
- в отношении заведомо несовершеннолетнего;
- лицом с использованием своего служебного положения;
- с перемещением потерпевшего через государственную границу или с незаконным удержанием его за границей;

¹ Парламентская газета. 2003. 11 декабря.

- с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность;
- с применением насилия или угрозой его применения;
- в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей, а также повлекшего по неосторожности смерть;
- причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или иные тяжкие последствия.

К особо квалифицированным уголовный закон относит все вышеперечисленные деяния, но совершенные способом опасным для жизни и здоровья людей, а также совершенные организованной группой.

В пункте 1 примечания к рассматриваемой статье содержатся основания освобождения от уголовной ответственности. Так, лицо, впервые совершившее куплю-продажу человека (либо его вербовку, перевозку, передачу), укрывательство или получение, совершенные в целях его эксплуатации, или то же деяние, совершенное в отношении двух или более лиц, добровольно освободившее потерпевшего и способствовавшее раскрытию совершенного преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. В пункте 2 того же примечания дается законодательная дефиниция эксплуатации человека как использования его для занятия проституцией и иные формы сексуальной эксплуатации, а также рабский труд, подневольное состояние¹.

Статья 127.2 УК РФ предусматривает ответственность за использование рабского труда, то есть использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг).

¹ Федеральным законом РФ от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ в ст. 127.1 УК РФ внесены изменения: в п. 2 Примечаний к ст. 127.1 УК РФ слова «а равно изъятие его органов и тканей» исключены // СЗ РФ. 2004. № 30. Ст. 3091.

В качестве квалифицирующих составов обозначены:

- совершение того же деяния в отношении двух или более лиц;
- в отношении заведомо несовершеннолетнего;
- лицом с использованием своего служебного положения;
- с применением шантажа, насилия или с угрозой его применения;
- с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность.

К особо квалифицированным составам уголовный закон относит те же деяния, но повлекшие по неосторожности смерть или причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а также иные тяжкие последствия, либо совершенные организованной группой.

С учетом изложенного, можно отметить, что Российская Федерация в рамках нормативно-правовой базы выполняет основные требования международных конвенций в области противодействия рабству и работоторговле посредством соответствующей унификации законодательства. Однако на практике далеко не все правовые запреты надлежащим образом реализуются, а институты рабства в криминальном мире продолжают свою активную деятельность.

Не менее важной проблемой унификации запретов в российском законодательстве выступает приведение к единообразию запрещающих предписаний в области таможенного законодательства.

В части принятия и вступления в силу нормативных правовых актов, применяемых в таможенном деле, 2009–2010 годы стали, пожалуй, самыми насыщенными. Это связано с образованием единого таможенного союза, основу которого три договаривающихся государства (Российская Федерация, Республика Казахстан и Республика Беларусь) заложили в Договоре от 6 октября 2007 года «О создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза» (договор ратифицирован Федеральным законом от 27.10.2008 № 187-ФЗ).

Основным нормативным документом, определяющим правовое регулирование отношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу таможенного союза, безусловно, является Таможенный кодекс таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17), который применяется на территории Российской Федерации с 1 июля 2010 года.

Также с 1 июля 2010 года вступили в силу принятые 11 декабря 2009 года Соглашение об обращении продукции, подлежащей обязательной оценке (подтверждению) соответствия, на таможенной территории таможенного союза, Соглашение таможенного союза по санитарным мерам, Соглашение таможенного союза по ветеринарно-санитарным мерам, Соглашение таможенного союза о карантине растений. В то же время уже с 1 января 2010 года в соответствии с решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27.11.2009 № 19 на территории Российской Федерации действуют Соглашение о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран от 25 января 2008 года, Соглашение о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой таможенной территории в отношении третьих стран от 9 июня 2009 года, Соглашение о правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами от 9 июня 2009 года (далее – Международные соглашения).

Единый перечень и Положения о применении ограничений утверждены пунктом 2 решения Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27.11.2009 № 19.

Комиссией таможенного союза принято решение о том, что с 1 января 2010 года Правительства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации применяют в торговле с третьими странами запреты и

ограничения к товарам, включенным в Единый перечень, в соответствии с Положениями о применении ограничений.

При этом согласно пункту 9 решения Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27.11.2009 N 19 лицензирование и количественные ограничения Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация во взаимной торговле не применяют.

Таким образом, с 1 января 2010 года таможенные органы Российской Федерации обеспечивают соблюдение установленных в соответствии с Международными соглашениями запретов и ограничений исключительно в отношении товаров, включенных в Единый перечень.

В Российской Федерации применяются меры таможенно-тарифного регулирования, запреты и ограничения, затрагивающие внешнюю торговлю товарами, предусмотренные международными договорами, составляющими договорно-правовую базу таможенного союза, и принимаемыми в соответствии с указанными договорами актами органов таможенного союза.

В случаях и порядке, которые предусмотрены международными договорами, составляющими договорно-правовую базу таможенного союза, актами органов таможенного союза, Российская Федерация применяет отдельные меры таможенно-тарифного регулирования, запреты и ограничения в одностороннем порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Вместе с тем при введении Российской Федерацией запретов и ограничений в одностороннем порядке, а также при применении в Российской Федерации мер таможенно-тарифного регулирования, отличных от мер, применяемых в одном или нескольких государствах - членах таможенного союза, применяются средства и методы обеспечения их соблюдения, установленные в соответствии с международными договорами Российской Федерации и Федеральным законом от 27.11.2010 № 311-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации" (в ред. от 04.06.2014).

В Таможенном кодексе Российской Федерации от 28.05.2003 № 61-ФЗ определение запретов и ограничений отсутствовало, поэтому таможенным законодательством использовалось определение, установленное в соответствии с законодательством о государственном регулировании внешнеторговой деятельности.

Так, в статье 2 Федерального закона от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» понятие «нетарифное регулирование» определено как метод государственного регулирования внешней торговли товарами, осуществляемый путем введения количественных ограничений и иных запретов и ограничений экономического характера.

С вступлением в силу Таможенного кодекса таможенного союза термины «запреты и ограничения» и «меры нетарифного регулирования» получили однозначное определение.

Под запретами и ограничениями согласно подпункту 8 пункта 1 статьи 4 Таможенного кодекса таможенного союза понимается комплекс мер, применяемых в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу, включающий:

- меры нетарифного регулирования;
- меры, затрагивающие внешнюю торговлю товарами и вводимые исходя из национальных интересов;
- особые виды запретов и ограничений внешней торговли товарами;
- меры экспортного контроля, в том числе в отношении продукции военного назначения;
- меры технического регулирования, а также санитарно-эпидемиологические, ветеринарные, карантинные, фитосанитарные и радиационные требования, которые установлены международными договорами государств – членов таможенного союза, решениями Комиссии таможенного союза и нормативными правовыми актами государств – членов

таможенного союза, изданными в соответствии с международными договорами государств – членов таможенного союза.

Юридическими последствиями несоблюдения запретов и ограничений, установленных в соответствии с законодательством о государственном регулировании внешнеторговой деятельности, могут быть:

- отказ в выпуске товаров;
- начисление таможенных платежей и пеней (в случаях несоблюдения в отношении товаров запретов и ограничений экономического характера);
- привлечение к административной ответственности в зависимости от квалифицирующих признаков совершенного деяния по части 3 статьи 16.2 либо по части 1 или по части 2 статьи 16.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

При этом следует отметить, что отсутствие в период действия Таможенного кодекса РФ однозначного определенного понятия запретов и ограничений создавало некоторые трудности в правоприменительной деятельности таможенных органов и судов¹.

Такой пробел в известной степени восполнен Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Пунктом 31 названного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснено, что в случаях применения ст. 16.3 КоАП РФ надлежит разграничивать запреты и ограничения экономического характера, а также запреты и ограничения, которые не носят экономического характера. При этом следует исходить из цели установления конкретного запрета и ограничения.

¹ См.: *Геворкян Д.С.* О некоторых вопросах соблюдения запретов и ограничений при перемещении товаров через таможенную границу // *Арбитражные споры.* 2011. № 3. С. 75–91.

В качестве ограничений экономического характера в своем Постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации назвал следующие:

- запреты в виде количественных ограничений;
- введение квоты;
- лицензирование;
- предоставление исключительного права на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров (статьи 21, 23, пункт 1 части 1 статьи 24, статья 26 Закона № 164-ФЗ);
- специальные защитные меры (например, специальная пошлина или импортная квота);
- антидемпинговые меры;
- компенсационные меры (компенсационная пошлина).

Данные ограничения и запреты применяются в соответствии со статьей 27 Федерального закона № 164-ФЗ и Федеральным законом от 08.12.2003 № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» (например лицензия на ввоз мяса, патоки крахмальной). Соблюдение запретов и ограничений экономического характера требуется при помещении товаров под таможенные режимы выпуска для внутреннего потребления, экспорта, переработки на таможенной территории и переработки для внутреннего потребления (статьи 163, 166, 173 и 187 ТК РФ).

К запретам и ограничениям, не носящим экономического характера, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отнес те запреты и ограничения, которые вводятся исходя из национальных интересов и целей, установленных ст. 32 Федерального закона № 164-ФЗ:

- лицензии в случаях, предусмотренных пунктами 2 и 3 части 1 статьи 24 данного акта;

- лицензия на ввоз и вывоз продукции военного назначения, а также товаров и технологий, используемых для создания оружия массового уничтожения и средств его доставки;

- запрет на ввоз на территорию Российской Федерации отходов в целях их захоронения и обезвреживания;

- разрешение МВД России на ввоз на территорию Российской Федерации оружия, сертификат соответствия и т.д.

В целом же судебная практика свидетельствует, что арбитражные суды, рассматривая споры, связанные с соблюдением запретов и ограничений при перемещении товаров через таможенную границу Российской Федерации, до 1 июля 2010 года руководствовались в числе прочего данным разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации при решении вопроса о правильной квалификации действий участников внешнеэкономической деятельности в случае привлечения их таможенным органом к административной ответственности.

При осуществлении таможенного оформления и таможенного контроля таможенные органы и их должностные лица не вправе устанавливать требования и ограничения, не предусмотренные актами таможенного законодательства или иными правовыми актами Российской Федерации.

Подводя итог изложению вопросов унификации запретов в российском и международном праве, следует подчеркнуть, что данный процесс имеет неравномерный характер и зависит от той или иной сферы правового регулирования. Так, можно констатировать, что в области трудового и уголовного права унификация запретов в Российской Федерации все еще характеризуется наличием целого ряда проблем и упущений. В отношении таможенного, конституционного, административного и ряда других отраслей работы по унификации российского законодательства имеют большую степень интенсивности, а согласованность запретов российского и международного права в данной сфере более осязаема.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования, полученные в ходе подготовки диссертации, дают основание выделить ряд установленных закономерностей и ключевых моментов, из которых складывается общетеоретическая модель техники установления и реализации запретов в российской правовой системе.

В работе была предпринята попытка формирования основ общетеоретической концепции запрета как полифункционального юридического явления, имеющего комплекс специфических средств и правил по его установлению в российском законодательстве и применению на практике. Были определены общие закономерности технико-законодательного оформления запретов в праве, их многофункционального действия, логико-структурного построения, а также применения и унификации запрещающих нормативно-правовых предписаний.

В настоящий момент актуальность изучения правовых запретов обусловлена во многом и обострением внешнеполитической обстановки вокруг вооруженного конфликта на Украине. Ряд иностранных государств в качестве недружественного шага приняли решение о введении санкций в отношении России в экономической сфере, в том числе и в виде запрета совершения определенных финансовых операций с российскими ценными бумагами, запрета на поставку определенных товаров на территорию Российской Федерации и т.д. В ответ Россия также ввела санкции в отношении отдельных стран Запада, которые содержат меры правового запрещения, например, запрет на импорт отдельных категорий товаров. Безусловно, одностороннее использование в международных отношениях санкций запрещающего характера следует признать контрпродуктивным. Однако юридическая наука и практика поставлены перед фактом расширения сферы использования санкций-запретов в межгосударственном сотрудничестве, что, в свою очередь, требует от них более пристального внимания к исследованию феномена правового запрета.

Действующее российское законодательство и юридическая практика далеко не во всех случаях дают однозначные ответы на вопросы о том: где располагаются границы действия правового запрета; кто, по каким основаниям и в каком порядке правомочен применять запрещающие нормативные предписания; как противодействовать негативным последствиям реализации международных норм-санкций; каким образом обеспечить баланс запретов, дозволений и обязываний в системе российского законодательства; какими технико-юридическими средствами и правилами необходимо пользоваться в ходе толкования и применения правовых запретов и др.

На настоящий момент имеются случаи законодательного дублирования запретов, двойного наказания при их применении за одно и то же правонарушение, недостаточная унификация запретов в российском праве с положениями и нормами международного права, необеспеченность действия юридического запрета мерами ответственности, средствами финансово-экономического характера. До конца не выясненными остаются и научно-теоретические вопросы о разграничении уголовно-правовых и административных запретов, специфике запрета и пределах использования в отраслях частного права, структурного строения запрета и полифункциональной природы. На наш взгляд, особого внимания требует разработка проблемы запрета как способа обеспечения и защиты прав в области частноправового регулирования.

В связи с этим обозначенная тематика не потеряет актуальности и в обозримом будущем, а всякое исследование запретов в праве будет априори носить не вполне заверченный характер и оставлять простор для будущих изысканий. Кроме того, проблема технико-юридического установления и реализации правовых запретов имеет многогранный и междисциплинарный характер, что делает невозможным освещение в полном объеме столь масштабной тематики в рамках одной научной работы.

Представленное исследование не претендует на рассмотрение абсолютно всех аспектов заявленной темы. В работе были рассмотрены лишь базовые, основополагающие и наиболее актуальные, на наш взгляд, вопросы. В отношении перспектив научного анализа темы «Технико-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве (вопросы теории и практики)», то здесь можно указать следующие направления, требующие своего разрешения в будущем:

1) дальнейшее уточнение понятия и полифункциональной природы правового запрета;

2) изучение вновь появляющихся и ранее неизученных разновидностей запретов в праве, специфики их технико-юридического оформления и действия;

3) продолжение поиска оптимального баланса запретов, дозволений и обязываний в системе российского права с учетом постоянно меняющейся политической, социально-экономической и культурной обстановки;

4) рассмотрение вопроса о пределах действия правового запрета;

5) дальнейшее общетеоретическое изучение запрета как особого вида наказания, обеспечительной меры в процессуальном праве, способа защиты права в частноправовой сфере, инструмента индивидуально-договорного регулирования, как правоприменительного предписания;

6) исследование вопроса о конкуренции запрещающих нормативных предписаний и специфики техники их толкования;

7) изучение проблемы системности и функциональной взаимосвязи запретов в российском праве;

8) проведение сравнительно-правового анализа комплекса правовых запретов в российской и зарубежных правовых системах;

9) дальнейшее раскрытие специфики техники унификации запретов в российском и международном праве с учетом изменившейся внешнеполитической обстановки;

10) междисциплинарное изучение вопросов механизма действия правовых запретов с привлечением знаний из области социологии, психологии, политологии, экономической теории и других гуманитарных наук;

11) дальнейший теоретический анализ судебной практики толкования и применения юридических запретов в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативно-правовые акты и другие официальные документы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 14.04.2014, № 15, ст. 1691.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, № 67, 05.04.1995.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [№ 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом № 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, № 2, ст. 163.
4. Международный Пакт от 16.12.1966 "О гражданских и политических правах" // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, 1994. Пакт ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 N 4812-VIII.
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая под эгидой Совета Европы в 1950 году // Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 2000.
6. Статус Конвенции относительно рабства, подписанной в Женеве 25 сентября 1926 года, с изменениями, внесенными Протоколом от 7 декабря 1953 года (Женева, 25 сентября 1926 года)> [рус., англ.] (по состоянию на 28.08.2014) // СПС консультант плюс.
7. Статус Дополнительной конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Женева, 7 сентября 1956 года)> [рус., англ.] (по состоянию на 28.08.2014 // СПС Консультант плюс.

8. Конвенция № 29 Международной организации труда "Относительно принудительного или обязательного труда" принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ // Ведомости ВС СССР. 2 июля 1956 г. N 13. Ст. 279. СССР ратифицировал Конвенцию (Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1956).
9. Конвенция № 105 Международной организации труда "Об упразднении принудительного труда" [рус., англ.] (Заключена в г. Женеве 25.06.1957) // Собрание законодательства РФ. 10 декабря 2001 г. № 50. Ст. 4649. Конвенция ратифицирована - Федеральный закон от 23.03.1998 № 35-ФЗ "О ратификации Конвенции об упразднении принудительного труда" // Собрание законодательства РФ. 23 марта 1998 г. N 12. Ст. 1348.
10. Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза" (подписан в г. Душанбе 06.10.2007) // Собрание законодательства РФ, 21.03.2011, № 12, ст. 1552. Договор ратифицирован - Федеральный закон от 27.10.2008 N 187-ФЗ "О ратификации Договора о создании Единой таможенной территории и формировании таможенного союза" // Собрание законодательства РФ, 03.11.2008, № 44, ст. 4993.
11. Соглашение между Правительством РФ, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25.01.2008 "О единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран" // СПС Консультант плюс. Соглашение ратифицировано - Федеральный закон от 22.12.2008 № 255-ФЗ "О ратификации Соглашения о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран" // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6210.
12. "Соглашение о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой таможенной территории в отношении третьих стран" (Заключено в г. Москве 09.06.2009) // СПС Консультант плюс. Соглашение ратифицировано - Федеральный закон от 28.11.2009 N 304-ФЗ "О ратификации Соглашения о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой

- таможенной территории в отношении третьих стран» // Собрание законодательства РФ, 30.11.2009, № 48, ст. 5754.
13. Соглашение Правительств государств - членов Евразийского экономического сообщества от 09.06.2009 (в ред. от 22.06.2011) "О правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами" // Собрание законодательства РФ, 16.08.2010, № 33, ст. 4399.
14. Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27.11.2009 № 19 (в ред. от 19.12.2012) "О едином нетарифном регулировании таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации" // Таможенный вестник, № 24, декабрь, 2009.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.06.2014) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2014) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
18. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 02.04.2014, с изм. от 04.06.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.04.2014) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
19. Таможенный кодекс Таможенного союза (Приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 N 17) (ред. от 16.04.2010) // Собрание законодательства РФ, 13.12.2010, № 50, ст. 6615.
20. Закон РСФСР от 22.03.1991 N 948-1 (ред. от 26.07.2006) "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" // Бюллетень нормативных актов, № 2-3, 1992.

21. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 20.04.2014, с изм. от 04.06.2014) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
22. Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ (в ред. от 03.02.2014, с изм. от 04.06.2014) "О статусе военнослужащих" // Собрание законодательства РФ, N 22, 01.06.1998, ст. 2331.
23. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 04.06.2014, с изм. от 21.07.2014) "О защите конкуренции" // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3434.
24. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации" (в ред. от 04.06.2014) // Собрании законодательства РФ, 29. 11. 2010. № 48, ст. 6252.
25. Федеральный закон от 08.12.2003 № 165-ФЗ (ред. от 04.06.2014) "О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров" // Собрание законодательства РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4851.
26. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 30.11.2013) "Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности" // Собрание законодательства РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4850.
27. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 05.05.2014, с изм. от 04.06.2014) «О противодействии терроризму» // Российская газета, № 48, 10.03.2006.
28. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
29. Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вступившим в силу 11 декабря 2003 г. // Парламентская газета. 2003. 11 декабря.

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Российская газета, № 221, 31.10.2003.
31. Постановление ЕСПЧ от 15.07.2002 "Дело "Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации" (жалоба N 47095/99). Условия содержания под стражей: нарушена Статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2003, № 1.
32. Постановление ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-І «О ратификации Конвенции о правах ребенка» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 27 июня 1990 г. № 26. Ст. 497.
33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 (ред. от 09.02.2012) "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // Российская газета, № 250, 08.11.2006.
34. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 года № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.
35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 года № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.
36. Постановление ФАС Уральского округа от 05.03.2007 № Ф09-399/07-С2 по делу № А71-2585/06 Отказ в праве на налоговый вычет может иметь

место, если процесс реализации товаров (работ, услуг) не сопровождается соблюдением корреспондирующей этому праву обязанности по уплате НДС в бюджет в денежной форме // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

37. Постановление ФАС Уральского округа от 13.11.2007 № Ф09-9256/07-С2 по делу № А60-1108/07 Поскольку общество с целью неуплаты ЕСН путем сокрытия трудовых отношений с работниками осуществило формальный перевод их в другие организации, при этом фактически сохранив трудовые отношения, в удовлетворении заявления о признании недействительным решения налогового органа о начислении ЕСН, пеней и штрафа по п. 3 ст. 122 НК РФ судом правомерно отказано // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
38. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 26.11.2007 № Ф03-А51/07-1/5028 по делу № А51-1796/2007-2-108 Поскольку бездействия органа местного самоуправления по решению вопроса о предоставлении земельного участка для строительства недвижимого объекта противоречат требованиям действующего законодательства и нарушают права и законные интересы лица в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в удовлетворении исковых требований органа местного самоуправления о неосновательном денежном обогащении ответчика отказано правомерно // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
39. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 23.01.2009 по делу № А43-28409/2007-15-726 В удовлетворении искового требования о взыскании расходов на выплату пособия по беременности и родам отказано правомерно, так как факт злоупотребления истцом правом, выразившийся в преднамеренном введении в штатное расписание должности несуществующего работника, подтвержден материалами дела // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

40. Постановление ФАС Уральского округа от 02.09.2004 № Ф09-2864/04-ГК по делу № А07-3059/04 Суд апелляционной инстанции пришел к верному выводу о наличии оснований для признания спорных договоров недействительными, поскольку они заключены в обход установленных требований за рамками аукционного процесса с лицом, не являющимся победителем аукциона // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
41. Постановление ФАС Уральского округа от 16.06.2005 № Ф09-1688/05-С3 по делу № А47-14645/03 Притворная сделка совершается с целью прикрыть другую сделку. При этом действительная воля субъектов получает иное выражение. Доказывая притворный характер сделки, истец обязан подтвердить, что воля сторон была направлена именно на совершение прикрываемой сделки // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
42. Постановление Президиума ВАС РФ от 23 января 1996 г. по делу № 7770/95 // Вестник ВАС РФ", 1996, № 3
43. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 24.06.1999 № А78-18/4-Ф02-935/99-С2 Судебные акты о признании недействительным договора купли - продажи объектов недвижимости оставлены без изменения, поскольку сделка не соответствует требованиям законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
44. Дополнительное постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25.07.2002 № А33-5813/00-С1-Ф02-81/01-С2 по делу № А33-5813/00-С1 Суд принял дополнительное постановление кассационной инстанции о взыскании с заявителя кассационной жалобы государственной пошлины в полном объеме // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
45. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 11.04.2005 № Ф04-1952/2005(10171-А03-31) Дело об оспаривании решения налогового

органа об отказе в возмещении сумм НДС направлено на новое рассмотрение, т.к. суд, удовлетворяя заявленные требования, пришел к ошибочному выводу, что выписка банка, подтверждающая поступление выручки от иностранного партнера, не требуется, если расчеты по внешнеторговым операциям производятся неденежными средствами // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

46. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.01.2005 № 11119/04 по делу № А65-23327/2003-СГЗ-25 Не допускается прекращение денежных обязательств должника путем зачета встречного однородного требования, если при этом нарушается установленная законодательством о банкротстве очередность удовлетворения требований кредиторов // Вестник ВАС РФ, 2005, № 5
47. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2. С. 156–171.
48. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2. С. 156–171.

Монографии

1. *Аверин А.В.* Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей. Монография / А.В. Аверин; Под ред. Байтин М.И.. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 308 с.
2. *Александров Н.Г.* Правовые отношения в социалистическом обществе. Лекция, прочитанная на юридическом факультете МГУ / Н.Г. Александров. М., 1959. с.
3. *Александров Н.Г.* Сущность права / Н.Г. Александров. М., 1950. 267 с.

4. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. М., 1989. 288 с.
5. *Алексеев С.С.* Структура советского права / С.С. Алексеев. М., «Юрид. лит.», 1975. 258 с.
6. *Братко А.Г.* Запреты в советском праве / А.Г. Братко; Под ред.: Матузов Н.И. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 92 с.
7. *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие в России (1991—2001 гг.): Очерки теории и практики / Н.В. Витрук. М.: «Городец-издат», 2001. 508 с.
8. *Власенко Н.А.* Язык права: монография / Н.А. Власенко; государственный институт регионального законодательства администрации Иркутской области. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1997. 176 с.
9. *Волков А.В.* Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами» / А.В. Волков. Волгоград: Станица-2, 2007. 352 с.
10. *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В.М. Горшенев. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.
11. *Горшкова С.А.* Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М., 2001. с.
12. Государственная служба и государственные служащие во Франции. М., 1994.
13. *Гумбольдт В.* О пределах государственной деятельности / Вильгельм фон Гумбольдт; [пер. с нем.]. Челябинск: Социум ; М.: Три квадрата, 2003. 200 с. (Серия «Философия свободы»; Вып. 1.).
14. Законодательная техника : Научно-практическое пособие / Авт. кол.: Л.Ф. Апт, Н.А. Власенко, В.Б. Исаков и др.; Под ред. Ю.А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. - М.: Городец, 2000. 272 с.
15. *Ивин А.А.* Логика норм. Монография / А.А. Ивин. М.: Издательство Московского университета, 1973. 121 с.

16. *Камышанский В.П.* Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений / В.П. Камышанский. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 336с.
17. *Кучин М.В.* Прецедентное право Европейского суда по правам человека. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 2004.
18. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. Монография / А.В. Малько. М., Юристъ, 2003. 256 с.
19. *Маркунцов С.А.* Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних / С.А. Маркунцов; Под общ. ред. А.Э. Жалинского. М.: Юриспруденция, 2007. 160 с.
20. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / *Дагель П.С., Злобин Г.А., Келина С.Г., Кригер Г.Л.* и др.; Отв. ред.: Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М.; Академия Наук СССР. Институт государства и права. М.: Наука, 1982. 304 с.
21. *Поротикова О.А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О.А. Поротикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 272 с.
22. *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве / Н.Н. Рыбушкин. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. 112 с.
23. *Сабо И.* Социалистическое право / Имре Сабо; Пер. венгерского. Под ред. и с вступит. статей В. А. Туманова. М.: «Прогресс», 1964. 396 с.
24. *Фарбер И.Е.* Свобода и права человека в советском государстве / Исаак Ефимович Фарбер; Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 190 с.
25. *Чернобель Г.Т.* Техника закрепления нормативно-правовых модусов // Нормотворческая юридическая техника / Под ред. Н.А. Власенко. М.: Юстицинформ, 2011. С. 123–132. 312 с.
26. *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л.С. Явич. М.: Госюриздат, 1961. 171 с.
27. *Явич Л.С.* Сущность права / Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 205 с.

Учебники, учебные пособия, сборники статей и трудов:

1. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права: Нормы права и правоотношения. Курс лекций: Учебное пособие. Вып. 2 / Алексеев С.С.; Ред.: Петрищева Г.И. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. 226 с.
2. *Аминев Р.Н.* Система правовых запретов в уголовном процессуальном праве // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. тр. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 163-164.
3. *Бахрах Д.Н.* Административное право России. Учебник для вузов / Д.Н. Бахрах. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА. М), 2000. 640 с.
4. *Варламова Н.В.* Практика Европейского Суда по правам человека как выражение современных теоретических представлений о праве // Возможности адаптации зарубежного опыта: сб. науч. Ст. Серия: Право России: новые подходы. Вып. 1. Саратов, 2005. С. 13-35.
5. Законотворчество в Российской Федерации: научно-практическое и учебное пособие / Абрамова А.И., Губарева Т.В., Мицкевич А.В., Пиголкин А.С. и др.; Под ред.: Пиголкин А.С. М.: Формула права, 2000. 608 с.
6. *Иоффе О.С.* Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права: [Сб. статей] / Моск. ин-т нар. хоз-ва им. Г. В. Плеханова. Под ред. С. Н. Братуся, О. С. Иоффе, Я. А. Куника. Вып. 36. М.: Юрид. лит., 1964. 187 с. С. 10–51.
7. Керимов Д.А. Законодательная техника :Научно-методическое и учебное пособие / Джангир Аббасович Керимов; Академия социальных наук, Ин-т социально-полит. исследований РАН, Ин-т государства и права РАН. М.: Норма–Инфра-М, 1998. 122 с.
8. *Кострова М.Б.* К вопросу о правовой природе разъяснений понятий и терминов, включенных в УК РФ // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В.

Ломоносова 29-30 мая 2003 г. / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М., ЛексЭст, 2004. С. 28-32.

9. *Красавчиков О.А.* Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Категории наука гражданского права. Избранные труды: В 2 т. М., 2005. Т. 1.

10. *Куликова С.А.* Теоретико-правовая модель конституционного запрета цензуры // Право: история, теория, практика. Материалы международной заочной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2011 года). СПб.: Реноме, 2011. С. 56-60.

11. *Логинов А.С.* Роль правоприменительной техники при преподавании теории государства и права / А.С. Логинов // Юридическая техника. Ежегодник. Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования. Н.Новгород. 2009. № 3 (Специальный выпуск). С. 198-204.

12. *Лопашенко Н.А.* Недостатки законодательной техники Уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова 29-30 мая 2003 г. / Отв. ред. Комиссаров В.С. М., ЛексЭст, 2004. С. 38-49.

13. *Пиголкин А.С.* Реформа законодательства: косметический или капитальный ремонт? // Советское законодательство: пути перестройки / Алексеев С.С., Братусь С.Н., Венгеров А.Б., Казьмин И.Ф., и др.; Отв. ред.: Мицкевич А.В., Пиголкин А.С. – М.: Юрид. лит., 1989. 432 с. С. 66 – 99.

14. *Пикуров Н.И., Яхьяева С.М., Шарафетдинова Г.А.* и др. Применение разноотраслевых норм права при квалификации экономических преступлений: пособие. М.: Акад. Ген. Прокуратуры РФ, 2014.

15. *Рагулин А.В.* Проблемные вопросы реализации адвокатом права на свидание с подзащитным // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2008: Материалы X международной научно-практической конференции, 3–4 апреля 2008 г. – Челябинск, 2008. – Ч. III. – С. 248–250.
16. *Радько Т.Н.* О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград: НИиРИО МВД СССР, 1969, Вып. 1. С. 87-98.
17. *Тихонова С.С.* Пределы демократизации языка уголовного закона / С.С. Тихонова // Юридическая техника. Ежегодник. Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника. Нижний Новгород, 2014. № 8. С. 443-449.
18. *Тихонова С.С.* Юридическая техника в уголовном праве: Курс лекций / С.С. Тихонов; Н.Новгород, 2008. 244 с.
19. *Труфанов М.Е.* Акты применения норм административного права в сфере реализации прав граждан // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. Сборник научных трудов. Вып. 12 / Редкол.: Баиева Н.А., Грязнов Д.Г., Калашникова Е.Н. (Отв.ред.), Ковязин В.В., Невская Т.А., Некрасов Е.Е. (Науч. ред.), Орлов В.Н., Смирнова А.А., Труфанов М.Е., Удовыдченко М.А. (Гл. ред.), Шевчук С.С. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2005. С. 48-52.
20. *Устинов В.С.* Техника конструирования дефиниций в уголовном законодательстве / В.С. Устинов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей в 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 206-207.
21. *Шамков С.В.* Проблемы транснациональной торговли людьми и связанная с этим криминальная ситуация в Омской области / Организованный терроризм и организованная преступность. М., 2002. С. 209 – 214.

22. Юридическая техника: курс лекций / Департамент гос. службы и кадров МВД РФ; Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. М.: ДГСК МВД России, 2012. 384 с.
23. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Под ред.: Власенко Н.А., Хабриева Т.Я. М.: Эксмо, 2009. 272 с.
24. Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права: [Сб. статей] / Моск. ин-т нар. хоз-ва им. Г. В. Плеханова. Под ред. С. Н. Братуся, О. С. Иоффе, Я. А. Куника. Вып. 36. М.: Юрид. лит., 1964. С. 10–51.

Статьи в периодических изданиях:

1. *Абрамов Ю.К.* Эволюция концепции государственной службы в США // США и Канада: экономика, политика, идеология. 1997. № 1. С. 33 – 36.
2. *Авдеева М.В.* Уголовно-правовая норма и уголовно-правовой запрет // Законодательство и экономика. 2012. № 6. С. 42-49.
3. *Алексеев С.С.* Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. 1973. № 5. С. 43-51.
4. *Аминев Р.Н.* Система правовых запретов в уголовном процессе // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа: РИО БашГУ, 2003.
5. *Бару М.И.* О статье 1 ГК // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 117–120.
6. *Березовская С.Г.* Регулирование "гражданской службы" в США // Советское государство и право. 1969. № 5.
7. *Братусь С.Н.* О пределах осуществления гражданских прав (ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик) // Правоведение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1967. № 3. С. 79-86.

8. *Бойцова В.В., Бойцова Л.В.* Политическая нейтральность государственных служащих в Англии // Государство и право. 1992. № 9. С. 117 – 119.
9. *Бубон К.В.* Запрет как способ защиты гражданских прав // Адвокат. № 3. 2007. С. 21-28.
10. *Гудошников Л.М.* Система государственной службы в Японии // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 131 – 133.
11. *Деменева Н.А.* Проблемы запрещения дискриминации в сфере наемного труда // Трудовое право в России и за рубежом. № 1. М.: Юрист, 2013. С. 45-49.
12. *Дуюнов В.К.* Реформирование уголовного законодательства должно быть обоснованным // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1(11). С. 12-18.
13. *Егорова Л.Ю.* Международные акты и российское законодательство о запрете рабства и работорговли // Международное публичное и частное право. 2005. № 6.
14. *Едкова Т.А.* Обсуждение доктрины запретов в административном праве // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 137 – 144.
15. *Иванова З.Д.* Запрещающие нормы в механизме правового регулирования // Советское государство и право. 1975. № 1. С. 108-112.
16. *Иванчин А.В.* Неизбыточность уголовно-правового запрета как правило конструирования состава преступления // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 2 (24). С. 37–40.
17. *Козлов В.В.* Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации (о некоторых проблемах правовых ограничений военнослужащих, установленных статьей 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих») // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 5. С. 36-40.

18. *Коломийцев В.Ф.* Подготовка государственных служащих во Франции // Государство и право. 1993. № 11. С. 94 – 97.
19. *Кострова М.Б.* Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 80-88.
20. *Кривоносов Д.А.* Административные запреты в системе государственной службы Российской Федерации. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2009.
21. *Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С.* Правовое поведение, его субъекты и пределы // Правоведение. 1980. № 3. С. 31–40.
22. *Куракин А.В.* Административно-правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 79 – 80.
23. *Лопухов В.И., Рагулин А.В.* Суд признал нарушением профессиональных прав адвоката запрет на проход на территорию исправительного учреждения с портфелем и мобильным телефоном // Евразийская адвокатура. № 3(4). 2013. С. 102–106.
24. *Майоров В.И.* Временный запрет деятельности: проблемы правоприменения // Современное право. М.: Новый индекс. 2006. № 4. С. 62-65.
25. *Малеин Н.С.* Современные проблемы юридической ответственности // Государство и право. 1994. № 6. С. 23–32.
26. *Малько А.В.* Запреты как средства правовой политики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1(11). С. 3–11.
27. *Мусарский С.В.* Обзор судебной практики применения норм о запрете злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) (полный анализ всей судебной практики за 1995 - 2011 годы) // СПС Консультант плюс.
28. *Назаров В.Н.* Конституционные основы защиты прав налогоплательщика // Финансовое право. 2007. № 9. М.: Юрист, С. 22–26.
29. *Ноздрачев А.Ф.* Государственная служба (законодательный опыт Германии) // Советская юстиция. 1993. № 16. С. 21- 23.

30. *Оболонский А.В.* Государственная служба во Франции // Государство и право. 2000. № 11. С. 60 – 62.
31. *Пирогова В.В.* Судебные запреты (Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности – ст. 44 ТРИПС) (Статья подготовлен для системы КонсультантПлюс) // СПС КонсультантПлюс. 2012.
32. *Попова А.А.* Запреты в современном российском праве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 67 / Отв. ред.: Хачатуров Р.Л.; Тольятти: ВУиТ, 2007. С. 137-141.
33. *Рагулин А.В.* Проблемные вопросы реализации адвокатом права на свидание с подзащитным // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2008: Материалы X международной научно-практической конференции, 3–4 апреля 2008 г. – Челябинск, 2008. – Ч. III. – С. 248–250.
34. *Рагулин А.В.* Ноутбуки под запретом // Адвокатские вести. 2011. № 5–6 (127–128). С. 41–43.
35. *Радько Т.Н.* О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Вып. 1. Волгоград: НИиРИО МВД СССР, 1969. С. 87-98.
36. *Рарог А.И., Грачева Ю.В.* Законодательная техника как средство ограничения судьейского усмотрения // Государство и право. М.: Наука, 2002. № 11. С. 93-100.
37. *Рясенцев В.А.* Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. 1962. № 9. С. 7–10.
38. *Сазанова И.В.* Об условиях применения запрета злоупотребления гражданским правом / И. В. Сазанова // Гражданское право. 2013. № 2. С. 15-17.
39. *Сушкевич А.Г.* Антиконтурентные соглашения: запреты, исключения из запретов и их пределы в новом Федеральном законе «О защите конкуренции» // Законы России: опыт, анализ, практика». 2007. № 6.
40. *Тарасов А.А., Шарипова А.Р.* О нормативном выражении некоторых правовых запретов в отраслевом законодательстве (на примере налогового

законодательства) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. № 1(11). С. 31-36.

41. *Трегубова Е.В.* Административный механизм реализации правового запрета: понятие, признаки, система. Часть 1 // Административное и муниципальное право. М.: Nota Bene. 2010. № 5 (29). С. 76-91.

42. *Трегубова Е.В.* Проблемы реализации актов применения запрещающих норм административного права // Административное и муниципальное право. М.: Nota Bene. 2009. № 2 (14) С. 71-77

43. *Трегубова Е.В., Марьян А.В., Кривоносов Д.А.* Административно-правовое регулирование института правового запрета в системе государственной службы // Административное и муниципальное право. М.: Nota Bene. 2010. № 8 (32) С. 7-16.

44. *Щур-Труханович Л.В., Щур Д.Л.* Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оценка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий // СПС КонсультантПлюс. 2011.

Диссертации и авторефераты:

1. *Антонов А.Д.* Теоретические основы криминализации и декриминализации: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2001. 29 с.

2. *Братко А.Г.* Запреты в советском праве: Вопросы теории: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А.Г. Братко; Саратов, 1979. 18 с.

3. *Глухова Н.В.* Принцип запрета принудительного труда в системе средств правового регулирования трудовых отношений. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Спб., 2007.

4. *Илясов А.Н.* Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ): Дисс. ... канд. юрид. наук / / Андрей Николаевич Илясов; Саратов, 2008.
5. *Комарова Т.Е.* Функции запретов в механизме гражданско-правового регулирования. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук // Татьяна Евгеньевна Комарова; М., 2008. 27 с.
6. *Левченко О.В.* Временный запрет деятельности как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: вопросы теории и практики. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук / Олег Викторович Левченко; Ростов-на-Дону, 2009. 27 с.
7. *Нурмагамбетов Р.Г.* Запреты и ограничения в конституционном праве. Дисс. ... канд. юрид. наук / Рашид Габитович Нурмагамбетов; Челябинск, 2006. 223 с.
8. *Нурмагамбетов Р.Г.* Запреты и ограничения в конституционном праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Рашид Габитович Нурмагамбетов; Челябинск, 2007. 26 с.
9. *Пикуров Н.И.* Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве). Автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Н.И. Пикуров; М., 1982. 22 с.
10. *Рыбушкин Н.Н.* Реализация запрещающих норм советского общенародного права. Дисс. ... канд. юрид. наук / Николай Николаевич Рыбушкин; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1986. 172 с.
11. *Семенюта Н.Н.* Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: Автореф. ...дисс. канд. юрид. наук / Надежда Николаевна Семенюта; Уральская государственная юридическая академия. Омск, 2000. 26 с.
12. *Слепченко Ю.Н.* Запреты в административном праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Ю.Н. Слепченко; Воронеж, 2002. 24 с.

13. *Слепченко Ю.Н.* Запреты в административном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук / Ю.Н. Слепченко; Воронеж, 2002. 233 с.
14. *Султыгов М.М.* Запрет как метод правового регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук / М.М. Султыгов; СПб., 1996. 150 с.
15. *Тагирова В.А.* Уголовная ответственность за отмывание доходов от преступной деятельности и его предупреждение: вопросы теории и законоотворчества: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Вероника Анатольевна Тагирова; Изд-во Казан. ун-та. Казань. 2005. 28 с.
16. *Чиков П.В.* Военные санкции в международном праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук Казань, 2003. 28 с.

Интернет-ресурсы, справочно-поисковые системы:

1. <http://президент.рф>
2. <http://www.council.gov.ru>
3. <http://www.duma.gov.ru>
4. <http://www.consultant.ru>
5. <http://www.garant.ru>
6. <http://www.kremlin.ru>